

От Автора

Все знают имя Робин Гуда. Его подвиги стали синонимом борьбы с богатыми и властолюбивыми негодяями. Но если этот герой именно вы, а не вымышленный литературный персонаж? Какими тогда будут ваши мысли и поступки? Что вы станете делать, если местом вашего рождения является XX век, а не глубокое средневековье?

Главный герой романа решает эту проблему по-своему. Он дитя славной советской действительности, напичканный идеалами добра и справедливости по самую макушку. В сложившихся обстоятельствах его поддерживает самоирония, безусловное идеологическое воспитание и, конечно же, крепкое физическое здоровье. Кроме того, он мастер спорта по стрельбе из лука, а такое старомодное искусство никогда не пропадет даром, тем более там, где царят жестокие нравы, и звучит лязг мечей и грохот щитов.

Описание идет от первого лица. Это как бы дневник нашего современника, читая который каждый из нас может заново переосмыслить рождение таких исторических лиц, как Робин Гуд.

Идея романа заключается в том, что человек всегда в какой-то степени жертва того воспитания, которое получил. Герои, как и подонки, это зачастую всего лишь следствия наших культурных достижений или подлых дел...

Форма произведения задумана как сценарий для художественного фильма с явным сатирическим уклоном. Эпизоды создавались на манер театральных или киностановочных сцен и тд. и тп. Разумеется, автор не несет никакой моральной ответственности за чье-то искаженное восприятие данной истории, поскольку глубоко убежден, что мир в принципе аморален, слово - безнадежно истрепано, а читатель - это вообще фикция рыночной экономики.

Андрюс Ли

РУБИН GOOD

Фантастический роман

Эпизод первый - вступительный.

Он показывается место действие романа, в котором положено находиться всякому натуральному герою.

К берегу подошли тихо, едва касаясь веслами соленой глади воды. Вынырнули поутру из тумана, толкнули сушу хищными клювами драккаров и высадились на большую землю, словно демоны из преисподней.

- Все сжечь! - не мешкая, повелел главарь. - Чтобы духу живого не осталось!

И дух потянулся наверх, к облакам, прожорливо обласканный пламенем: дух чужой жизни, дух переваренной пищи, обугленных руин, паленой соломы и горячей людской плоти. Дома горели как факелы, воткнутые в землю для пушного озарения темного мироздания. Их сожгли быстро. Быстрее сгорали только одинокие купеческие корабли и утлые лоханки рыбаков, неспособные оказать никакого серьезного сопротивления.

Мужчин, готовых сражаться насмерть, рубили нещадно, будто навсегда вычищали отвоеванный земельный надел от поганных иноземцев и сорняков. Лязганье тяжелых мечей, грохот сшибленных щитов и гулкие удары увесистых боевых топоров, всажённых в жилистое человеческое мясо по самый обух, двигали стрелки часов на свой особый лад, отмеряя ход времени неслышным бегом секунд...

...А время летело ходко, как уведомление на тот свет. Оно мчалось без оглядки, из века в век, к предначертанному концу эпох, словно гигантское пушечное ядро, устремленное в приплюснутый зенит ради вящего беспредела развороченного пространства.

Это была кровавая бойня, занятие для скотобоев и скотов, суровое ремесло, сродни беспросветной пахотной работе. Работа тяжелая и опустошительная, как набег озверевших варваров с далеких окраин обнищавших империй. Это была непреходящая борьба за наживу, за крупницы золота и звон серебра. Столь серьезное дело требовало от исполнителей могучего здоровья, адской выносливости и волчьей прыти.

Безжалостная рубка не утихала ни на минуту.

В этой бойне терялись короткие крики о пощаде и тщетные мольбы к небесам. Небеса молчали, слышался только грохот обрушенных крыш и шумный гул пламени. Разбой не нуждался в огласке и болтливых свидетелях. Убийство являлось главным уделом существования, безоговорочной печатью ада и зла. Другой картины мироздания не наблюдалось, поскольку время принадлежало жестоким хозяевам. Оно не ведало иного языка, кроме языка каленого железа и приговоров к смерти. Мир был разрушен. Он был раздавлен раз и навсегда, как навозная муха под башмаком угрюмого лорда.

Кто осмеливался перечить, живо оказывался на том свете - с перерезанным горлом или вспоротым животом. Тем же, кто умел причинять ответные раны, обнаруживая непокорность и чуток завидного бесстрашия, оказывали особые почести. Таким несговорчивым парням ломали ребра и вздергивали на ближайший сук, дабы другим неповадно было выступать героями там, где должны царствовать одни победители, а не толпы свободных ремесленников и землепашцев.

Пленных не брали, не желая отягощаться лишней обузой и хлопотами. Людей резали и забивали, словно тупой бессловесный скот.

Между делом, сатанея от густого запаха крови и абсолютной безнаказанности, кидались на любой женский визг, на каждое женское тело, подобно одичавшему зверью.

Женщин насиловали повсюду, где только настигали: в сараях, распаханых огородах, разоренных домах и чуланах. Их насиловали в родительских опочивальнях и прямо на улице, посреди грузных коровьих лепешек и куриного помета. Задирали подола, рвали ткань, сдирали одежды, жадно лапали заскорузлыми пальцами причинные места, подминали трепещущие жертвы, грубо и умело раздвигали белые колени и в три счета освобождали собственные чресла от избытка жгучего семени.

Этому занятию отдавались безудержно - по-скотски, покуда кровь в жилах не переставала кипеть от похоти и длительного морского воздержания.

Покончив с плотскими утехами, хладнокровно продолжали погром, оставляя скрюченных от боли и срамоты девок и жен на волю завтрашнего дня, обогатив их вчерашние семейные ценности новым греховным опытом.

Впопыхах грабили все без разбору. Хватали, хапали, волокли, растаскивали и прибирали к рукам уйму раскиданного шмотья, нехитрый хозяйственный скарб, деревянную утварь и визжащих под ногами свиней.

Напоследок, глумясь и потешаясь, смачно харкая багровой слюной, кучно обступили небольшой молельный храм. Оттуда доносились иступленные вопли и громкие завывания. Здесь напрягать мозги особо не стали: сходу обложили обитель пухлыми вязанками хвороста и тотчас подпалили. Огонь взметнулся немедля, охотно, жарко и высоко, как будто издревле тут и хоронился.

Озаренные снопами искр, в дыму и пламени, будто черти на раскаленной сковородке, с шумным треском вышибли дубовые двери, и принялись рубить ораву выбегающих людишек зазубренной сталью клинков.

Затем, с хохотом и прибаутками, подхватили на руки пару испуганных монахов и под изуверское улюлюканье полусотни широко распахнутых глоток намертво пригвоздили несчастных к стенам собственного храма. Гвозди были отменные, не ржавые, толстые, как восковые свечи на алтарях и к тому же весьма приличной длины. Эти гвозди ковались из хорошего железа, их сработал весьма искусный кузнец. Они ладно входили в мягкие тела священнослужителей, визжащих от боли не хуже свиней.

Когда все было кончено, место недавнего человеческого поселения выглядело кровавым месивом, над останками которого поднимался густой смрад выжженного пепелища.

Эпизод второй

Он приводит любознательного человека к пониманию собственной бренности и хрупкости перед колоссальным ликом природы. В этом месте также вполне сносно излагается некоторая разница между волками и овцами, сущность которых не претерпела значительных изменений с тех самых пор, как в бездонной яме Вселенной заморгали первые огоньки криминальных созвездий.

Рубин сидел прикованный к длинному веслу драккара. Перед ним, как на ладони, располагалась дымящаяся грудка жаркого пепла - все, что осталась от небольшой прибрежной деревушки. За дымом и пепелищем виднелось широкое поле, засеянное золотистой рожью, и далекая полоска леса. Рубин был гребцом, одним из немногих, что сидели рядышком. Люди вели себя затравленно и молчаливо, поскольку смерть витала где-то недалеко, отправляя к небу последние ошметки чужой разоренной жизни.

В такой компании хотелось удушиться. Это были отбросы общества, народ дикий, разнообразный и подавленный, сбитый в единую кучу, словно ворох потрепанных манекенов с ярмарки вчерашнего счастья и залежалых женихов. Мужчины сидели безропотно, словно на обширных поминках давно усопшей родни, и вполне добросовестно дышали друг другу в затылок. Дышали, как было заведено со времен Адама и Евы, выделяя углекислоту и метановые соединения куда больше, чем следовало приличным людям. Никакого шевеления, никаких толкований. Народ держал язык за зубами, упорно цепляясь за обломки ускользающей надежды: что кровь и смерть, что подлая чаша сия обойдет их стороной.

В общей массе преобладали хмурые ремесленники из Саксонии. Среди них, словно у себя дома, расселись бородатые английские сукновалы и троица вшивых испанских вилланов. Чуток подальше примостилась парочка чумазных маркитантов родом из южной Франции. Оба щерились бездонными черными ртами, где не хватало передних зубов и гуманного влияния цивилизованной стоматологии. Тут же, возле несчастных французов, словно грязные тыквы на грядках, торчали головы нескольких итальянских мореходов. Рядом опасно приподнимались и опускались лопухие котелки четверых беглых авантюристов из польских краев. Эти шустрые паны, чья пшекающая речь набила оскомину, держались неприметно и обособленно, словно тараканы за печной трубой.

Справа от шляхтичей, вдоль низенького борта, сидели мусульмане. Их было шестеро - шестеро незадачливых торговцев верблюжьей шерстью из Азии. Они напрягали мозги с натугой, почти со скрипом, зато непреклонно и основательно. Они взвешивали ситуацию на свой торговый лад, на

мнимом безмене, однако каждый ясно понимал, что при любом коммерческом раскладе прибыльные дивиденды находятся далеко отсюда.

За ними сидел невысокий, но крепенький богомолец по имени Дафни из Нидерландов. Он любил поминать имя божье всуе, по любому поводу, но бог не отвечал ему, только подбрасывал все новые и новые испытания.

Рядом с Дафни находился узкоглазый японец. Звали его Такеда. Это была экзотическая личность, под стать пришельцу из космоса. Как он попал на корабль, оставалось полной загадкой. Он занимал место на корме, в точности там, где викинги устроили отхожее место, опорожняясь в воды мирового океана безо всякого стыда и совести. Японец выглядел гордым соколом, у которого отняли язык и крылья еще при самом рождении. Норманны много раз гадили у него под носом, демонстрируя тем самым полный круговорот дерьма в природе, однако восточная невозмутимость этого смуглолицего парня превосходила человеческую гнусность на все сто процентов.

Большинство гребцов посматривало на царивший кругом бардак безучастно, пустыми веждами вконец пришибленных тварей. Эта пестрая компания привыкла к виду смерти с раннего возраста, так что еще одна полусотня изнасилованных женщин, мертвых детей и порубленных на куски мужчин, ничего не меняла в их дремучей и беспросветной жизни. Однако имелись и такие, кто хмурил брови и сжимал кулаки до хруста, кто стискивал зубы от лютой ненависти, хороня в уголках прищуренных глаз колючие огоньки непримиримой злобы.

Впереди вздохнул мускулистый широкоплечий мавр по имени Али Ахман Ваххрейм. Он гляделся отменно, как самый последний босяк на всем побережье средневековой Европы. С таким напарником можно было переплыть все моря на свете и оказаться на берегах райских островов. Однако судьба рассудила иначе. Она цинично раскидала крапленую колоду карт в чужую пользу, так что с ними особо не церемонились и при случае щедро давали как в лоб, так и по загривкам.

Будто расслышав невеселые раздумья напарника, Али Ахман Ваххрейм обернулся. В его темных мавританских очах, глубоких, словно египетская тьма, Рубин прочел затаенную ярость. Эта ярость грозила выйти наружу, она предвещала настоящую бурю, только бы ей дали выход. Черный лик Али Ахмана Ваххрейма выглядел до боли эпическим, он смотрелся таинственным и одухотворенным, как эбонитовая маска шамана, шепчущего загадочные заклинания своих чернокожих предков.

Глядя мавританцу в глаза, Рубин мысленно перекрестился. Али Ахман Ваххрейм ухмыльнулся в ответ и красноречиво плюнул за борт.

Над всклокоченными макушками гребцов немедленно просвистела длинная плеть надсмотрщика, принуждая пригнуться к самому настилу и держать рот на замке.

Драккар мягко покачивался на волнах возле самого берега. Он упирался востроносым килем в желтую песчаную косу, напротив обугленных останков храма и двух изувеченных священников. Норманны величали свой корабль не иначе как "Огненный дракон".

Эта "огненная лохань", наряду с другими челноками, надоела Рубину с невероятной силой. И хотя кораблей было немного (не более дюжины), этого было вполне достаточно, чтобы день за днем проклинать их появление на божий свет. Рубина давно мучило от длинных и тяжелых весел, от скользких лавок, от пересоленной кормежки и тягостных переглядываний с товарищами по несчастью. Но хуже всего были хозяева. Он научился понимать их с полуслова. Их язык и манеру общения. И чем более понимал, тем более изумлялся, поскольку исконный норманнский говор звучал тут нечасто. Доносились, разумеется, редкие упоминания о пресловутых чертогах Валгаллы и валькириях, однако не более того. Это выглядело странно. Хотя человек, порой, намного проще, чем кажется, и уж куда диковиннее любой диковинки, если, конечно, внимательно рассмотреть его со всех возможных точек зрения.

Сделав такой вывод, Рубин постарался относиться ко всему мудро и терпеливо, без внутренних конфликтов и тягостных переживаний.

"Ведь могло бы быть и хуже... - с кривой усмешкой рассудил он. - А так имеем то, что имеем и смотрим в светлое будущее с неувядающим оптимизмом".

Помимо прикованных к веслам рабов на борту "Огненного дракона" находилось более четырех десятков бойцов. После обильного кровопускания, они вели себя крайне возбужденно, раздавались грубые возгласы, срамные шуточки и довольный хохот. Среди разбойников особенно выделялся главарь - эдакий кряжистый верзила, чья угрюмая физиономия могла бы достойно украсить любой каземат мира. Подле него топтались несколько широкоплечих охранников, пудовые кулаки которых напоминали о каменных жерновах и чугунных гирях.

Прислушиваясь к гулким речам экипажа, Рубин вновь подивился тому, что корабль буквально кишит самыми разнообразными подонками, включая гопников из Германии, Нормандии, Италии, Франции и даже самых отдаленных районов северо-восточной Африки. Поначалу столь забавный курьез сильно озадачивал его, ибо столь пестрая компания "варягов", никак не укладывалась в тексты многих историко-авантюрных сочинений, зачитанных Рубиным на заре туманной юности буквально до дыр. Но затем он собрал остатки собственных впечатлений в кулак и твердо решил воспринимать реальность таковой, каковой она выглядела на самом деле.

Реальность же была до боли конкретной. Никаких имущественных прав и приличного места для Рубина здесь не находилось, наоборот обстоятельства требовали от него полного повиновения и покорности.

Подле "Огненного дракона" покачивались еще два драккара. Один назывался "Стрела ветра", а другой "Разящий топор". Корму и нос каждого корабля украшали свирепые лики мифологических чудовищ.

Чуть подальше, упираясь массивным форштевнем в плодородную землю французских владений, находился новехонький шнеккер. Он носил гордое имя "Левый палец тьмы" и казался напыщенным франтом посреди отпетых мошенников и стервцов. За ним, вяло поскрипывая мачтами и прикасаясь смоляными бортами друг к другу, стояли североевропейский дромон и тяжелый кнорр*. Оба корабля осели глубоко в воду, почти черная соленую влагу недоброго Кельтского моря. Особенно тяжеловесным выглядел кнорр, переполненный добычей сверх всякой меры.

- Матка боска, - проворчал один из поляков. - Эти люди скорее на дно пойдут, чем расстанутся с награбленными добром...

Остальные промолчали, мысленно взвешивая залежи добытого имущества.

А имущества хватало с избытком. Норманны спешно, но аккуратно перетаскивали на свободные челноки остатки чужой собственности, включая небольшой чугунный колокол, какие-то объемистые сундуки, обитые кованым железом, тюки с зерном, посуду, оружие и резную мебель.

Отчалили так же бешено и стремительно, как и налетели, не оставляя позади ничего хорошего, кроме смерти, холода и забвения...

Эпизод третий

Здесь повествуется о жизни заурядного корабельного гребца, доля которого сводится к тому, чтобы запросто горбатиться на веслах за кусок вяленой рыбешки и чарку с водой.

Работа на веслах несложная, но тяжелая, чем-то схожая с работой благопристойного повара, то есть знай себе загребай погуще и наваливайся поплотнее. Вот Рубин и наваливался. Наваливался плотно и старательно, как делали другие гребцы, намертво прикованные к скамьям. Ведь если не навалишься, как следует, то тебя самого с превеликой охотой вывалят за борт.

Отойдя от берега на полусотни сажений, на кораблях мигом поставили грязные полосатые паруса, и пошли, вздымая волны форштевнем, к далеким побережьям Норвегии.

Так закончился этот день. Правда, прикорнуть толком не удалось, ибо налетевший шквал заставил гребцов приумножить усилия и в сплошной непроглядной темени упорно выдерживать оглушительный натиск стихии.

Никто не заметил, когда наступил рассвет. Просто, вместо будильника, кто-то, вдруг, хрипло и длинно откашлялся, будто старался вывернуть нутро наизнанку.

- Во имя Аллаха... - негромко произнес Али Ахман Ваххрейм, пытаясь собрать застывшие губы в коричневый бутон для плевок. - Там, где есть свет, там есть и надежда.

С такими оптимистическими словами настроение малость улучшилось, хотя все прекрасно понимали, что свет и надежда куда слабее вездесущего горя, глупости и нищеты.

Когда чуток потеплело прозвучала свежая шутка: "Дескать, солнце - это наше всё и даже больше. А раз оно так, то хотелось бы чего-нибудь более существенного, чем жаркий огонек над ничтожной маковкой богобоязненного человека. К примеру, знатную бадью полноценной выпивки, отборный

---

* Драккар, шнеккер, дромон, кнорр - старинные средневековые корабли. Обладали неплохими мореходными качествами, особенно драккар. Эта громадная лодка, длина которой достигала иногда семидесяти метров, могла развивать скорость до 9-10 узлов. Жаль, что в погоне за скоростью, викинги не смогли угнаться за такими элементарными вещами, как добрососедские отношения с другими народами, уважение к чужому труду и честная торговля.

центнер жареных шкварок или шумный косяк молодых ядреных баб, у коих было бы что пощупать и за что подержаться настоящему мужчине".

- Га-га-га!..

После столь жизнеутверждающей остроты настроение поднялось выше солнечного диска. А меж тем мир вокруг был пустынен и равнодушен, как полагается всякой мировой безбрежности, устремленной к явному концу света едва ли ни с первых дней творения. Где-то очень далеко-далеко, на грани видимости, маячила линия горизонта - чистая и опрятная, словно кривое лезвие турецкого ятагана. Один из поляков, медленно шевеля губами, сравнил открывшийся окоем с величайшей колыбелью.

- Правда, качают её недобрые силы, - мрачно заметил кто-то.

- А сие не нам решать, - кротко возразил Дафни из Нидерландов. - Кто бы не раскачивал наш мир, мы должны держаться вместе.

"Вот и поговорили... - меланхолично подумал Рубин. - Похоже день снова обещает вечную перебранку друг с другом и много работы".

- Главное, что ночь пережили, а там глядишь и день переживем, - подытожил Дафни.

Ему никто не возразил. Разве что небо над океаном чуть потемнело, отображая полупрозрачный лунный диск и крохотный свет безымянной звезды. Издалека казалось, что спутник Земли - это всего лишь огромный стеклянный шар, наполненный туманными очертаниями неведомых животных и кривыми рожами космических проходимцев.

Рубин встряхнул головой и вышвырнул эти образы за борт. Однако Али Ахман Ваххрейм тотчас заметил, что Луна напоминает ему бледную лысину правоверного магометанина, выбритую острым ятаганом вдоль и поперек, вплоть до зеркального блеска.

Рубин еле слышно выругался, нехотя возвращаясь к мучительной реальности и шумному плеску волн.

- Эж тебя перекосило, милоч... - насмешливым тоном процедил кто-то. - Сразу видать, что ты с прищуром живешь, а надобно с открытой душой.

Разумеется, Рубин прищурился вновь и попытался глянуть на мир иначе, с открытой душой.

Увы, картина не изменилась. Наоборот, ему сделалось совсем худо, ибо океан вокруг буквально заволаживал, он заставлял думать о собственной брэнности с необъяснимой и мучительной тоской.

- При таких обстоятельствах и невыгодном раскладе мы как будто горох, рассыпанный из дырявого мешка... - Едва слышно подметил кто-то из гребцов. - Мы как бесхозный урожай, упавший на дорогу, где нас сожрет любая птица, а не только говенные норманны.

- Какой горох, уважаемые паны?! - искренне подивились поляки. - Какой урожай, вашу мать?! Вы что совсем с ума посходили!

- Да... - задумчивым тоном подхватил Али Ахман Ваххрейм. - Мы скорее шелуха под ногами богов. Мы несемся по воле небес, как Аллах на душу положит, однако упорно думаем, что двигаемся по собственной нужде к вершинам наших жалких судеб...

Размышления навевали неописуемую хандру, заставляя горевать выше нормы. Однако норманны вернули гребцов к реальности. Они не витали в облаках, а вполне практично рассматривали ситуацию.

Оказалось, что кроме нескольких потрепанных драккаров, на сотни миль вокруг не наблюдается ни единой знакомой посуды. Горизонт напоминал грандиозную нишу, гостеприимно прорубленную к подножью сверкающей пропасти: ни "Левого пальца тьмы", указующего путь к дьяволу, ни североевропейского дромона, ни тяжелогруженного кнорра, ни единой транспортной лоханки, ни единой живой души окрест. Мир как будто специально вычистили от постороннего мусора, чтобы легче дышалось небесам.

- Похоже, викингов смыло к чертовой матери? - тихо предположил кто-то.

- Ага... - с кривой усмешкой обронил Али Ахман Ваххрейм. - Надеюсь, они более не всплывут навстречу своим "дорогим братьям", словно верблюжье дерьмо в пустынном оазисе.

- А мы кто?! - живо отозвался еще один голодранец. - Такое же дерьмо, как и наши хозяева, если не хуже. Молитесь грешники, ибо пустота - пустотою, но даже в абсолютной пустоте завсегда отыщется косяк смысленных рыбок, желающих оторвать подходящие яйца вместе с железным крючком.

Итог казался неутешительным.

- Все сгинуло - к дьяволу в пасть! - сокрушались викинги. - Какой резон в геройских плаваниях и увечьях, если вместо основательного барыша кругом видны одни убытки!

"Да... - вполне резонно поддакнули про себя уставшие гребцы, всяческим образом изображая на лицах мировую скорбь и житейское сочувствие. - Кто не способен создавать собственное добро, тот и чужого не удержит".

Тем временем скандинавские громилы мрачнели с каждым часом.

- Пес с ним, с чужим скарбом, - толковали они меж собою. - В другой раз его поимеем. А вот корабли - эта серьезная утрата! Без них - любой викинг не более чем сухопутная крыса...

"Ага... - снова вполне благожелательно подумали про себя сострадательные гребцы. - С кораблями вы или нет, но с крысами вам точно по пути".

Лица невольников при этом светились неугасимой христианской верой, включая молчаливого японца Такеду и мавра. Они с полным смирением обратили свои лики навстречу погожему золотому светилу и, преисполненные вселенской благодати, преспокойно положили ладони на весла.

Викингам подобное сочувствие явно не понравилось. Привычная тьма ругательств понеслась со всех концов "Огненного дракона". Впрочем, невзирая на потерю скарба и коварные происки фортуны, ближе к полудню измотанным гребцам дали малость пожрать. Кормежка была хоть и грубая, но вполне сытная. Она состояла из вяленого мяса, пересоленного на добрую сотню процентов, кислых ломтей ржаного хлеба и глиняной плошки с водой. Кормили скупно, но вполне разумно, чтобы хватало сил на справную работу.

После стылого ночного ветра еда пришлось кстати. Если бы не длинная ржавая цепь, аккуратно протянутая меж ногами гребцов, то жизнь могла бы выглядеть всего лишь беспокойным сновидением усталого путника, а не затяжной страшилкой неведомого сочинителя.

Рубин снова осторожно попробовал оковы на прочность, однако свобода стоила куда дороже его жалких потуг.

Видя тщетные усилия товарища, широкоплечий мавр понимающе ухмыльнулся. Рубин мрачно улыбнулся в ответ. Улыбнулся неприметно, краешком губ, чтобы колючая плеть надсмотрщика не прошла по его улыбочивой физиономии.

Али Ахман Ваххрейм вновь оскалился, обнажая ровную череду белых зубов: "Дескать, ничего-ничего, мой добрый друг, сей поводок не самый ужасный подарочек, который можно обнаружить в пределах этой сказочной ойкумены. Главное, чтобы вместе с утраченной свободой у тебя не отняли чего-нибудь куда более существенное, чем твоя вчерашняя независимость и чувство собственного достоинства".

Норманны вели себя на удивление спокойно. Утолив "горе" добрыми чарками вина, воины дремали возле самой мачты. Здоровый главарь, которого Рубин мысленно окрестил Флибустьером С Большой Буквы, изволил приткнуться пьяной рожей в деревянный настил и погрузился в долгий сивушный сон. Рядом приткнулись его боевые соратники. Таким образом, в окружении собутыльников и добротных бочек душистого ирландского пива, Флибустьер С большой Буквы летел к своей заветной мечте. Вместе с ним летели минуты и часы очередных суток, превращая окружающий мир в привокзальную площадь, где всё шумит, и все куда-то отъезжают, пока ты один сидишь на чемо-данах и терпеливо ждешь своего запоздалого поезда.

- Летите голуби, летите... - ядовито проворчал какой-то недремлющий гребец. - Надеюсь, ваш полет закончится в нужном месте, на положенной виселице, где злое воронье и людские проклятия окажут вам самые достойные почести.

В ответ раздался зычный храп. Викинги прохрапели всем скопом. Прохрапели обстоятельно и дружно. Они всхрапнули так, что небосвод слегка содрогнулся, заставляя облака темнеть и наливаясь праведным гневом. Только надсмотрщик из Бирки* - здоровенный детина с хлыстом, сделал вид, что все идет по плану. Этот угрюмый парень настороженно следил за притихшими гребцами. Между собой, втихомолку, прикованный к веслам народ называл его Проклятым Биркой.

Так прошел еще один день и еще одна ночь...

Эпизод четвертый

Он возник случайно, как возникает всякая случайность в этом сумасбродном мире.

---

* Бирка - город на берегу юго-восточной Швеции. Богат обширными захоронениями эпохи викингов. Что касается захоронений, то любовь к отеческим гробам и кладбищам воспел еще А.С. Пушкин. Это подлинный факт. А с фактами, как известно, равно как и с Пушкиным спорить совершенно бесполезно, тем более что Пушкина давно убили, а истинные факты сами по себе способны убить кого угодно.

На третий и четвертый день плавания ходко прошли проливы Ла-Манш и Па-де-Кале. В Северном море натолкнулись на сильный встречный ветер и были вынуждены дрейфовать на северо-восток, в сторону далекого Варяжского моря*. На пятые сутки, после нескончаемой бурной ночи, едва рассвело, совершенно неожиданно повстречали дюжину торговых кораблей. Благодаря численному превосходству они двигались навстречу скандинавской флотилии с бесцеремонной и отвратительной наглостью, словно стая борзых собак, увидавших вдруг целый выводок медведей посреди чистого поля.

Когда подошли ближе, быстро выяснилось, что корабли принадлежат французским негодьям.

- Купцы-то явно из Ганзейского союза**, - заметил кто-то. - Ишь охраны-то сколько...

Действительно, торговый флот сопровождался несколькими военными кораблями, борта которых буквально ошетились копиями и алебардами. Похоже, этот рыночный коллектив шел из северной части Европы, следуя в прибрежные области Венеции, а может быть и куда подальше, к самым истокам мироздания.

Небо было безоблачным. Оно походило на пустую и опрятную скатерку, расстеленную на вдовьем столе у осиротевшего семейства, так что встречный флот выглядел как на праздничном параде. Где-то - еще дальше, возле самого горизонта маячила еще одна горстка разноцветных парусов.

- Святой Себастьян***! - с надеждой воскликнула парочка чумазных маркитантов родом из южной Франции. - Это же наши братья!..

Казалось, французы покажут себя как истинные родственники, коим беды и несчастья далеких сородичей понятны и близки как собственные проблемы и хворь. Купцы были рядом, рукой подать, однако норманны предпочитали иные родственные отношения. Недолго хмурая кустистые брови, суровые воины Валгаллы сходу развернули свои шустрые челны на запад и устремились к Туманному Альбиону как проклятые.

Разворот прошел лихо. В основном за счет веселого управления и громогласных подбадриваний Проклятого Бирки. Тут уже основательно досталось гребцам. Впрочем, французские мореходы даже глазом не моргнули, чтобы начать преследование исконных врагов.

Маркитанты с надеждой оглянулись взад, и тотчас же уразумели, что древние сыны прославленных булочников и думать не думали о погоне.

- Mon Dieu! - воскликнул один из них. - Где твоя справедливость?!

"Ну что ж... - подумал в этом месте Рубин. - Чем меньше иллюзий о справедливости этого мира, тем больше поводов для закалки собственного характера".

- Твою ж мать, - коротко заключил кто-то.

Никто не перечил подобным размышлениям. Разве что набежавшая волна обрызгала гребцов с головы до ног.

Увы, французы прочно обосновались на своих тихоходных водоплавающих гробах и, наверное, всерьез полагали, что своя собственная шкура куда важнее ускользящей добычи.

Кто осудит их за этот благоразумный поступок? Кто станет им возражать, когда на кону лежит значительная партия товаров и собственная жизнь?

Впрочем, любое преследование варягов вряд ли привело бы французов к желанной победе, ибо здесь - в открытом море - противопоставить скорости драккара можно было разве что силу господню. Но где взять подобную силу, если сам Господь Бог нуждается в армии adeptов и приспешников, дабы утвердить свою силу там, где царит постоянная борьба за торговые пути, рыночные отношения и криминальное выживание...

Эпизод пятый,

где без затей описываются будни голодранцев, и дается некоторое представление об утлости больших старинных лодок.

---

* Варяжское море - нынче Балтийское. Преобладающие глубины от 40 до 100 метров. Изобилует мелкими заливами, затонувшими кораблями и балтийской килькой. Килька обитает в море без затруднений, а в затонувшем корабле может оказаться кто угодно, если не будет сидеть дома.

** Ганзейский союз - компания торговых гильдий 14-16 вв. Целью ГС являлась коллективная защита от пиратов и разбойников всех мастей. В дальнейшем Ганзейский союз сам стал порядочной разбойной силой. Однако мафия вовсе не бессмертна, как полагают отдельные граждане, она всего-навсего имеет глубокие древние корни, и чрезмерно зажилась на этом свете.

*** Святой Себастьян! Римский легионер. Пал смертью храбрых за христианскую веру. Причислен к лику святых, ибо отказался поклоняться прежним олимпийским богам. Получил десятки стрел, выпущенных римскими лучниками по приказу языческого руководства.

- Грядет буря... - с кривой усмешкой заметил Али Ахман Ваххрейм. Он мрачно окинул взглядом бескрайнюю морскую пустыню и повторил, как ни в чем не бывало. - Грядет веселая буря. И если я не прав, то пусть меня проглотит пучина.

Пучина помалкивала, приберегая силы для серьезного ответа. Тогда разговорчивый мавританец расправил широкие плечи и дал понять окружающим босякам, что таким орлам как он неспособен перечить даже сам океан.

Разумеется, босяки приняли этот факт к сведению.

- Гляди-ка, Янек... - исподтишка толкая соседа, произнес один из поляков. - Якая горделивая птица сидит в нашем чумовом корыте. Того и гляди сиганет за борт, чтобы поднять шумную волну и слегка прополоскать свои вонючие портки...

Черножопый мавританец только ухмыльнулся. Он вдоволь наслышался насмешек еще в детстве, когда впервые узрел восточный базар знаменитого города Константинополя. Он очутился там не по своей воле, а был привезен туда крестоносцами. Крестоносцы были скупыми и весьма расчетливыми людьми, они вели себя как истинные поборники святости и христианского благочестия. Нимало не смутившись, они продали мальчугана в "Золотую лавку" нумидийского торговца невольниками по прозвищу Слепой Мавританский Чебурек*.

Торговец был старым и безбородым. Он выглядел как столетнее дерево без листвы, поставленное в саду жизни больным садовником. Его слепота являлась обманом, ширмой, благодаря которой он получил свое причудливое прозвище и репутацию завзятого восточного хитреца. А видел Слепой Мавританский Чебурек превосходно, куда лучше иного зрячего. Открытое лицо, полное искреннего участия в делах покупателя, глубокий ум и вполне невинные очи магометанского афериста, самым серьезным образом подчёркивали его отличительные способности к откровенному вымогательству и изнурительному торгу. Он содержал тридцать восемь аналогичных лавок, расположенных в разных частях средиземноморья, и поставлял рабов в лучшие дома Европы и Азии. Именно здесь, под сенью высоких башен великого Царьграда, в драгоценной лавке Слепого Мавританского Чебурика юный Али Ахман Ваххрейм сполна познал, что такое счастливое детство обыкновенного средневекового ребенка. Ему несказанно повезло. Он прошел этот путь до конца и сумел остаться в здравом уме и рассудке тогда, когда иные пленники спешно отбрасывали копыта от тоски и горя. Он располагал личным номером и пользовался всеми привилегиями несколько уцененного товара. Его долго не покупали, игнорируя подростка как дешевую вещь, но, когда мальчик чуточку вытянулся, щедро оброс кучерявой ботвой и незаметно превратился в симпатичное глазастое существо, все разом переменялось.

Первоначально мальчик достался туркам-сельджукам, обкуренным гашишем сверх всякой меры. Эти люди приобрели его за тощий кулек урюка и пару обгрызенных медяков, но уже на следующие сутки они возвратили его обратно, снабдив свой поступок откровенными угрозами. Оказалось, что им требовался совсем другой предмет. Они искали целомудренный персик, они разыскивали мечту сладострастных пердунов. Им нужна была шоколадная девочка с песчаных берегов раскаленного Алжира, а не шивый отпрыск грязных бабуинов с бесконечным шлангом между ног.

Услышав таковую причудливую новость, нумидийский торговец невольниками сделал большие круглые глаза. Там отражалась ничем незамутненная душа самого бескорыстного, самого честного коммерсанта в нескольких регионах Месопотамии, дельты Нила и бывших Римских провинций. Не закрывая доброжелательных очей, Слепой Мавританский Чебурек сокрушенно признал, что мужское достоинство у мальчика действительно необычной длины, но, тем не менее, это вполне невинное обстоятельство никак не является серьезным поводом для возврата товара. Скорее, наоборот, по мнению того, кто занимался сбытом прекрасного человеческого материала на протяжении вот уже трех десятков лет, выходило так, что в любом жилище завсегда найдется такая многоопытная хозяйка, которая непременно сумеет найти этому предмету должное применение.

Ознакомившись с подобным откликом турки-сельджуки сурово насупились. Им еще не доводилось слышать ничего подобного со времен рождения самого Пророка. Но затем, они пришли в себя и в полном соответствии с тем, что предписывала им совесть и религиозные чувства, клятвенно по-

---

* Трудно сказать наверняка, когда появились первые чебурики. Но все же представляется, что зажаренный в масле плоский пирожок, сделанный из тонкого пресного теста и начиненный бараньим фаршем с острыми приправами, не является изобретением исключительно азиатских народов. Что примечательно: чебурек прекрасно затыкает голодный рот и годится в качестве легкой закуски в любое время суток, но возникает вопрос: Где взять столько чебуреков, чтобы утолить ими голод всех азиатских народов?

сулили приготовить для Слепого Мавританского Чебурека что-нибудь заковыристое и пикантное. К примеру, запихнуть его наглуго физиономию в заднепроходное отверстие ишака или верблюдицы.

- И мы всенепременно так и поступим, - категорическим тоном заявили они. - Лишь бы на чудесной территории святого города Константинополя не осталось более ни одного нумидийского умника...

После таких убедительных доводов Слепой Мавританский Чебурек принял товар обратно в лавку. Он принял его без дополнительных препирательств, скромно потупив взор, как полагается всякому честному торговцу, разве что униженно попросил у разгневанных покупателей несколько монет за амортизацию имущества.

В следующий раз Али Ахмана Ваххрейма купили испанцы, чей перегруженный корабль застрял в гостеприимном порту византийской столицы на неопределенные сроки. Корабль именовался "Санта Люсия". От непомерной затоварки восточными сладостями из Хорезма и Бухары, перегруженное судно едва держалось наплаву. Более того, команда "Санта Люсии" готовилась опуститься на дно прекрасной константинопольской бухты в любой миг, прихватив с собою превеликую массу изюма и халвы. Однако капитан упорствовал и никак не желал расставаться с дорогим грузом ни при каких обстоятельствах.

- Лучше я погибну, - твердым тоном заявлял он. - Чем позволю людям далекой Севильи, Мадрида и Валенсии лишиться столь прекрасных продуктов.

Поставщики сладкого обзавелись мальчиком будучи в сильном алкогольном опьянении, уплатив за черножопого мавританского шпингалета ни много ни мало, но целых три полновесных татаро-монгольских тугрика, двухпудовый мешок подмоченного зерна и одну большую деревянную ложку из неведомой Московии.

Реализованный за столь непомерное богатство Али Ахман Ваххрейм долгое время находился под влиянием западноевропейской культуры и великолепно осознал, где располагается его законное место.

Он менял владельцев беспрестанно, как сношенную обувь. Его никто не спрашивал, хочет он того или нет. От него требовалось только одно - готовность к выполнению чужих приказов и посторонних прихотей в любое время дня и ночи. С подобным житейским навыком его ждало блестящее будущее, ибо труд и терпение сулили ему нимб святости еще при жизни.

Таким образом, судьба мавританца решалась помимо его желаний. Он был подручным у студента богословия, философии и римского права, у которого научился читать и писать по латыни и на романских языках. В другой раз он аккуратно пересчитывал орехи в амбаре у торговца зерном и заморскими пряностями, а уже потом четыре длинных месяца кряду кроил телячьей кожи у старого кожевника их города Марселя, нарезаая из них аккуратные заготовки для будущих шмоток, башмаков и даже свитков.

Переходя из рук в руки, словно эстафетная палочка, Али Ахман Ваххрейм впитывал чужой опыт и способности подобно сухой губке, орошенной влагой познания.

Шли годы, превращая дни, недели и месяцы в непрерывную череду утомительных будней. За это время трудолюбивый отпрыск из экваториальной Африки удостоился неслыханной чести - он побывал главным естествоиспытателем химических реактивов у сумасшедшего алхимика из города Бремен. Именно там, в средневековой лаборатории полоумного ученого, он был свидетелем самых удивительных и самых таинственных возможностей науки к техническому чуду и волшебным перевоплощениям. Алхимия научила его главному, а именно: что незыблемость мира - это миф, придуманный богословами, чтобы оправдать собственную безграмотность. Более того, при должном обращении мир можно окислять, выжигать, взрывать и выпаривать вплоть до бесконечности, лишь бы хватало безумных ученых и необходимых реактивов для полной ликвидации божественного пространства.

Между делом, занимаясь активным окислением и выпариванием родной действительности, Али Ахман изучил базовые основы градостроительства, и сумел выяснить, что такое простые глиняные кирпичи и как правильно складывать из них городские дома, высокие крепостные стены, уютные каминные и массивные славянские печи, теплоотдача которых была не хуже самого небесного светила.

Затем он перепродавал роскошные фолианты в лавке у согбенного книгочоя из далекой Индии и собственной рукой переписывал свитки с рецептами о бессмертии души и тела. Он вкусил черный труд пахаря и козопаса, он научился стричь овец и узнал, как давить подошвами виноград, выжимая из спелых ягод благодатные соки земли и золотистое тепло летнего солнца. Более того, он отыски-

вал философский камень и перемешивал золотистый желток с дерьмовыми красками у художников по настенной росписи церквей, костелов и храмов.

Он многому научился и крепко усвоил, что миром безраздельно правят искусные ремесла и наука. По крайней мере, именно так говаривали его учителя, когда раздавали ему щедрые пинки под зад и крепкие зуботычины...

Такая житейская школа не прошла для мальчика даром, и к своему возмужанию мускулистый и поджарый Али Ахман Ваххрейм приблизился с великолепным багажом знаний. Его способностям и умениям могло бы позавидовать отдельно взятое африканское племя, впервые узнавшее, что такое деревянная табуретка, кожаная обувь, столовые приборы и буквы латинского алфавита.

Обладая превосходно развитым интеллектом, юный мавританец являлся неповторимым кладезем средиземноморской эрудиции, что позволяло ему чувствовать себя раскованно практически в любой обстановке. Отлично понимая многие языки Европы и Азии, Али Ахман Ваххрейм легко находил общие темы с людьми самых разных сословий, вероисповеданий и занятий. Его смекалка и трудовые навыки могли бы пригодиться на ферме, в турецкой бане, в келье священника и даже в палате лордов, если бы его туда пригласили. Ему все было нипочем. Он был легок на подъем и умел работать руками не хуже, чем трепать языком в компании никчемных болтунов. Он владел простейшими основами арифметики и при случае вполне непринужденно сводил дебет с кредитом буквально на пальцах. Он уважал всякое народное ремесло и любил праздность не менее трудовых будней. Каждое деревце, каждая птица, каждый упрямец на дороге стали ему привычны и дороги, как родные мозоли на пятках. Он вписывался в идеальную картину примитивного средневекового быта безупречно, словно каменный блок в египетскую пирамиду. Любой человек, наделенный столь редкими дарованиями, сумел бы достигнуть многого, однако чернокожий напарник Рубина имел на сей счет свое особое мнение и, невзирая на явные способности и таланты, предпочитал держаться от цивилизованного общества на расстоянии короткого плевка.

"Мир груб и жесток... - серьезно полагал Али Ахман Ваххрейм, с издевкой скаля белые зубы. - Так стоит ли уповать на его добродетели, если завтра утром он обязательно отпоет на твоих костях унылую отходную молитву..."

С подобным мировоззрением Али Ахман Ваххрейм принимал подарки судьбы как должное. Он прекрасно понимал, что Европа является страной алчных коммерсантов, мессианство которых тесно связано с грабительскими войнами, работорговлей (немилосердную суть которой он прочувствовал на собственной шкуре) и захвате чужих рынков.

- Итак, господа рабы, - вновь повторил Али Ахман Ваххрейм, смачно сплевывая за набежавшую волну. - Грядет буря. И буря грядет из ряда вон. Надеюсь, Всевышний ведает толк в справедливости, и знает, кого надо смести за борт в первую очередь, а кому даровать свои милости.

Прослушав столь внушительное уведомление о погоде, Рубин незамедлительно собрал брови в кучу и с деловым видом огляделся. Мгновение спустя он отметил слева по курсу крайне низкую облачность. Казалось, небесную кровлю заволочло сплошными клубами дыма. Дым ширился и рос прямо на глазах, быстро превращаясь в одно необъятное и вспученное дерьмо. При таких грандиозных процессах в голову заползало всякое непотребство, однако Рубин упорно гнал негодные мысли прочь.

"Уж если в хозяйстве у Создателя начался колоссальный пожар, - рассудительно подумал он. - То загасить его может только тот, у кого есть подходящее ведро с водой и тонны песка".

Мысль выглядела здоровой, но как бы там ни было, очаг возгорания не собирался прекращаться сам по себе.

- Это конец, - сглатывая слюну, молвил кто-то.

Увы, конец надвигался необратимо, словно ледниковый период на пещерного человека. Темно-синие цвета, с густыми оттенками расплесканных чернил, не вызвали особых надежд на благоприятный исход атмосферных осадков. Скорее, напротив, вместо желаемых благоприятностей обещался идеальный потоп. Облака всячески напоминали людям о том, что небеса тоже могут иногда бурчать, свирепеть и кипятиться, будто бездонный желудок у голодного людоеда, случайно заваленный кислыми яблоками.

К сожалению, первыми рассвирепели норманны. Рассвирепели как обычно, опережая гнев небес по всем статьям. Сперва опомнился Флибустьер С Большой Буквы. Рев, от которого задрожал весь драккар от носа до кормы, показался Рубину ураганным шквалом.

На вопль вожака немедленно отозвался Проклятый Бирка. Его чуткость и внимание были вознаграждены по заслугам. Громиле сильным ударом промеж глаз мигмом напомнили, каковы его прямые

обязанности в бедовой скандинавской лоханке. Чтобы дошло как можно более живее Флибустьер С Большой Буквы сердито указал на свинцовую полосу туч, потом несколько раз постучал Проклятого Бирку по гулкому кумполу. "Дескать, взгляни хорошенько, полудурок, где сейчас находятся высшие inferнальные силы, а где раскачиваются наши допотопные челноки?"

Проклятый Бирка только руками развел: "А я-то тут причем, майн Фюрер, явственно читалось на его морде".

Тогда озабоченный флибустьер вновь хватанул корабельного надсмотрщика за могучие грудки и для пущей острастки капитально врезал мужику в зубы.

Зубы у Бирки оказались крепкими, словно частокол осажденной крепости. Он стиснул их до боли в затылке и дико завращал глазами.

Вслед за главарем подняли голоса прочие норманны. Над притихшей морской далью понеслась такая ругань, что даже угрожающий натиск стихии показался Рубину легким недоразумением.

Потом пришел черед Проклятого Бирки.

- За работу, собаки!.. - проревел он, разевая поганую пасть вплоть до ануса. - Живей на веслах, недоумки! Иначе сам Один, громоподобный Тор и хитроумный Локки пройдутся по вашим головам, превращая их в разбитые чаши!

С такими посулами скандинавский громила оглушительно щелкнул хлыстом по днищу драккара, заставляя народ цепенеть от страха. В его огромных лапах хлыст выглядел не более чем детской игрушкой, однако на сей раз даже "Огненный дракон" почувствовал на себе всю его жгучую силу. Он содрогнулся вплоть до кончика мачты, словно живое существо, после чего бешено приподнялся над вспененными гребнями волн и едва не зарылся левым бортом в пучину.

Чтобы подбодрить рабочий скот как следует, где-то на корме драккара включили гулкий тягучий барабан. Он превосходно задавал ритм, оказывая на гребцов почти магическое действие. Опасаясь сдохнуть раньше положенного часа, люди задвигались столь четко и слаженно, будто их когда-то так и зачали с веслами в руках.

Бум! Бум! Бум!.. Гулко звучало в черепной коробке Рубина нескончаемой чередой. Под шумный всплеск свинцовых волн и ноющий скрип уключин, под хриплое дыхание прикованных невольников и оглушительный рев проклятого надсмотрщика, это создавало неповторимое ощущение чрезвычайно кипучей жизни.

"Если так пойдет и дальше, - усердно наваливаясь на весло, подумал Рубин, - то этот чудесный ритм сведет нас с ума за милую душу".

Совсем бури избежать не удалось. Своим правым крылом она таки сумела зацепить маленькую флотилию норманнов. Внезапный шквал с немыслимой легкостью порвал парус в клочья и едва не отослал Рубина в почерневший купол небес. Однако на сей раз, спасла его, как ни странно, ненавистная цепь. Она осадила его резко и болезненно, именно в тот момент, когда задница Рубина резко покинула привычный насест и начала стремительно уносить своего рассудительного хозяина на высоту птичьего полета.

- Ух ты ж, твою мать! - немедленно раздалось снизу.

Таким образом, достигнув наивысшей точки полета, Рубин ухитрился разглядеть вдалеке миниатюрный берег какого-то неизвестного острова и тоненькую полоску горизонта. Наверное, он ухитрился бы разглядеть и другие вещи, но мгновенный рывок жгучего собачьего поводка живо вернул его на знакомую лавку.

Рубин выдержал столь зверское испытание вполне достойно. Разве что громко щелкнул зубами и с новой силой налег на весло.

"Огненный дракон" тем временем нехотя приподнялся над взбаламученными волнами, а затем с грохотом метнулся в разверстые хляби океана.

Так повторилось дюжину раз, а может быть и больше, никто не считал.

Потом, когда воды в драккаре стало по колено, а штаны и куртки экипажа промокли насквозь, ужасающие порывы ветра мало-помалу прекратились. Вместо этого задул теплый и легкий Зефир*. Задул точно в корму, незлобиво подталкивая измочаленные ладьи норманнов к усталому светилу...

Эпизод шестой,

---

* Зефир - в греческой мифологии Бог западного ветра. В переносном смысле действительно теплый легкий ветер. Аналогично возникает при засорении пищевода недоброкачественными продуктами, например, зефиром, произведенным кустарным способом современными нэпманами.

или морской разбой с точки зрения того, кто никогда не желал бы в нем участвовать.

Ближе к вечеру викингам повезло. Драккары повстречали парочку морских купцов. Ими оказались корабли германцев. Они шли с юга на север, гонимые собственной беспечностью и лихой судьбой к сатане на рога.

Купцы двигались без охраны, то и дело проваливаясь тупорылыми носами в тяжелые гребни волн. Было видно, что недавняя буря доставила им куда больше неприятностей, чем норманнам: остатки парусов висели клочьями, а пробитые корпуса и разорванный такелаж вполне годились на растопку. Кроме того, один из германцев угрожающе кренился на правый борт, словно намеривался нырнуть в темные пучины задолго до того, как с ним разделяются стремительные ладьи скандинавских разбойников.

- Клянусь светлыми благодеяниями Пророка, - чуть слышно проворчал Али Ахман Ваххрейм, и привычно плюнул за борт. - Но, похоже, эти посудины вышли прямым ходом из преисподней.

- Не знаю, что лучше, - натужно изрек кто-то. - Однако сдается мне, что преисподняя сейчас куда безопаснее, чем открытое море...

Рубин прищурил глаза и посмотрел на Флибустьера С Большой Буквы.

Зрелище завораживало. Оно проникало в самые потаенные глубины сознания, пробуждая древний ужас мирного обывателя перед многотысячными ордами свирепых завоевателей. В этот момент Флибустьер С Большой Буквы замер на носу "Огненного дракона" как истинный символ своей темной эпохи. Он походил на мрачное каменное изваяние, обвешанное варварскими доспехами и украшениями с ног до головы.

Едва завидев челноки норманнов, германцы поспешно отвернули в сторону и, напрягая жалкие остатки сил, рванулись на край земли. Издалека можно было разглядеть суетную беготню маленьких фигурок на кораблях и гроздь моряков, забравшихся на ванты.

Впрочем, далеко германцам уйти не позволили. Не успели на небе появиться первые звезды, как быстроходные ладьи норманнов подошли к беглецам на расстояние выпущенной стрелы. Картина смотрелась увлекательно и волнующе. Она будоражила кровь, превращая жизнь в самый натуральный спектакль. Как полноценный участник вполне реальных событий, Рубин имел все права на роль почетного зрителя. Более того, он наблюдал за действительностью из первого ряда. Он видел обветренные лица немецких мореплавателей. Он слышал, как они посылали самую дьявольскую хулу на головы тех, кто рыщет по морям и океанам, в надежде отыскать посреди бушующих волн мирового океана свою трижды гребанную удачу.

- Будьте вы прокляты! - надрываясь, орали германцы.

Вместе с кровавыми посулами о каре небесной и замечаниями о скотской родне, в сторону преследователей летели колючие стрелы, арбалетные болты и подходящие метательные предметы. Германцы не жалели ни сил, ни грязных слов, хорошо осознавая, что пощады не будет.

В ответ не доносилось ни звука. Но обветренные физиономии суровых скандинавских воителей не предвещали германцем ничего хорошего, кроме скорой расправы.

Обстановка стремительно накалялась. Гребцы работали без устали, на износ, до кровавого пота, хрипло втягивая воздух. Плеть хлестала по рядам как заведенная. Проклятый Бирка клятвенно пообещал снести череп каждому, кто не сумеет выложиться по максимуму своих поганых возможностей.

Драккар мчался вперед неудержимо. Он подпрыгивал на волнах, словно разъяренный посланец скандинавских богов, доверху наполненный скверной и душевнобольным экипажем. Вокруг звучала ужасающая брань, бесконечный скрип уключин, шум вспененной воды, яростное дыхание и тупые удары стрел. В такой обстановке двигаться нужно было шустро, то и дело запихивая башку между трясушимися от напряжения и страха коленями.

Это смахивало на добровольное сумасшествие. Само небо померкло в ожидании очередной резни. Норманны взревели как оглашенные, устремившись потрясая секирами. Остальные, изнемогая от напряжения, налегали на весла. Нервы натянулись до предела, готовые лопнуть от натуги.

Так тянулось целую вечность, оцепеневшую где-то на грани яви и сна. Затем все встало на свои привычные места. Время вновь вернулось в обычное русло, делая из людей и предметов немудреные декорации.

Первым тихо охнул один из нормандских головорезов, пронзенный германской стрелой в живот. Получив неожиданный подарок, могучий сын севера немало удивился, потом неохотно перевалился за борт и канул под вздыбленные холмы волн без возврата. За ним наступил черед соседнего ротозея,

не успевшего прикрыться щитом. Такая же участь постигла и нескольких гребцов, приподнявших свои любопытные головы над бортами.

- Господи, прими их души... - мелко крестясь, обронил крепенький богомolec из Нидерландов, когда число покойников перевалило за десяток.

Господь как всегда помалкивал, представляя людям самим определять свою судьбу.

"Увы, - угрюмо подумал Рубин, яростно налегая на весло. - Дряхлость и немощность недостойны порядочного человека, ибо в реальных условиях существования следует сдохнуть быстро и вовремя, покуда жизнь не превратила тебя в жалкую развалину".

На abordаж ринулись дерзко и напористо, желая сократить присутствие посторонних лиц на этом белом свете вплоть до минимума. Правда, весла убрать не успели, так как ближайший германец круто сошел с намеченного курса и, вздымая волну, поворотил тупорылой мордой в открытый борт "Огненного дракона".

Корабли сшиблись намертво, словно яйца всмятку. Под оглушительный треск лопающихся весел и грохот рухнувшей мачты, Рубин услышал неистовый рев сотен норманнских глоток, и волна викингов покатила рубить противника в пух и перья. К дикому ору тотчас присоединился яростный рев германцев и суматошные крики испуганных чаек, после чего взбаламученная вода вокруг драк-кара покраснела от пролитой людской крови.

Эпизод седьмой

Очень короткий. Где опустошают трюмы кораблей и дают наглядно понять, что жизнь и каторжная работа - это, по сути, одно и то же.

Перетаскивали имущество недолго. Груз у германцев оказался невеликий, но достаточно пестрый, чтобы гребцы на веслах с интересом провожали его глазами. Здесь были ковры и шелка из Византии, испанское вино, тюки с шерстью, предметы резной итальянской мебели, искусные витражи, несколько ящиков с чеканным серебром и посудой. Нашелся даже объемистый кованный сундук, доверху наполненный золотыми монетами. Последними показались толстый бургер, раненный солдат и недобитый морской волк с избитой харей. Им подарили жизнь, но только лишь затем, чтобы аккуратно посадить на место убитых гребцов.

Троица вызывала сочувствие, однако свежеиспеченных работников трижды "гребанного ремесла" никто не выспрашивал о том, какие альтернативные версии существования кажутся им наиболее сносными. Наоборот, им дали всячески понять, что если они сумеют запихнуть свое смехотворное возмущение как можно глубже в душу и, конечно, в зад, то ведают боги, им нечего опасаться за свою мизерную жизнь.

- Главное не рыпайтесь, - тихо сказал им кто-то из гребцов. - Иначе сдохнете как последние мученики в христианском мире.

Когда норманны посадили новичков на рабочие места, над кораблем повисла минута положенного молчания, наполненная эхом умирающей надежды и постыдной жалостью к самим себе. То была краткая пауза между прошлым и будущим, эдакая гнетущая нотка сиюминутной печали и тоски, способная выдавить слезу даже из бесчувственного камня. Нотка медленно и незаметно, словно на похоронах, приподнялась на высоту птичьего полета и растаяла там безо всякого следа.

- Да... - единодушно вздохнули прикованные к веслам рабы, втискивая свои печали и хандру как можно глубже в души и, разумеется, в самый зад. - Ничего не попишешь, но, похоже, и впрямь, жизнь и каторжная работа - это, по сути, одно и то же...

- Так ведь на все воля божья... - ангельским голосом пояснил Дафни из Нидерландов*, знавший латынь и молитвы куда лучше любой физической работы. Три года тому назад он отправился на богомолье в славный город Роттердам, но по дороге решил немного порыбачить. Для этого он уселся в большую рыбацкую лодку и поставил над собою широкий белоснежный парус. Ветер в тот погожий денек оказался чрезвычайно попутным, а море чистым и безмятежным, словно постель девственницы. Таким образом, делая не менее трех узлов за одну двадцать четвертую части суток, Дафни из Нидерландов легкомысленно вышел в открытое море и пошустрил на самое клевое место в заливе Эйсселмера.

---

* Нидерланды (не путать с гландами) - историческая область между Северным морем и Арденнами. Состояла из 17-ти провинций, наиболее известными из которых являются Фландрия, Брабант, Люксембург и, конечно, Голландия (рассадник тюльпанов и европейской проституции). Увы, прежних Нидерландов давно нет, но цветы и проституция остались...

Безусловно, в открытом море его немедленно повстречали не только обширные косяки сельди и трески, но и вездесущие норманнские мореходы. Они с необыкновенным радушием усадили Дафни из Нидерландов за свои собственные весла, и порекомендовали ему никогда более не выходить на рыбный промысел без хорошего эскорта.

Голос у Дафни был звонкий и жизнерадостный, однако чуток испуганный, как будто он никак не решался сделать для себя один единственный, но кардинальный выбор, а именно: верить ли ему в любовь и доброту Владыки Небесного или нет, если сам Владыка позволяет совершать неблагоприятные поступки многим мерзавцам?

Увы, ответа никто не давал, разве что недобрые скандинавские воины настойчиво доказывали своими деяниями, как подобает жить и умирать в этом щедром на убийства мире**. Обчистив корабли германских мореплавателей буквально до нитки, они подпалили останки вражьих судов и порвно отшвартовались восвояси.

Под звуки ненавистного барабана, Рубин угрюмо наблюдал за тем, как медленно отправляются на морское дно чьи-то несбывшиеся надежды и чья-то несостоявшаяся судьба.

Эпизод восьмой

Очень большой. В котором наглядно доказывается, что с тех пор как человечество научилось говорить, язык его стал работать намного чаще, чем светлый разум.

Ночью Рубину довелось прослушать рассказы пленников о личных мытарствах и злокозненном бытии. Первым начал скорбное повествование толстый бюргер. На нем превосходно сидел дранный камзол из китайского шелка. Звали бюргера Иероним Густав Бергольц. И хотя толстяк говорил едва слышно, гребцы прониклись его историей как собственными мозолями на пятках.

Итак, история Иеронима Густава Бергольца, изложенная Рубиным для некоторого назидания потомкам.

Как выяснилось, родился Иероним Густав Бергольц в славном городе Гамбурге, в семье чрезвычайно славных немецких бюргеров. По меркам усердных праведников Иероним Густав Бергольц слыл добрым христианином, отличным лавочником и верным мужем, а по гамбургскому счету*** заслуживал места почетного казначея при дворе любого европейского сюзерена. С младых лет Иероним Густав Бергольц учился торговать, торговать и снова приторговывать. Он усвоил эту коммерческую науку от родителя, братьев, деда и даже прадедов, которые также являлись славными немецкими бюргерами. Торговал Иероним Густав Бергольц с умом, делая ставку на монополизацию рынка в частных интересах и грамотную ликвидацию обнаглевших конкурентов. Он давал крупные взятки местным чиновникам и тупым феодалам, а те, в свою очередь, милостиво закрывали глаза на его финансовые махинации и торговые аферы. Фортуна ему благоволила, благополучие никогда не выходило за порог его крепкого зажиточного дома. Он был убежденным сторонником рыночных отношений и твердо полагал, что в этом сугубо продажном мире главное предназначение любого здравомыслящего человека - это личная выгода, своевременный расчет с кредиторами и положенная дань вышестоящим негодяям.

Обладая столь серьезным экономическим образованием, Иероним Густов Бергольц чувствовал себя превосходно. Он искренне готовился встретить рассвет подлинного капитализма и при случае намеривался дожить до появления великих трудов Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Трудясь как пчелка, он неустанно приумножал фамильное состояние, умудряясь денно и нощно разносить молву о коммерческой славе родного города Гамбурга до самых отдаленных уголков мироздания, включая несколько зачуханных бурятских улусов и бывшую Киевскую Русь.

Таким образом, доторговавшись вплоть до колик в желудке, отчего всякий образец оптовой и розничной торговли вызывал у него непередаваемые приступы ипохондрии и затыжного синдрома мизантропии, он решил отдохнуть от дел и отправиться в путешествие в страны Ближнего востока.

** Путь война - путь смерти. Хотите проверить?! Флаг вам в руки! Главное не падите чьей-то жертвой в борьбе за бессмысленные идеалы, а постарайтесь победить на войне с собственной глупостью. Аминь...

*** Гамбургский счет - чистая бухгалтерия, то есть оплата по совести и по закону, а не по-черному налу, спекулятивному разжиганию страстей и персональным взяткам. (Редкая штука в обществе, алчущем стопроцентного навара в любой самой мизерной сделке.)

Как ни странно, но далекий район таинственный Палестины показался ему наиболее любопытным объектом для поправки пошатнувшегося здоровья. По слухам, именно здесь находились некоторые исторические области, святые для каждого, кто искренне верит в распятого Христа и обещанное райское житье после откровенно бессовестного существования.

Слухи Иерониму Густову Бергольцу показались симпатичными, посему он пожелал осмотреть столь выдающийся регион своими собственными глазами. Кроме того, Палестину пытался отвоевать суровый английский король Ричард Львиное Сердце*, действия которого сводились к чрезвычайно гуманной идее, а именно: сделать так, чтобы освободить Гроб Господень от тараканьих полчищ улюлюкающих сарацинов и дополнительного братства средиземноморских еретиков.

Узнав о столь грандиозных задачах, Густав Берголец несказанно воодушевился.

"Я буду скверным христианином, - тотчас постановил он, - если не помогу королю Ричарду в его борьбе за правое дело".

Помочь Иероним Густав Берголец вознамерился попросту, как подобает опытному негодянту, в очах которого ярко светился неугасимый огонь стопроцентного навара. Он скупил в окрестностях Гамбурга громадное количество пропитания, вложив в эту рискованную операцию большую часть фамильного капитала и тридцать пять процентов посторонних инвестиций. Это был неслыханный коммерческий план, осуществляемый под лозунгом "Сытый крестonosец - везде Победonosец".

Основным транспортным средством для доставки пищевых ресурсов в район Палестины, являлась флотилия добротнo-снаряженных купеческих кораблей, ядро которых состояло из трех новехоньких германских нефов и многочисленных испанских галер. Их нагрузили практически до упора, так что трюмы трещали от натиска небывалого прокорма. Казалось, из Европы вывозят все материальные ценности разом. Хотя, на самом деле, к жутким тоннам лошадиного провианта, прибавили всего-навсего шестьсот-пятьдесят металлических клинков, изготовленных методом горячей и холоднойковки в жарких кузнях Фландрии, Дюссельдорфа и Страсбурга, и столько же неподъемных щитов, обитых медными листами и ржавым железом до невозможности. Из прочего сырья везли дешевое красное вино, бусы для аборигенов и дьявольскую ораву озабоченных волонтеров из Зальцбурга, Киля и Бремена, готовых подвигнуться на любое грехопадение, чтобы поучаствовать в изъятии палестинской земли от правоверных сынов Аллаха.

К величайшему сожалению Иеронима Густава Бергольца король Ричард так и не сумел дождаться сытого гамбургского провианта. Увы, там, в далекой Палестине, харчи более не лезли ему в глотку. Вместо приличного вина и закуски его беспокоили совсем иные вести. Его тревожил родной брат Иоанн**, который надумал вдруг заняться правлением Англии в сугубо частном порядке.

Благодаря столь серьезным новостям помощь понадобилась уже самому Ричарду, поскольку трон его начал ощутимо расшатываться и мало-помалу смещаться под другую задницу.

Не желая потесниться, смысленный английский монарх срочно двинулся обратно в Лондон. Более того, он вдруг явственно осознал, что руководить любимой отчизной надобно из родного дома, а не искать подвигов и славы в чужих краях. Тем более что в чужих краях к твоим непревзойденным подвигам и славе относятся несколько иначе, чем тебе того хотелось бы, и вместо ожидаемого триумфа здесь можно без особых осложнений заработать на собственные похороны и траурные венки.

Новость была трагичной, однако Густав Берголец не унывал.

- Короли приходят и уходят, а товар остается, - весьма грамотно рассудил он.

- А что такое товар без охраны?! - охотно поддакнула дьявольская орава озабоченных волонтеров из Зальцбурга, Киля и Бремена. - Это разрыв сердца у тех, кто решил вдруг подарить свое богатство вора и мошенникам!

"Кто бы мог подумать, - взвешенно рассудил Иероним Густав Берголец, - что отбросы общества и простые солдаты могут быть настолько мудры и предупредительны?"

- Увы, - угрюмым тоном добавил один из наемников, с любовью поглаживая лезвие абордажной сабли. - Если сам король Ричард сбежал домой из Палестины, то наше дело гиблое. Ибо не с нашим трижды провонявшим продовольствием лезть на клинки и стрелы сарацинов. Они переломают наши кости и черепа, словно глиняные кувшины. У сарацинов нынче сила. Их сегодня тьма, а против силы и тьмы ни один добропорядочный христианин не устоит.

---

* Король Ричард I, он же Львиное Сердце. Прозвище дадено не за красивые глаза, а за тысячи умерщвленных пленников. Готов был драться и воевать с кем угодно и когда угодно. Погиб от гангрены на войне с французами. Зачем жил - непонятно?

** Брат Иоанн. Принц Джон Безземельный. За широкой спиной родного брата тихо спелся с вероломным французским королем Филиппом II Августом, дабы совершенно беспардонным образом оттяпать трон у дорогого родича. Впрочем, его нетрудно понять, ибо борьба за частное обладание чужой квартирной собственности, набитой разнообразной утварью, происходит и поныне.

"Точно сказано, - нахмурившись, подумал в этом месте Иероним Густав Бергольц. - При таких исторических обстоятельствах только истинная торговля имеет подлинное значение. Только торг - и ничего более. Ибо продавать и покупать человек будет всегда, невзирая на войну, голод и смуту. Ну а там, где есть торговля, там только дурак останется без хорошей прибыли".

Сделав суровые лица, озабоченный коллектив Иеронима Густава Бергольца не посмел искушать судьбу дважды. Истиво перекрестившись, глубокомысленные европейские мужчины лихо повернули корабли в ближайший порт.

Портом оказался прекрасный город Сур, над крышами которого возвышался купол мечети, дворец наместника и монументальная тюрьма. Здесь имелся обширный восточный базар, гудевший, словно растревоженное осиное гнездо и четыре питейных заведения. На базаре можно было купить все что угодно, включая невольниц и наркотические смеси, а в питейной мгле предлагали кальян, душистый плов и дешевые комнаты для ночлега. В этой жаркой толчее не составило особого труда отыскать толковых восточных прохиндеев, готовых продать родную мать, лишь бы слышать звон монет у себя в кармане. Не прошло и дня, как "продуктовая поддержка английскому королю Ричарду" исчезла в конюшнях местных аристократов и лачугах бедняков.

Таким образом, Иероним Густав Бергольц отчалил в родные края исключительно в приподнятом настроении духа. Его кошелек был полон золота, а мысли витали где-то там, где поют райские птицы и возлежат аппетитные девы.

Однако, удача переменчива, и вернуться к родному порогу, иной раз, гораздо труднее, чем уйти от него. Злая погода и злые викинги поставили жирную точку в коммерческом мореплавании славного потомка гордых немецких купцов. Проклятый Бирка, нагло ослабившись, самолично вручил ему в руки одно из чудесных норманнских весел. Разумеется, при этом, он не преминул подбодрить торговца звонким щелчком плети.

- Теперь это все, что осталось у меня от прежнего богатства, - уныло заключил Густав Бергольц, грузно облокотившись на рукоять весла. - Теперь я гребу в никуда и думы мои, как линия горизонта - пусты и холодны. Я смотрю вдаль и не ведаю, что ожидает меня впереди...

Как только Густав Бергольц смолк, рассказ продолжил недобитый морской волк. Он называл себя капитаном - капитаном Гуго Уфляндом.

Родился капитан Гуго Уфлянд на палубе крупного морского судна, принадлежащего французской короне. Едва распахнув свои крохотные уфляндские гляделки, он сподобился узреть солидную грот-мачту, пару трупов на рее и кучу исподнего белья, щедро обдуваемую ветром. И белье, и трупы висели на рее тихо, почти безмятежно, как бы символизируя неустанную потребность мира в чистоте, благоразумии, смертности и порядке.

Достигнув положенного умственного развития, Гуго Уфлянд узнал, что корабль назывался "Моя сестра". Ему также рассказали о том, что светлый час его рождения был прекрасен, ибо нет ничего лучше появления чистого ребенка посреди грязи и порока.

- Такой ребенок способен вселить надежду любому, кто ни во что не верит и живет лишь морским ветром, запахом крови, грабежом и насилием, - сказал ему отец на шестнадцатилетнюю годовщину. - Ты был для нас солнцем, а трупы на реях - тьмою. Эти трупы яснее ясного говорили о том, что если ты родился на божий свет, то постарайся держаться того, кто сильнее тебя, а не наоборот.

Эта информация осела в памяти Гуго Уфлянда обстоятельно, словно железные заклепки, намертво вбитые в корпус тупорылого корабля. С такими воспоминаниями он умудрился просуществовать большую часть своей долгой средневековой жизни. Трогательные детские чувства и зыбкие образы висельников сопровождали его повсюду, где бы он не бросил свой якорь.

Словом, минуя постоянные стычки, грабеж и насилие, капитан Гуго Уфлянд научился воспринимать мир не иначе как необъятное кладбище, на месте которого постоянно бузит и пирует жалкое человеческое отребье.

"Пир, вот что нам нужно, - изредка думал Гуго Уфлянд, шумно скребясь в затылке. - Ибо жизнь человека коротка. Она полна страхами, болью и сомнениями. А на пиру - и смерть красна - и чумные девы сладки".

Таким образом, внимая мрачному повествованию Гуго Уфлянда, Рубин все глубже и все серьезнее погружался в нарисованную воображением картину. Сначала он явственно различил высокий контур грот-мачты и пару висевших трупов. Затем, словно в призрачном видении, картина медленно изменила очертания и стала превращаться в некое подобие великого христианского распятия.

Это распятие, этот грандиозный образ мирового успокоения повис над бедовой головой Рубина без лишних изысков, как поучительное напоминание о том, что в этой жизни необходимо заниматься общественно-полезным трудом, а не болтаться без дела в чередѣ ускользающих будней.

Итак, краткая история недобитого капитана Гуго Уфлянда, истолкованная Рубиным как бог на душу положил.

- Так вот, - именно с этой достопамятной фразы начал свое негромкое выступление недобитый капитан Гуго Уфлянд. - На "Моей сестре", ходила самая отчаянная команда на всем побережье Средиземного моря и его окрестностей. Мы ходили под личным командованием моего покойного батюшки - Папаши Уфлянда Старшего. Он славился своим жутким гневом, а также чревоугодием. Он любил золото и портовых шлюх. А мое кредо было иным, поскольку я всегда полагал, что плавать нужно исключительно вдалеке от погибельных берегов, ибо вблизи любого мало-мальски обжитого побережья постоянно шныряют морские разбойники и убийцы.

В этом месте все, кто имел на голове уши, а не дырявые опахала, оглянулись по сторонам, взирая на сияющих норманнов, как на сказочные привидения. Они, словно грозные духи войны, лучшие любых доводов подтверждали слова недобитого капитана о том, каковы истинные перспективы любого неосторожного мореплавания вдоль погибельных берегов.

"Эх... - как бы в едином порыве вздохнула пестрая компания горемычных гребцов. - Если берега полны опасности, то, что же творится на континенте?"

После того как Гуго Уфлянд осознал, что слова его крепко усвоены, на веслах вновь затаили дыхание и продолжили внимать дивному повествованию отважного мореплвателя с обостренным интересом.

- Другое дело честный капер... - мужественным тоном заявил Гуго Уфлянд. - Ведь мы не разбойники. Наше отличие от противозаконных любителей легкой поживы заключается в том, что мы тяготеем к порядку и юридическим договорам, мы строго следуем политике грабежа и насилия с четкого дозволения высочайшего закона.

- Это как? - удивленно справился Дафни из Нидерландов.

- А так, - сурово прозвучало в драккаре, - что если делишься добычей с властью, то она милостиво закроет глаза на твои преступления перед Богом и людьми.

В этом месте гребцы снова задумались. На мрачных лицах бородатых пленников отобразилась откровенное порицание тех мерзавцев, кто совершенно незаконным образом усадил их на весла, осуществляя тем самым политику грабежа и насилия безо всякого разрешения сановных властей.

- Да, мне нечего стыдиться, - твердо продолжил капитан Гуго Уфлянд. - Ибо грехи моего честного каперского ремесла лежат на плечах тех, кто выдал мне патент разбойника на законных основаниях. Более того, если будет нужно, то я и на Небе стану заниматься тем же самым, чем занимаюсь в морях и океанах Земли, если смогу получить положенное дозволение на промысел законного разбоя...

Это было заявлено столь прямодушно и столь непоколебимым тоном, что не могло не вызывать всяческого уважения.

Не переча столь четкому утверждению ни единым словом, Рубин устало привалился к ледяному борту "Огненного дракона" и незаметно задремал. Откуда-то издалека, сквозь полудрему, он слышал фантастическое повествование капитана Гуго Уфлянда Младшего "о времени и о себе" и никак не мог поверить тому, что слышит его на самом деле.

- Так вот... - тихо журчал тем временем честный капер. - В коммерческом мореплавании Иеронима Густова Бергольца я не хотел участвовать никоим образом, ибо моя благосклонность к разжиревшим немецким бюргерам похожа на толстую фигу. Другое дело аппетитные германские жены и, конечно, прохладное германское пиво. Эти вещи никогда не пройдут мимо моего внимания, даже если меня поведут на виселицу. Однако Густав Берголец был красноречив и убедителен, а уж мешок серебра, каковой посулил мне этот достойный гамбургский предприниматель, выглядел еще убедительнее.

Итак, я согласился. По условиям контракта от меня требовалось немного - всего лишь доставить крупную партию продуктов в далекий район Палестины.

- Друг мой, - заявил мне гамбургский торговец, когда мы ударили по рукам. - Тебя ждет не только солидное вознаграждение, тебя ждет бессмертная слава. Ибо мы повезем наш груз не корысти ради, а дабы персональным участием каждого из нас поддержать английского короля Ричарда I в суровых битвах за освобождение Гроба Господня от нечестивых рук магометанских завоевателей.

Слова о "персональном участии" - мне были чужды, а вот слово "корысть" - отозвалось приятным эхом.

Таким образом, не прошло и двух недель, как мы покинули родной гамбургский порт, и поплыли навстречу прибыльным планам. Казалось, ничто в целом мире не остановит нас, поскольку мы были переполнены благими намерениями и торговым интересом.

- Какими намерениями? - переспросил Дафни из Нидерландов, чутко наострив уши.

- Благими... - едва не рывкнул Гуго Уфлянд, но его вовремя удержали.

Чуть успокоившись, капитан продолжил, как ни в чем не бывало.

- Увы... - сказал он, - отважный король Ричард так и не дождался нашей продовольственной подмоги...

- Э-э... брат, эту историю мы уже где-то слышали... - ухмыльнулся Али Ахман Ваххрейм.

- Ничего-ничего, - недовольным тоном молвил Гуго Уфлянд. - Я готов повторить снова и снова, что король Ричард I покинул Палестину задолго до того, как мы сумели туда добраться.

- Всему виной, конечно, брат Иоанн? - тихонько справился кто-то из гребцов.

- Ясное дело... - уверенным кивком подтвердил капитан Гуго Уфлянд. - Он превратил достойного рыцаря в жалкого раба обыкновенных семейных неурядиц, заставляя его бежать домой куда бойчее иной собаки, чего не удалось сделать самому Саладину*...

- Ну... - обронил один из прикованных к веслам англосаксов, гордо поводя плечами. - Саладин - Ричарду не указ.

- Ну конечно, - язвительно хмыкнул Гуго Уфлянд. - Какой там Саладин, когда речь идет о твоей королевской заднице, оголяемой любезной роднею буквально на ходу.

- Свинья... - прорычал англосакс. - Как ты смеешь говорить так о моем короле?

- А что такое?! - сурово насупившись, заметил Гуго Уфлянд. - Король, он ведь тоже человек, а не канделябр на стене, и мозги у него варят не лучше самых обыкновенных - крестьянских.

Гребцы тихонько заржали.

- Ну, так вот... - миролюбивым тоном произнес Гуго Уфлянд. - С мозгами или нет, но благодаря собственной смекалке король Ричард Львиное Сердце сумел ускользнуть из жаркой арабской кухни без особых угрызений совести, оставив орды магометанских баранов на собственные межплеменные разборки. А вслед за ним уже побежала и остальная шваль, включая отдельно взятых крестоносцев и нашу торговую экспедицию. Причем мы ушли из Палестины с неплохим барышом, избавившись от протухшего гамбургского продовольствия вплоть до последнего фунта.

Не скрою, мы были рады, что остались целы и невредимы.

Однако судьба играет человеком по своим правилам, ибо истинную плату за свои труды я получил только сейчас.

- Ага, - согласно кивнули гребцы.

- Чего ага, - буркнул Гуго Уфлянд. - Чего вы понимаете... Если исключить мизерный аванс, полученный мною еще на пирсе славного города Гамбурга, то, пожалуй, это норманнское весло (тут капитан Гуго Уфлянд гулко постучал по тяжелому гребковому инструменту), является самой наглядной и самой справедливой частью моего честного каперского гонорара...

Гребцы промолчали.

- Вам, конечно, плевать на мои убытки... - убитым голосом произнес Гуго Уфлянд. - Но, я все же считаю, что лучше сидеть с веслом на руках, чем покоиться на морском дне.

Гребцы скептически ухмыльнулись.

- Не верите?... - угрюмо справился Гуго Уфлянд. - Тогда взгляните на себя. Мы наглядный пример коварства фортуны. Мы все разбойники. Мы все хотели бы заниматься законным грабежом, а не испытывать судьбу по собственному почину? Разве не так?..

Гребцы задумчиво склонили головы.

---

* Саладин - основатель династии Айюбидов. Продолжатель египетских фараонов. Действовал на территории Палестины во времена Третьего крестового похода. Снискал репутацию смертельного недруга христиан. Являлся умным политиком и великим стратегом, однако был разбит королем Ричардом под стенами славного города Аккона (нынешняя Аккра). А это обидно - да...

- Увы, - философским тоном заключил Гуго Уфлянд. - Жизнь - это непрерывная череда разбоя и насилия. - Вчера - грабили мы, а сегодня - ограбили нас. А уже завтра будьте непременно готовы к тому, что ограбят не только наших детей, но и внуков. Это нормально. Так что, хотим мы того или нет, но каждый из нас состоит из нашего опустошенного прошлого, ребята. Мы все родом из наших сомнительных надежд, потаенных желаний и грабительских планов. У нас нет будущего. Ибо наше будущее уже ограблено, оно будет принадлежать ни святошам, ни румяным прихожанам, а истинным разбойникам и пиратам, по сравнению с которыми мы с вами - всего лишь жалкие ловцы капризной и переменчивой удачи...

Когда Гуго Уфлянд, наконец, заткнулся, очнулся раненный солдат. Прежде чем произнести свое веское солдатское слово, вояка выразительно отхаркнулся кровью и начал свой грубый, но честный монолог с отборной матерной тирады.

А далее выяснилось, что, по мнению служивых людей, главное, чего может достигнуть человек в этой варварской жизни - это не пасть духом, ибо существование человеческое - есть ни что иное, как бесконечное и совершенно скотское кровопускание себе подобных. Вслед затем прозвучала суровая фраза о том, что, в сущности, все мужчины и женщины на земле делятся на три основных лагеря:

Первый лагерь. Это те, кто готовы продать вам все что угодно, включая родную мать и отца.

Второй лагерь. Это те, кто берет все силой, невзирая на потери, честь и достоинство.

Ну а на третьем месте устроилась особо одаренная сволочь, чье положение в обществе, а также различные привилегии, позволяют им грабить кого угодно на законных основаниях.

- И вот такому честнейшему ратнику как я... - с печалью в голосе констатировал раненый воин, - приходится все время стоять между ними.

Итак, рассказ раненого солдата, прозвучавший как подлинный исторический факт.

- Двенадцать лет... - с тяжелым вздохом изрек травмированный воин. - Целых двенадцать лет, бесконечных, как мрачный сон покоренного разума, я служил капитану Гуго Уфлянду Младшему. Служил верой и правдой. Он нанял меня в Лондоне, в портовом кабаке. Уже тогда я был ловок, находчив и силен, словно молодой медведь, озабоченный постоянной борьбой за выживание. Сытая жратва и неумный блуд - это все, что интересовало меня в этой жизни. Правда, к блуду я тянулся больше. С этой дикой половой потребностью, когда в чреслах кипит адский огонь и хочется задрать все юбки на свете, мне пришлось бороться долгие годы. И я боролся! Видит Бог, я противостоял греховному соблазну как мог, поскольку безудержное влечение к плотским утехам убивало мою бессмертную душу. Я с утра и до вечера был окружен несусветными передрягами и безбожным лихом, ожидая скорой отправки на тот свет...

...Как выяснилось немного позже, именно туда я отправился. Эта непотребная дыра, эта откровенно поганая точка моего прямого богоугодного назначения звалась не иначе как "Моя сестра". Подле нее покачивались "Мой старший брат", "Забористый кум" и "Простодушная мамаша". А вот за ними уже, в утренней дымке, маячили "Отец сатаны" и "Племянник свата"...

...Увы, довольно скоро выяснилось, что все эти водоплавающие родственнички только с виду полны гостеприимства и радушия. Это интимное морское семейство пахло солью и запасами тухлой репы. Оно поджидало меня с распростертыми объятиями. Впрочем, не только меня, но и несколько десятков таких же воинствующих недоумков...

...Нас называли наемниками, волонтерами, искателями приключений, людьми особого рода, особой профессией, бездельниками и драчунами. Но выбирать не приходилось. Да я особенно и не выбирал. Мою грешную судьбу за меня выбрало само время. Оно обошлось со мной проворно, без ложного стыда, еще при рождении, поскольку родился я на самом дне бездонной выгребной ямы. Ее как будто специально опростали для моего появления на божий свет. Из этой бездонной ямы меня вытащили сердобольные рыцари Ордена Тамплиеров*. Они извлекли меня за ногу, невзирая на мои истошные вопли и плачь...

---

* Орден Тамплиеров - духовно-рыцарский орден. Возник в 1118 г. на предполагаемом месте храма Соломона в Иерусалиме. Орден отличился едва ли не первыми банковскими операциями на территории средневековой Европы и Азии, а также "крышеванием" знати. Он занимался депозитом, ссудами и выбиванием долгов из проштрафившихся кредиторов. К слову сказать, все рыцари

...Они вытянули бы оттуда и мою "добрую" матушку... Но моя матушка была умной женщиной. Она сумела покинуть эту "душистую яму" без посторонней помощи, едва опорожнив чрево от моего крайне обременительного присутствия...

...Далее был храм Ордена Тамплиеров. Он на долгие годы стал моим родным домом...

...В этом храме я достиг совершеннолетия...

...Потом, когда мои кости достаточно окрепли для житейских битв и духовных самоистязаний, верховный магистр самолично обнаружил мое великое человеческое предназначение... Он сказал мне о том, чтобы я защищал слабых, врачевал убогих и помогал бедным...

...Вот я и помогал. Помогал, как мог, не за страх, а за совесть. Помогал каждому, кто нуждался в моей помощи, невзирая на чью-то вшивую бедность, общественные заслуги, богатства и сословные привилегии...

...Двенадцать лет! Целых двенадцать долгих лет я бороздил моря и океаны как проклятый. Я ходил между портами Дании и Венеции. Я плавал на галерах между Францией и Константинополем. Я пересчитывал ночные звезды между желтым Египтом и дикими Британскими островами. Я побывал всюду, едва не дотянув до стран Гиперборейского государства, Индии и Китая. Я был в тех краях, куда никогда не ступала нога нормального человека...

- Это где? - недоверчиво перебили его гребцы.

- Это далекая Московия, ротозей. Именно там я видал практически в упор хмельной выезд красномордых славянских князей на соколиную охоту...

...Я побывал повсюду. Я изведаль холод севера и жаркое солнце юга. Меня носило из конца в конец бескрайних океанских хлябей, но я выжил...

- И ради чего? - тихо обронил кто-то.

- Это хороший вопрос, - чуть помедлив, ответил вояка...

- Здесь других не задают...

- Тогда ответьте мне сами, господа гребцы, кому сейчас легко?.. Кто может быть счастлив в этом мире, щедром как на скорую расправу, так и на переменчивую удачу?

- А ты не гневи Бога, ратник, еще не вечер...

...Ну-ну, - мрачно проговорил вояка. - Ждите вашего вечера сколько хотите, а во мне не осталось более ни капли веры, ни глотка надежды. Справедливость и лучшая доля - это все детские сказки, это удел слабых и нищих, а также наивных простаков...

- За себя говори, громила, - неожиданно молвил Али Ахман Ваххрейм. - Не путай свой личный опыт с общественным.

- И скажу, - недобро прозвучало в ладье. - Мне нечего таить от вас.

- Давай-давай, - подначил его один из поляков. - Твоих откровений нам тут явно не хватало.

- Ну еще бы, - ухмыльнулся вояка. - Сразу видно, что это корыто буквально переполнено мудрецами... Однако, оглянитесь по сторонам, мои мудрые братья, и скажите мне как на духу, где сейчас находится ваша так называемая мудрость и ваше так называемое счастье, если никто из вас не сидит сейчас у родного очага, а находится там, куда привела его собственная беспечность, глупые решения и сомнительные поступки?..

Эпизод девятый

Здесь выясняется, что дырка в днище корабля дает иногда самый серьезный повод к затыканию любого отверстия в продырявленных объектах Вселенной.

Первым, кто обнаружил пробоину в корпусе драккара, оказался Рубин. Его разбудил тихий плеск холодной морской воды. Ее хватало с избытком, и вся она вполне свободно перекатывалась под его набухшими от влаги штанами.

- Мы тонем, братья*, - коротко сообщил он, шустро расталкивая заспанный народ.

Братья не заставили окликать себя дважды. Правда большинство отреагировало безучастно. Тогда Рубин повторил свою фразу еще разок, проверяя людей на житейскую прочность.

на свете - это, в сущности, маленькие кассиры на конских колесах, ибо замечено кем-то сверху, что чем больше железа на крепком теле, тем сильнее потребности в калорийной пище, денежно-вещевых субсидиях и амурных утехах. Аминь...

* Все люди на Земле братья и сестры, а Господь Бог, как известно, один на всех. Возможно, именно потому, что Господь один на всех, его стремятся "поймать" все те, кто мечтают заполучить в свои загнувшие руки эдакое маленькое индивидуальное божество, без которого нет в жизни счастья, а то, что есть, нуждается в глубоком психиатрическом лечении.

- Не ори, - хладнокровно прозвучало в ответ.

Народ вдумчиво прикинул шансы на выживание. Кроме зубовного скрежета, шансы не вызвали ничего хорошего. Общее мнение выразил Али Ахман Ваххрейм. Он меланхолично плюнул за борт, после чего твердо заявил, что в компании с ненавистными норманнами можно отчалить на тот свет без особых сожалений.

- Да я готов отправиться в любое пекло, лишь бы утащить за собою приличную толпу викингов! - стиснув кулаки, добавил хмурый ремесленник из Саксонии.

- Я не возражаю, - мелко крестясь, добавил Дафни из Нидерландов.

Воды тем временем значительно прибавилось. Она медленно, но верно поднялась до щиколоток и стала преспокойно тянуться к спящим викингам.

Почуяв под боком холодные воды океана, морские волки недовольно заворочались. Ворчание заставило приподнять голову Проклятого Бирку. Отворив заспанные очи, громила мигом распахнул пасть.

- Мы тонем, братья! - проревел он на всю округу.

- Заткнись! - рявкнул на него главарь норманнов, показывая громиле из Бирки, как следует относиться к подобным новостям. Его гордая осанка и невозмутимый вид, привели Рубина в полный восторг.

"Да... - подумал он про себя. - С таким отношением к реальности, можно противоречить судьбе легко и непринужденно, сменяя все на своем пути".

Впрочем, мнение примитивного раба никого не волновало.

- Меня интересуют совсем иные вещи!.. - во всеуслышание заявил Флибустьер С Большой Буквы. - Мне интересно знать, где находится здесь ближайший берег?!

Берегом поблизости не пахло, разве что вновь повеяло смертью.

Тем временем на соседних ладьях заметили неполадки с "Огненным драконом" и начали шустро подгрести к флагману. Сблизившись вплотную, викинги устроили совет. Тему поднял Флибустьер С Большой Буквы. Она звучала так: "Что делать могучим сынам Одина, если стопудовое невезение и полный пиздец идут за ними по пятам?"

Никто не спешил с ответом. Ответ сам появился в небе. Это был крупный сиротливый баклан, в клюве которого торчал серебристый хвост рыбы. Он, словно указующий перст самого Господа Бога, давал ясно понять, где находится ближайший участок суши, а значит и спасение.

После таких очевидных намеков бездействуют только идиоты. На кораблях тотчас же развернули большие носовые платки, и двинулись вслед за пернатой тварью, как очумелые.

Здесь вновь и вновь пришлось изрядно потрудиться гребцам. Под яростные команды Проклятого Бирки, под хлесткие щелчки его жутковатой плети, увесистые весла так и летали над волнами. Пот и слезы буквально градом катились с натруженных лиц. Гребцы работали в полную силу. При этом пятерых из них заставили вычерпывать тонну воды из самого "Огненного дракона".

- Скоты!.. - раздавался над морем голос Проклятого Бирки. - Черпайте живее, если не желаете пойти на корм рыбам!

Таким образом, миновала целая вечность, прежде чем челноки скандинавов приблизились к таинственным очертаниям неизвестной земли.

Норманны сходу устремились к побережью. Форштевни драккаров воткнулись в неведомую сушу уверенно и крепко, словно в громадный слоеный пирог, приготовленный для скорейшей нарезки на равные доли.

Встряхнув чугунной башкой, Рубин бросил взор на чужой берег. Перед ним лежала незнакомая земля - Terra incognita. Она начиналась с длинной прибрежной косы, покрытой низкими песчаными дюнами, и продолжалась совершенно чудесным хвойным лесом, расположенным в четверти мили от полосы прибоя.

- Пусть кто угодно проклянет меня на добрую сотню веков... - тихим голосом произнес Али Ахман Ваххрейм и привычно плюнул за борт. - Но я почти не сомневаюсь, что это Англия.

- Если это Англия, - едва слышно произнес Рубин. - То я бы не стал возражать против появления здесь нескольких сотен королевских стрелков.

- Стрелков будет недостаточно, - обронил кто-то. - Тут не обойтись без отряда тяжелой конницы. Вот, кто мог бы встретить наших скандинавских хозяев со всем положенным уважением, дабы сопроводить их в лондонский Тауэр с подобающими почестями.

Эпизод десятый,

где ремонтируют драккар и остро чувствуют глубокую разницу между свободой и каторжной работой.

Ремонтировали драккар попросту, живо согнав гребцов на берег. Цепь при этом шумно протянули на сушу, намереваясь превратить людей в "Бурлаков на Волге". Бурлаки, в свою очередь, помалкивали, поскольку между повиновением и смертью большинство невольников делает правильный выбор.

Следовательно, вытягивали драккар из воды также слаженно и четко, как обыкновенно работали на веслах, тем более что Проклятый дьявол из Бирки не давал повода расслабиться ни на йоту.

- И-и-и... р-р-аз, голодранцы! И-и-и... два-а, нахлебники! - начальственным голосом орал Проклятый Бирка. - А теперь еще разок, ленивые бараны!

Когда продырявленный челнок полностью оголил свой корпус, за него немедленно взялись бывалые скандинавские вояки. Эти молодчики были мастерами на все руки. Они умели не только убивать и насиловать. При случае они могли и дом отгрохать, и землю вспахать, и корабль подлатать, чтобы он был прочнее прежнего.

"Хозяйственные подонки", - мрачно подумал Рубин, разглядывая днище корабля, густо обросшее ракушками. Помимо ракушек на днище была длинная неровная прореха, которая протянулась вдоль левого борта "Огненного дракона" и уходила к самому носу.

- Основательная щель, - прошептал чуть слышно один из поляков. - С таким глубоким отверстием человек давно бы отбросил копыта.

- Спасибо утопшим германцам, - буркнул Али Ахман Ваххрейм. - Похоже, не повороти они тогда свою посудину поперёк нашего курса, как знать, довелось бы нам увидеть сей берег...

- Да уж... - вздохнув, заметил кто-то. - Всякая земля под ногами - это уже само по себе большое благо...

- Благо там, где есть божественный дух свободы, а не досужие мечты о ней, - молитвенным тоном проговорил Дафни из Нидерландов.

Покамест Рубин усиленно хмурил высокое чело и почесывался в затылке, прикидывая возможные выгоды от создавшегося положения, толпу гребцов грубо оттеснили в сторонку и вполне беззлобно покрыли причудливой руганью.

Так прошел еще один день - тягучий и подлый, доверху наполненный сочным треском древесины, приглушенным перестукиванием топоров и забористой бранью...

Эпизод одиннадцатый,

который наглядно показывает, что всё в нашем мире случайно, включая высадку на чужой берег или встречу с медведем. И всё имеет свои последствия.

На следующие сутки норманны решили произвести разведку местности. Для этого они разделились на две группы. Одна осталась подле "Огненного дракона" (заделывать дыру в корпусе корабля), а другая вознамерилась выпотрошить и выбить из местного края массу полезностей, включая сосновые шишки, непуганое зверье и даже таинственных друидов, если таковые встретятся в чащобе.

Морские разбойники действовали четко и согласованно, соблюдая все меры предосторожности. Правда, перед тем как позволить своим людям сгинуть под пологом леса, Флибустьер С большой Буквы слегка подбоченился и произнес напутственную речь, всячески агитируя подчиненный народ на подвиги и славу.

- Храбрые сыны далекого севера! - сурово произнес он. - Высокие чертоги благословенного Одина ожидают каждого, кто способен прорубить дорогу к богатству и славе! Они открыты любому из вас, только бы ваша тяга к бранному ремеслу заслуживала уважения и почетного места в застольном кругу великих воинов! Меня же волнует только один единственный вопрос: чем богаты здешние уголья и какое барахло вы сумеете отсюда вытрясти?! Вопросы есть?!

Вопросов не было. Викинги только с виду казались тупыми молодцами, а так соображали не хуже банды именитых профессоров.

Не успели отгреметь последние слова конунга, как сборище вояк буквально испарилось в воздухе. Прибрежная растительность поглотила их с превеликой охотой.

Их ждали час, ждали два, но, увы, никто не вернулся. Вместо этого из зарослей полетели стрелы. Одна вонзилась в мачту, две других угодили в Проклятого Бирку и польского гребца.

Рубин мгновенно пригнулся, однако любопытство оказалось сильнее страха. Он тотчас же поднял голову, чтобы не пропустить свежую резню.

- Матерь божья!.. - негромко присвистнул один из гребцов. - Как бы и нас не отоварили вместе с норманнами...

Тем временем, напрямик из леса высыпал отряд всадников и, сверкая металлическими доспехами, ринулся к драккарам. За всадниками показались около трех десятков лучников и столько же пеших воинов. Выбежав на пригорок, лучники заняли подходящую позицию, после чего заработали с убийственной скоростью, демонстрируя немилосердную точность.

Не прошло и минуты, как ряды норманнов значительно поредели. Те, кто выжил, устремились под защиту челноков, сплоченно загораживаясь щитами. Однако со стороны открытого моря неспешно подходили несколько тихоходных ганзейских коггов. Они были до отказа забиты ратными людьми. С кораблей также сыпались тучи стрел и бешенные угрозы.

Едва флотилия подошла к суше, как на берег хлынула волна солдат.

Атакующие с двух сторон норманны бились с отчаянным и завидным бесстрашием, оглашая воздух предсмертными проклятиями и хулой. Побережье вмиг превратилось в изуверское побоище: лязгало железо, раздавались хриплые крики, трещали и лопались щиты, копья и доспехи. Рубин видел, как рухнула первая волна всадников, на полном скаку вломившиеся в самую гущу противника. В общей давке люди гибли бесчисленно, будто въедливая мошकारа под гигантской мухобойкой. Постепенно сеча придвинулась вплотную к драккарам. Рабы, прикованные к веслам, взревели почище норманнов и англичан, разве что японец держал себя в руках, проявляя чудеса выдержки и хладнокровья. Затем над головой Рубина просвистел лопнувший шкот и внушительный кусок реи, с оглушительным треском обрушился вниз, прямо на голову подвернувшегося разбойника. Другого скандинава меткие английские стрелки нацеливали стрелами возле самой кормы. Увы, бедолага замешкался, усердно натягивал тетиву короткого тугого лука, не подозревая, что струна его собственной жизни оборвется куда быстрее собственного вздоха.

Когда злополучный морской рыцарь безжизненной тушей рухнул на палубу "Огненного дракона", рев гребцов поднялся до небес.

Под яростные вопли сотен широко распахнутых глоток Рубин живо подтянул мертвеца к себе и, тяжело дыша, содрал с его пояса увесистую боевую секиру.

- Давай-давай, вояка! - яростно гаркнул кто-то. - Покажи свою удаль!..

С топором в руках, Рубин смотрелся не хуже иного викинга. Налет цивилизации слетел с него мигом. Он казался озверевшим библиотекарем, дерзнувшим впервые сменить перо и бумагу на грозное оружие.

- Чего ждешь?! - свирепо прокричал ему Али Ахман Ваххрейм. - Круши оковы!

Рубин отреагировал молниеносно, нещадно обрушив зазубренное лезвие на проклятый железный поводок. Цепь лязгнула и дернулась как недобитая змея. Тогда Рубин ударил еще раз, вкладывая в удар всю душу. Цепь лязгнула вновь, немилосердно гремя ржавыми звеньями, и долгожданный вопль о свободе достиг, наверное, законопаченных ушей далеких небожителей.

Эпизод двенадцатый

Он ничего, в сущности, не объясняет, но дает некоторое представление о сложившейся ситуации.

Едва отгремело сражение, как тут же выяснилось, что окрестные земли принадлежат графству Линкольншир. Здесь издревле обитали крепкие линкольнширцы и прочий английский люд, готовый явится по первому зову как на работу, так и на ратную пахоту. Именно эта разношерстная публика освободила гребцов от скандинавской каторги.

Новые обстоятельства выглядели не худо, подобно дуновению свежего ветерка в жаркий полдень. С таким оборотом событий жизнь любезно поворачивалась к бывшим невольникам улыбочным лицом, а не полным задом. В этом лице четко проглядывались простое линкольнширское тепло и радушие. Это были "свои люди", по сути, самая народная гуща - плотная и наваристая, как перловая каша.

Этим симпатичным народом повелевал высокий respectable человек. Это был форменный аристократ и, конечно, джентльмен вплоть до мозга костей. Величали его лордом Геррионом. Как представитель местного правления он символизировал силу, власть и порядок. Также бросалось в глаза, что лорд Геррион воспитывался в развитом обществе и знает о культурном обращении нечто такое, о чем иная публика может только догадываться. По крайней мере, его блистательная светская ругань заставляла примитивное население буквально цепенеть на месте, а затем уже резво двигаться туда, куда его посылали.

На лорде красовался превосходный рыцарский костюм, весивший, наверное, никак не менее полутоны. В этой гулкой металлической упаковке (с гербом на груди) благородный рыцарь смотрелся более чем внушительно, он казался ангелом-спасителем, спустившимся с небес в самую сердцевину человеческой клоаки. Снабженный полутораметровым ножиком и подобающим щитом, он мог бы в одиночку завоевать любую страну. Но, похоже, ему нужна была только старая добрая Англия и целый ряд близлежащих районов, включая непокорную Ирландию и автономные области пиктов, гэлов и скоттов*.

Стопроцентный вассал короля Ричарда осмотрел спасенных гребцов без особого воодушевления. Было видно, что спасать чернь никак не входило в планы настоящего рыцаря.

"Увы... - явственно читалось на благородном лице лорда Герриона, - но хорошая справная чернь сама должна о себе беспокоиться, дабы не мешать истинным господам жизни заниматься куда более важными проблемами".

А проблем хватало с избытком.

- Идет война! - заявил во всеуслышание лорд Геррион. - Идет постоянная война за благочестие и непорочность всего христианского мира! Английской короне надобны мужественные воины! И чем отважнее и самоотверженнее вы станете биться за свободу и процветание британской короны, тем щедрее будут ее милости к вашим делам и поступкам!

Глядя в затылок удаляющегося вельможи, Али Ахман Ваххрейм по-житейски заявил, что щедрость и доброта большинства герцогов, лордов и королей, ему очень хорошо известна. Однако щедрость её величества Смерти превосходит это неслыханное расточительство по всем статьям.

- Не сомневайтесь, люди, - твердым голосом попытожил мавр. - Между посулами правителей и помалкиванием загробного мира - имеется прямое родство. Если вы доверитесь обещаниям сильных мира сего, то вскоре легко убедитесь, что близкие поминки настигнут вас куда быстрее любых благосклонностей ваших господ.

Рубин с большим интересом прослушал мнение товарища и вынужден был признать, что в словах мусульманина есть немалая толика здравого смысла. А что касается голосов сильных мира сего, то их при всем желании невозможно заткнуть чем бы то ни было.

Расставив все по своим положенным местам, небольшая армия лорда Герриона выстроилась в длинную колонну и, гроыхая амуницией, медленно двинулась к ближайшему поселению. Позади остались шумные волнения моря, повешенный на рее флибустьер и выпотрошенные корабли норманнов. Часть имущества погрузили на вместительные телеги, запряженные волами, и, невзирая на полученные в битве раны, весьма ходко потопали к домашним очагам. По дороге обменивались скудными мыслишками о нелегких житейских буднях и отголосках междоусобных войн. Под стук тяжелых копыт бывшим гребцам рассказали о том, как в Линкольншире узнали о викингах.

- Ну, за это нехитрое дело надобно благодарить рыбаков, - сказал один бравый подтянутый вояка.

- Точно-точно... - бойко добавил другой. - Эти ушлые ребята видят иной раз такое, чего многим сухопутным крысам никогда не разглядеть. Они быстро смекнули, какая напасть высадилась к ним на побережье. В таких случаях надобно только пошевелиться расторопнее, тогда и впросак не упадешь и с наградой домой вернешься. Если, конечно, его светлость останется доволен...

- Кто вернется, а кто нет... - грустно обронил еще один солдат, поглядывая на возок с убитыми.

- Война без потерь не бывает, - мудро заключил кто-то. - А где потери, там и находки.

С этими словами на руки Рубину шлепнулся ветхий пергаментный свиток.

- Это тебе, незнакомец, - с некоторой долей юмора изрек проходивший мимо лучник. - Тебе и твоим приятелям...

- А что тут?!

Лучник откровенно рассмеялся.

---

* Пикты, гэлы и скотты - обыкновенное шотландское население, обитавшее на территории Англии в те далекие времена, когда земля все еще была наполнена мифотворчеством и дремучим языческим поклонением. Ныне пикты и гэлы вымерли как вид, чего нельзя сказать о "скотах" и, разумеется, англо-саксонском скотстве.

- Привет от мертвого конунга! Он вывалился из-под рубахи, когда его вздернули на сук!

Рубин развернул "привет" и ничего не понял. От корявой латиницы и багровых пятен крови его немного передернуло. Хорошо, что рядом шагал Дафни из Нидерландов. Он без особых трудностей изложил сочинение пиратского главаря шагающим голодранцам. Сочинение называлось "О жизни и о себе безо всякой лирики".

Итак, нравоучительная история Флибустьера С Большой Буквы, вольно пересказанная Рубиным для лучшего просвещения легкомысленных потомков.

Как оказалось, настоящее имя Флибустьера С Большой Буквы звучало на испанский манер - Хуасито Аркебуза, по прозвищу Железный Херес. На протяжении целого ряда долгих средневековых лет Железный Херес занимался всеми видами мелкого морского разбоя. Успехи на этой скудной предпринимательской ниве привели его на следующую ступень криминального существования.

Эта ступень выглядела более чем привлекательно, позволяя негодю серьезно расширить дело.

А дела не давали расслабляться ни на йоту.

Действуя нагло и решительно, Хуасито Аркебуза принялся совершать многочисленные набеги на прибрежные поселки, поместья и скромные деревушки, превращая их в выжженные пропелшины. При этом Хуасито не брезговал никакими средствами, только бы награбленное добро плотно оседало в его карманах.

Доставалось от него также средним и крупным купеческим флотилиям, поскольку тех отчаянных храбрецов, кто беспрестанно ходит по торговым делам во все концы мира, истинные джентльмены удачи стремились, и, разумеется, стремятся обслужить в первую очередь.

"А как же иначе? - аккуратно писал пират. - Разве я виноват в том, что мир полон торговцами и торговками? Разве я повинен в том, что эта коммерческая публика перемещается от рынка к рынку не хуже заведенных марионеток. Это не я, а сии крохоборы постоянно покупают и перепродают тюки с шерстью, дивную утварь, экзотические специи и полусгнившие продукты питания. Они торгуют и богатеют. Они наглют и жиреют, словно хорошо откормленные свиньи. Таков их образ жизни, таковы их авантурные проблемы. А мое дело маленькое. Я всего лишь честный мясник. Я открыто забираю у них излишки капитала и помогаю им, наконец, закончить свою беспоконную суету на этом пагубном белом свете... Аминь..."

Безусловно, особое расположение Хуасито Аркебуза оказывал тем торговцам, чьи корабли были битком набиты золотом и серебром. Это была ужасающая, но прибыльная работа, густо замешанная на трупах, насилии и грабеже. На совести португальца были сотни и сотни разбитых и поломанных судеб. Он купался в людской крови с ног до головы, как сущий морской дьявол. В такой несколько нервной и драматической обстановке Железный Херес решительно полагал, что слава беспощадного викинга поможет ему без лишних трудностей управлять психологическим состоянием тех, кто решится вдруг противостоять ему как на суше, так и на море.

Кроме того, когда-то в юности Хуасито Аркебуза неоднократно внимал рассказам старших о легендарном полководце Александре Македонском*. Вдохновленный его бессмертными подвигами и богатством, а также его безудержным желанием покорить весь мир, Хуасито Аркебуза намеревался проделать аналогичную операцию в самые кратчайшие сроки. Он верил в себя. Хуасито ничуть не сомневался, что рано или поздно, он неизбежно завоюет если не всю Вселенную, то, по крайней мере, весьма значительную ее часть.

Это завоевание началось с организации небольшой пиратской флотилии. Хуасито Аркебуза сколотил её из надежных сообщников. Это были первейшие отбросы общества на всем побережье Португалии, Испании, Англии и Франции.

---

* Александр Македонский - царь, сын Филиппа II Македонского, убитого на свадьбе родной дочери молодым македонским аристократом. На Востоке господин Македонский известен под именем Искандар Зулкарнаин, что означает Александр Двурогий (он же Дьявол). В своих путешествиях то на север, то на юг, повелитель Македонии окончательно покончил с древним персидским государством и сумел завоевать довольно значительный кусок земной жилплощади. Как величайший представитель своего времени, Александр любил полистать на досуге поэта Гомера (так сказать подгомериться между очередной резней и обильным кровопусканием) и вспомнить многочасовые лекции старика Аристотеля об этике, мимесисе, политике и, разумеется, формальной логике. С таким исключительным образованием Шура Македонский смог бы зайти очень и очень далеко, но внезапно захворал малярией и сыграл в ящик. А, как известно, завоевывать мир, лежа в ящике, весьма и весьма затруднительно.

"С такими людьми, - глубокомысленно писал автор, - можно спуститься в самый ад, не говоря уже о бездонных трущобах Парижа, Мадрида или Лондона..."

Эта адская компания выбрала для своих дерзких планов корабли "Попутный ветер" и "Ласточку" - великолепные купеческие лохани, курсирующие по маршруту Любек-Венеция-Генуя-Любек, со среды на пятницу каждый седьмой месяц в христианском году. Коллектив матерых уголовников подрядился на эти суда в качестве простого обслуживающего персонала и сумел пройти карьеру от рядовых матросов до высшего флибустьерского состава в кратчайшие сроки.

Мерзавцами двигали чисто конкретные помыслы, среди которых остро выделялись идеи о сугубо частном обогащении за чужой счет и нездоровые сексуальные увлечения.

Таким образом, обзаведясь подходящими кораблями и верными пособниками, Хуасито Аркебуза по прозвищу Железный Херес принялся завоевывать мир. При этом, он ничуть не сомневался, что подобная затея требует от исполнителя полного отсутствия совести, сострадания и доброты. Более того, он вознамерился осуществить свое мероприятие в пределах одной человеческой жизни. Он всерьез полагал, что его запаса здоровья и сил хватит на целый век. А большего времени для захвата Вселенной и ненужно.

"А все потому, что тяжелой работой и гроздьями пота нельзя добиться ничего путного, кроме длинного списка хронических недомоганий, - твердым почерком писал Флибустьер С Большой Буквы. - Увы, эта истина не требует доказательств. Это горькая правда. И вам придется поверить этой правде. Ибо единственными богатствами, которые вы наживете за годы ваших долбанных странствий, станут ваши печали и пепельная седина, а не тонны серебра и золота. К сему горестному достатку непременно прибавится изношенный к дьяволу позвоночник, сдвинутые набекрень мозги и вконец развороченная печень.

А посему, жить надо свободно и беспечно, смело прикарманывая чужие пожитки и чужое добро. Ибо, какой смысл в учениях и широком кругозоре, когда рядом текут полноводные реки постороннего капитала. Тут следует верить в дремучий зов вашего горячего сердца, алчущего добычи, крови и наслаждений. Нужно смотреть жизни прямо в лицо и двигаться только туда, куда влекут вас ваши потаенные инстинкты, ваш волчий аппетит и ваши длинные загребущие руки. Аминь..."

Огласив текст, Дафни из Нидерландов нахмурил высокий (вплоть до затылка) лоб и тяжело призадумался. Ему явно не хватало последнего умозаключения, чего-то важного, наподобие свежего откровения, чтобы поставить финальную точку. Но уже через миг он отыскал потребный материал на обороте свитка. Это были прощальные слова некоего Бенджамена из Назарета. Он писал о том, что "Нет в жизни счастья, а есть одна маята и поиски приключений на свою бедовую задницу".

Почерк у неведомого летописца был аккуратный и разборчивый, как ровные стежки ткачихи. Рубин сунул туда нос, но вновь ничего не понял. Истерзанное временем и заляпанное пальцами историческое свидетельство пахло гнилостной кожей, кровью, тлением и солью. Чтобы завершить повествование, Дафни из Нидерландов живо отпихнул Рубина в сторону и продолжил чтение:

- И вот какой же урок можно вынести из мытарств Аркебузы? - было начертано Бенджаменом из Назарета. - А такой: что жизнь - это не фиал с прохладной водой. Жизнь - это высокий дремучий лес, наполненный мракобесием, злом и сатанинскими насмешками. И все мы заблудились в его глубокой и темной чаще. Однако, Господь милостив, ибо позволяет жить каждому из нас даже тогда, когда жизнь наша, в общем-то, бессмысленна и бесцельна.

Бенджамен из Назарета

- А во всем виновата проклятая война, - тотчас же заявил один из образованных англосаксов, едва лишь Дафни из Нидерландов закончил декламацию пергамента. - Война за безграничную власть, тонны золота и феодальные привилегии. Причем весь мир воюет друг с другом не потому, что людям этого так хочется, а затем, что война является единственным решением в спорных вопросах о земле, власти и свободе.

- Вот-вот, - заметил какой-то чумазый виллан. - С такими мыслями лучше всего быть на стороне сильного. Однако ответьте мне, почтенные судари, где мыслимо найти ту возможную и единственную силу, что может оказаться главной опорой в борьбе с несправедливостью?.. Где обрести простым людям верную стратегию жизни, если мы не знаем, что готовит нам новый день?

- О, да! - живо подхватил другой англосакс. - Ведь если завтра проклянется новый соискатель на королевский трон, способный без всякого стыда отправить предыдущего монарха на эшафот, то где при этом может оказаться тот блаженный олух, что присягал на верность прежнему сюзерену?

- Как где? - выпалил кто-то. - В гробу, конечно!

- Ага... - ухмыльнувшись, подытожил англосакс. - Вот мы и держимся за то, что у нас есть...

- А что у вас есть? - с интересом спросил его широкоплечий мавр Али Ахман Ваххрейм, цинично сплюнув в дорожную пыль.

- Только наша земля и наша жизнь, - был ему суровый ответ.

Эпизод тринадцатый

Замок с точки зрения средневекового быта, а также его обитатели.

Замок Рубину понравился. Эдакое мощное оборонительное сооружение, с виду вполне способное противостоять всем ударам на свете. Оно занимало без малого целый гектар плодородной английской земли и возвышалось над прилегающей местностью на добрые тридцать ярдов. Со всех сторон замок окружал глубокий ров, до самых краев наполненный черной застоявшейся водой. Оттуда изредка доносились громкие голоса лягушек, несколько обеспокоенных шумной суетой и кваканьем людей. Главная цитадель - донжон, располагалась за внутренними стенами циклопической постройки, в центральной части внушительного архитектурного ансамбля.

Словом, цитадель выглядела грозно. Она олицетворяла несокрушимый символ порядка, мира и благоденствия.

Рубин неторопливо приближался к замку. Он ступал по земле как случайный путник, как редкий заблудившийся странник, ничуть не предполагая, что, двигаясь вперед, человек познает собственную природу. Он с любопытством оглядывался по сторонам, отмечая мельчайшие детали местного быта. Более того, на миг его посетило полузабытое чувство постсоветского туриста, внезапно очутившегося в стране желанных капиталистических ценностей.

Замок стоял твердо. Он являлся хозяином положения, он давил на плечи и мозги, как подлинный владыка своего дремучего времени, принуждая к немедленному повиновению. Его стены выглядели неприступными. Похоже, пробить их можно было только хорошим зарядом тротила. Сложенные из чудовищных гранитных валунов, тщательно подогнанных друг к другу, эти стены говорили о том, что хозяин подобного сооружения может спать спокойно, пока снаружи бродят толпы бездомных дикарей.

Помимо могучей каменной кладки замок имел несколько угловых башен. Они чуть скрашивали картину мрачного архитектурного ансамбля, вытягивая мощную композицию к небу. Над башнями развевались знамена, уютно ворковали голуби, а из печных труб валил дым.

Главные ворота, окованные толстенными металлическими пластинами, смотрелись так же прочно, как и замок. Их намертво вмонтировали в громадную проходную арку, возле которой топталось около дюжины мордастых привратников. На фоне служивого люда арка смахивала на триумфальное надгробие усопшего циклопа. Сооружение было снабжено широким подъемным мостом, который поднимался благодаря многопудовой цепи, натянутой вокруг специального поворотного колеса.

Разумеется, Рубин поинтересовался у охраны, есть ли в замке библиотека? После чего привратники долго смотрели на него, как на полноценного идиота.

Внутренняя территория замка выглядела также основательно и добротна, как и снаружи. Правда, обилие конских яблок на дороге откровенно портило благоприятное впечатление, но их количество ничуть не мешало активному перемещению населения.

Из построек хозяйственного назначения можно было отметить склады с фуражом, сыроварню и вместительный амбар. Далее виднелась конюшня, кузница, пекарня и скотобойня. Тут же стояли жилые бараки для гарнизона, овчарня и виселица. Неподалеку, аккуратно, возле самой крепостной стены, скромно притулился общественный объект типа сортир. Похоже, продуктами активного народного метаболизма забит он был до самого отказа, поскольку над ним витал неповторимый дух крайне пахучих алхимических соединений. Казалось, поднеси сюда спичку, и весь мир рванет к черту на рога.

Взглянув на "место общего пользования" еще разок, Рубин мигом сообразил, что замок является лучшим примером процветания и благоденствия. Он был символом наглядной преуспевающей жиз-

ни, поскольку срать в таких немислимых количествах могут только воистину счастливые и богатые люди на свете.

Ему не пришлось задуматься над этой очевидной мыслью дважды, так как из открытого настезь нужника начали довольно ходко вышвыривать чавкающие килограммы сочного человеческого говна.

Этим крайне серьезным делом занимались несколько толковых работяг. Али Ахман Ваххрейм назвал их говночерпиями.

Говночерпии трудились весьма сноровисто. Пожалуй, Рубин никогда еще не видывал столь слаженной и четкой работы.

"Вот кого следовало бы приглашать на поля и стройки России, - неожиданно подумал Рубин. - Вот, кто мог бы работать куда продуктивнее любого эмигранта..."

Будто услышав подобное мнение, говночерпии заработали еще активнее, доставляя массу впечатлений стороннему наблюдателю.

Напоследок Рубин обратил внимание на опрятное невысокое сооружение, подле которого стояли вытянутые дубовые столы и добротные лавки. Пахло оттуда недурно, по-домашнему - пикантным ароматом мясной похлебки, чесноком и хлебом.

- Кухня!.. - живо догадались вчерашние невольники, отчего их чумазые лица разом осветились белозубыми улыбками.

Почувствовав оглушительный запах пищи, Рубин невольно закрыл глаза, после чего ноги сами понесли его к источнику животворного изобилия. За ним потянулся Али Ахман Ваххрейм, целиком и полностью полагаясь на чутье и здравомыслие своего смышленного боевого товарища.

Завидев столь редкостное единодушие, бывшие гребцы нерешительно встали. Их жизненный опыт, напротив, говорил им о том, что нормальные путевые люди так себя не ведут. Однако голод оказался сильнее доводов рассудка, и босяки единодушно постановили не отставать от своих резвых приятелей.

- Двум смертям не бывать, - уверенно обронил кто-то. - А на сытый желудок и помирать не страшно...

В дверном проеме кухни торчала оплывшая фигура здешнего повара. Он ковырялся ножом в зубах и насвистывал песенку из жизни французских монахов.

Монахи французские, ах!
С богом всегда при делах!
Но французским монахам, ох!
Что псалмы жевать, что горох!..

Удостоив Рубина цепким взглядом профессионального рубщика мяса, повар молча указал ему на каменное строение в конце двора, примыкающее к стенам казармы, и бесцеремонно сообщил, что кушают вояки в зале для пиршеств.

- Там же, где и остальные свиньи... - меланхолично добавил он, взирая на Рубина с нескрываемым чувством превосходства.

- А ты-то где питаешься, сын черпака и кастрюли? - спросил у кашевара Али Ахман Ваххрейм.

- Хороший повар на вес золота, - с наглой ухмылкой донеслось в ответ. - Он пробует и кушает то же самое, что и его господин...

- Надеюсь, твой хозяин не похудеет, если к его столу присоединятся несколько голодных ртов?

- Это зависит от величины огузков, которые понадобятся здешним слугам, чтобы заткнуть ваши бездонные глотки, - хмыкнул повар.

В зале для пиршеств действительно заседала куча солдат его светлости лорда Герриона. При виде живописного сборища оборвышей, один из них чрезвычайно остроумно заметил, что святая пища должна идти впрок исключительно тому, кто знает в ней толк, а не наоборот.

- А вот если подкармливать ею всякий вонючий сброд, - высокомерным тоном бросил еще один остроумец, - то вскорости сам начнешь вонять не хуже иного оборванца.

- Друг мой... - безмятежно ответил ему Рубин. - Вонять может кто угодно. Это несложно. Гораздо труднее не вонять в принципе.

Солдат не понял шутки. Он выглядел здоровым и глупым, как выглядят все здоровяки на свете. Солдата звали Рыжим Ливси. Рыжий Ливси родился в Йорке. Он на целую голову возвышался над Рубиным и, наверное, искренне полагал, что мир с такой высоты, вполне доступен для его издевок и

колючих замечаний. Вежливость парню не грозила. А вот крепкий кулак Рубина пришелся в самый раз.

- Поддай ему еще разок, - обронил Али Ахман Ваххрейм. - Чтобы не заносил нос выше крыши...

Приятели Рыжего Ливси угрожающе поднялись с мест. Их было голов тридцать, не более того, и все они как один намеревались заступиться за своего павшего под стол собутыльника.

Ситуация развивалась неуправляемо и быстро. Однако на стороне Рубина находилось ужасающее чувство голода, храбрость и, наверное, двадцать самых отпетых, самых отчаянных голодранцев на всей территории Туманного Альбиона.

- Нас прибило сюда случайным ветром! - яростно провозгласил Рубин, разбивая кувшин с вином о голову какого-то подвернувшегося рубаки. - Однако каков бы ни был этот ветер, я лично никому более не позволю издеваться надо мной, будь то сам король или цепные псы вшивых аристократов!

В общей свалке особо отличился Али Ахман Ваххрейм и неприметный японец Такеда. Оба сумели показать неподдельные чудеса воинского искусства, непринужденно доказывая всем и каждому, что истинный боец способен биться в любых самых тяжелых условиях, хоть посреди столовых лавок, хоть в кулинарном аду.

Пример оказался заразительным. Бывшие норманнские пленники последовали ему без колебаний, после чего в помещении разразилось самое натуральное побоище. Дрались в основном деревянными ложками, вилками, столами и лавками. В ход шел любой предмет, что попадал под руки. Мелькали подхваченные миски с мясной похлебкой, свежее испеченные булки с капустой, пузатые кувшины с вином, громадные сковороды с пережаренной рыбешкой, жирные куски курятины, мало-солёные огурцы и колоритные народные матюги.

Грохот, крики и блядские угрозы висели в воздухе гроздьями. Но вслед за яростными матюгами и летающей посудой, появилась личная гвардия лорда Герриона. Эти люди не ведали пощады. Они применяли увесистые дубинки и крепкие пинки без разбору, направо и налево, доказывая тем самым, что им не зря платят положенное жалование.

Бардак закончился живо, потому как драться с дураками бессмысленно.

Ну а тот, кто не согласен с подобным утверждением, тот и сам, порой, рискует выглядеть полным мудаком...

Эпизод четырнадцатый

Тут попросту выясняется, что скорый суд на земле не знает пощады, и вердикты британской аристократии лучшее тому подтверждение.

Когда зачинщиков беспорядка аккуратно поставили пред лицом его светлости лорда Герриона, его светлость лорд Геррион брезгливо поморщился. Поморщившись еще раз, он набрал в легкие как можно больше чистого средневекового воздуха и громогласно заявил:

- Господа простолюдины! Господа красномордые вилланы, плебеи и хамы! А также скабрзные бродяги, разнополые скоты и прочий вольнодумствующий народный сброд! Господа смерды! Я вас спрашиваю! В чем, собственно, дело?!

Народ заворожено молчал, остро чувствуя, где находится его место. Даже возле сортира стало внезапно тихо, как на похоронах. Говночерпии мигом покидали в стороны лопаты и с откровенным любопытством повывлезали наружу.

Заодно с говночерпиями приумолкли тучи мух, а также женщины, дети и собаки. Вся замерло, в ожидании явного мирового потопа. Только Рубин весьма снисходительно оглядел уважаемого лорда с головы до пят. Оглядев его вновь, он тотчас уразумел, что этому человеку можно только глубоко посочувствовать, ибо жестокая феодальная действительность наложила на него свой антигуманный отпечаток.

"Этот аристократ долго не протянет, - после трагической паузы решил Рубин. - Как правило, таких людей губит их собственная спесь, чувство неприкасаемости, а также их неустанная борьба за личные привилегии и территориальные разногласия с дорогими соседями.

- Господа народ! - продолжил тем временем лорд Геррион, окинув Рубина циничным взглядом. - Господа Чернь! Я желаю выяснить у вас один единственный вопрос, а именно: какого черта, какого рожна, какого хрена, собственно, вам всем надобно, дармоеды навозные?!

Дармоеды навозные буквально остолбенели на месте, переваривая оскорбления вместе с угрюмой тишиной.

"Похоже, здешний люд не знаком с элементарным чувством самоуважения... - глубокомысленно рассудил Рубин. - Вероятно, средневековая публика не ведает что такое самоуважение в принципе. Этим дремучим людям главное выжить, а с самоуважением пусть помирают дворяне, если, конечно, им делать больше нечего".

- Итак, я повторяю свой законный вопрос! - теряя терпение, громогласно заявил лорд Геррион. - В чем, собственно, дело?!

Нужно было что-то ответить. Вот Рубин и ответил. Он ненавязчиво справился о том, что именно подразумевал многоуважаемый сэръ, употребив к собравшимся людям термин дармоеды навозные и прочие оскорбления?!

- Да!.. - немедленно подхватил Дафни из Нидерландов. - Что же, в самом деле, хотел сказать нам почтенный лорд, осквернив свой рыцарский язык столь непотребными словами?! Тем более что все люди на земле являются детьми божьими! Они слеплены по образу и подобию того, кто придумал весь этот дивный мир! А посему негоже благородному господину говорить о подобиях и образах божьих в таком скверном тоне...

- Ах, вот оно как... - холодно обронил лорд Геррион. - Тогда я не стану учитывать нанесенный моему имуществу ущерб! Я не стану разбираться с тем, кто из вас прав, а кто нет! Меня это не интересует!..

- А что вас вообще интересует, сэръ?! - насмешливо осведомился Рубин у лорда Герриона в столь драматичный момент.

Замок оцепенел намертво. Казалось, сама тишина зазвенела вдруг от дикого напряжения, ибо такая неслыханная дерзость была здесь в диковинку.

- Так мы не слышим ответа, сударь?! - громко произнес Рубин.

Повернувшись на ясный голос, его светлость лорд Геррион несказанно удивился. Он нахмурил высокородное чело и смерил Рубина цепким взглядом вседержителя человеческих судеб. Этот взгляд не предвещал ничего хорошего.

- Итак, для тех, кто так ничего и не понял, я специально разъясняю! - казалось, высокий голос сто процентного феодала поднялся до размеров церковного хора. - Я не буду разбираться с тем, кто из вас прав, а кто виноват! Однако все наемники, участвующие в бессмысленной драке, лишаются месячного жалования, включая, само собой разумеется, ежедневное употребление шотландского эля и прочие увеселения!

Фраза прозвучала весомо. Чтобы усилить акцент между хозяйским порядком и наказанием, лорд Геррион взглянул на Рубина с кривой усмешкой.

- Что касается остальных... - твердым тоном отчеканил он. - Так вот, остальная шваль получит уютный каземат со всеми полагающимися удобствами. Я почти не сомневаюсь, что пятьдесят футов в длину и столько же в ширину придется вам по вкусу!

- Да здравствует справедливый британский суд! - тотчас же выкрикнули говночерпии. - Самый человеколюбивый суд на Земле!

- Да здравствуют британские судьи! - тонким голосом подхватил Дафни из Нидерландов. - Самые человеколюбивые судьи в мире!

Как бы в подтверждение истинной британской гуманности Дафни из Нидерландов крепко врезали в зубы и бесцеремонно поволокли в каталажку. За ним смачно врезали тем, кто намеревался открыть свою большую народную пасть и продолжить дебаты о праведных законах и равноправии. Потом потащили Рубина, Али Ахмана Ваххрейма и превеликую массу посторонних зевак. Их погнала всем скопом, без особых пререканий. Тем более что вооруженная челядь лорда Герриона подбавляла им что есть духу...

Эпизод пятнадцатый,

где популярно доказывается, что некоторая перемена обстановки еще никому не повредила, ибо свежие впечатления способствуют не только активному познанию мира, но и действует на нервы самым умиротворяющим образом.

Скоро выяснилось, что находиться в сырых застенках замка его светлости лорда Герриона можно без особых осложнений, правда, располагая исключительно крепким здоровьем и приличным ржира.

К сожалению, жирок на теле Рубина отсутствовал совершенно, а вот здоровьем Бог не обидел. Кроме того, Господь наделил его смекалистыми мозгами и природным любопытством. Вооруженный столь превосходными человеческими качествами, Рубин скрупулезно обследовал каземат. Он изучил его вдоль и поперек, включая каждый уголок и трещины на стенах, но выходного отверстия нигде не наблюдалось. Разве что массивная дверь напоминала о свободе.

В свете единственного факела, отбрасывающего багровые отблески пламени, темница выглядела особенно колоритно. Она казалась подземной обителью неизвестной расы, от которой не осталось ничего путного, кроме глиняного свода и горстки чумазных арестантов.

- Надо же было выжить в норманнском плену, чтобы попасть в лапы высокородного английского разбойника, - не без горечи обронил кто-то.

Факел оставили намеренно, с жестоким умыслом. Прежде чем удалиться, Рыжий Ливси из Йорка собственными руками запалил его перед озабоченной физиономией Рубина, после чего с большим чувством юмора заключил:

- Это пламя жизни, приятель... - голос Рыжего Ливси был настолько мягок и кроток, что, казалось, говорил не кто-нибудь, а сам Папа Римский, озабоченный положением инакомыслящего населения в странах дальнего и ближнего Востока. - Слушайте внимательно, люди... - голос рыжеволосого молодца прозвучал необычайно возвышенно. - Это животворное пламя жизни!.. Оно целиком и полностью находится в вашем распоряжении!.. Так что постарайтесь расточать его экономно! Ха-ха-ха...

Нужно признаться, что смеялся Рыжий Ливси из Йорка отменно, как довольный жизнью человек. Даже факел воткнул куда следует - в держатель на стене. А ведь мог бы запросто воткнуть его прямо в глаз любого из пленников.

При свете факела положение выглядело безвыходным. Эта безвыходность пахла потом, пылью и ссаными тряпками.

- Что за дерьмовая реальность... - в сердцах пробурчал Рубин. - Если это жизнь, то я первый готов послать ее на хрен...

- Не богохульствуй, - миролюбивым тоном сказал Дафни из Нидерландов. - Ведь куда бы мы ни попали, только Господь Бог ведает, где наше истинное место.

- Ну да... - хмыкнул Рубин. - Нашему Господу Богу больше делать нечего, как только следить за тем, в какую очередную переделку мы сами себя запихнем.

Придя к подобному заключению, Рубин поднял голову. Его облик выражал смирение и покорность перед неумолимым роком. Он сделал многозначительную паузу, а затем коротко произнес:

- Похоже, мы в полной жопе, братья христиане, - в голосе его звучал металл.

- Ты в этом уверен? - сурово раздалось в ответ.

Рубин, немало не смутившись, уверенно подтвердил, что компания находится в крайне тяжелом положении.

- Более того, - категорично добавил он, - Я почти не сомневаюсь, что следующую пятилетку мы встретим прямо на небе!

Братья христиане чутко выслушали товарища по несчастью. Было видно, что большинство имело на будущую пятилетку иные планы.

"Похоже, пока человек жив... - немедленно решил Рубин, - его не пугают даже очевидные факты".

Народ по-прежнему помалкивал, разве только Али Ахман Ваххрейм шевелил мозгами куда живее своих дремучих современников.

- Я многое видел... - произнес он. - Но никогда не думал, что путь от кухни до темницы может оказаться столь коротким.

- Ну, дорогой друг, - философским тоном заметил Рубин. - С таким открытием ты можешь спать спокойно, ибо все проблемы человека связаны с его потребностями в пище и материальном довольствии.

- А как же тогда разум? - буркнул какой-то вшивый умник. - Разве он не затем нам даден, чтобы мы почаще думали о душе, а не о том, как бы нам пожрать?

- Увы, - ответил Рубин, сглатывая слюну. - Запах еды, порой, куда сильнее доводов рассудка. Он способен совратить с духовного пути любого из нас.

Такая речь живо напомнила о пустых желудках, отчего лица арестантов невыразимо омрачились.

- Это конец... обреченно выдохнул кто-то.

- Если вы так решили, - смиренно проговорил Дафни из Нидерландов, - то я мог бы прочитать отходную молитву.

Рубин улыбнулся, хотя в пору было писать завещание. Драматизм ситуации усиливался с каждой минутой, он давил на плечи не хуже каменного потолка.

"Под таким потолком хорошо бы смотрелись крупные грецкие орехи, - мрачно подумал Рубин. - А вот люди здесь совсем ни к месту. Люди ведь не грецкие орешки, хотя, что и говорить, но, при случае, их тоже можно без особых трудностей поместить под любой исторический или житейский пресс".

Эпизод шестнадцатый

Он бегло напоминает, что грандиозные планы побега и сокрушительной мести прекрасно созревают в тюремных стенах, ибо тюрьма является лучшим местом для подобных замыслов.

Факел погас внезапно, мучительно потрескал напоследок, чуть пахнул смолистым дымком, будто прощаясь с людьми, затем пламя нерешительно дрогнуло и померкло. Один из арестантов тотчас же взвыл как ненормальный. У бедняги сдали нервы. Он бросился к выходу, колотя кулаками в дверь.

- Выпустите меня отсюда на хрен!.. - орал в кромешной тьме неведомый средневековый человек. - Я ни в чем не виноват!.. Во имя всех святых, я жить желаю, сволочи!..

- Слабак, - суровым голосом обронил Али Ахман Ваххрейм, пренебрежительно плюнув в темноту.

В ответ раздался еще больший рев и оглушительные мольбы о пощаде.

- Угомонись, приятель, - проникновенным тоном произнес Рубин. - Ведь жизнь и тюрьма - это суть нашего мира. Сейчас или потом, рано или поздно, но нам придется-таки уйти из этой обители горя навсегда. Главное уйти отсюда без лишнего шума и сквернословия, не падая духом, не теряя ни чести, ни достоинства...

- Хорошие слова, - молвил Дафни из Нидерландов.

- Ага! - ироничным голосом произнес Рубин. - Тот, кто прошел советскую школу иначе мыслить не умеет!

- Вот и держи свои мысли на привязи, голодранец! - яростно донеслось из темноты. - Иначе мне придется затолкать их обратно в твою тупую башку!

Рубин мигом смолк. Высокий накал беседы не оставлял ему иного выбора, как проникнуться состраданием к ближнему своему, ибо советская школа учила держать себя в руках при любых обстоятельствах.

- Друг мой... - вполне миролюбивым тоном заявил он в ответ. - Разве ты еще не понял, что орать и возмущаться следовало тогда, когда твои родители задумали произвести тебя на свет, а сейчас вопить уже бесполезно...

"Бедолага"отреагировал молниеносно, доказывая сокамерникам, что словарный запас некоторых людей включает в себя куда больше цветистых выражений, чем заурядная брань и откровенные помыслы.

Тут уже возопили остальные узники. Часть из них, недолго думая, учинила своему слабонервному товарищу натуральную взбучку. Послышались тупые удары по голове и многочисленные пинки под зад.

- Всыпьте ему хорошенько! - сердито сказал Али Ахман Ваххрейм. - Только японца не заденьте! Тут он где-то схоронился, узкоглазое дитя востока!

Когда стало тихо, общество разделилось на два лагеря. Одни смиренно провозгласили, что на все есть воля божья, а раз оно так заведено, то нет ничего более святого в жизни всякого верующего человека, чем принять сию божественную волю как должное.

Другие нестройным хором согласились, что Господь Бог дал человеку мозги не затем, чтобы они теряли их по каждому пустяку, а затем, чтобы человек принимал жизнь, как суровое испытание перед уходом в райскую обитель...

- Также неплохие слова, - молвил откуда-то из темноты Дафни из Нидерландов.

- Друзья мои! - сказал в этот исторический момент Рубин. - Мы не первые, кто попали в кутузку! Более того, за нами придут другие! Я знаю это, ибо будущее лежит предо мною, как открытая книга! Наша задача - быть мужественными! Мы не должны сгнить тут заживо, ибо потомки не простят нам

этот грех! Лучше умереть в неравном бою, пытаясь сокрушить лютых врагов, чем покорно признать собственное бессилие!

- Я не возражаю, - кротко сказал Дафни из Нидерландов.

После горячих дебатов, в камере наступило некоторое затишье. Затишье изрядно давило на мозги. Оно давило не хуже низкого каменного свода и могучих стен, поэтому была принята единогласная резолюция, а именно: выламывать дверь к чертовой матери и пробиваться наверх - к солнцу, лишь бы вновь почувствовать себя свободными людьми, а не мертвыми душами... Аминь...

Эпизод семнадцатый

Здесь читатель узнает, что его величество Случай возникает не только в легкомысленных романах, но и в сугубо конкретной реальности.

Помощь пришла неожиданно, как полагается всякой неожиданности. Она возникла на третьи сутки мучительного поста, когда муки голода и тщетные попытки выбить дверь практически низвели арестантов до уровня животных.

Вначале прозвучал тихий шорох осыпающейся земли, потом глухое постукивание железной кирки и дивные звуки упавших камней. Наконец, возник микроскопический источник света и обнаружилась большая дыра в стене.

- Если я не ошибаюсь, - тихо молвил Дафни из Нидерландов, - к нам прибыли гости.

- Не гости, а гость, - сердито раздалось в ответ, после чего, из дыры показалась грязная лысина таинственного визитера.

- Чисто крот, - заморожено сказал кто-то, когда физиономию нового персонажа удалось разглядеть немного получше.

Сразу бросалось в глаза, что нежданный гость обладает изумительным красным носом. Его окучивала парочка пронизательных гляделок, сверкающих как два брильянта в ночи.

"Да... - сходу подумал Рубин. - Человек с такими глазами может пройти где угодно, словно острый нож сквозь масло".

Что при этом подумал загадочный гость - никого не касалось. И так было ясно, что в этом мире его уже ничем не удивить.

- Ты кто?! - чуть охнув, спросил у него Рубин, когда один из тяжелых стеновых блоков рухнул ему прямо на обувку.

- Я местный землекоп, сын потомственного землекопа Эшли Йорика... - вполне вежливо ответил ему незнакомец, приподнимая над головой масляную лампадку. - Я тут, можно сказать, отродясь ползаю. А вот вы кто такие будете и чего здесь позабыли?

- Мать твою за ногу, землекоп, я человек, разве ж не видно!.. - скривившись от боли, воскликнул Рубин.

- В подобном сумраке не то что человека, овцу божью - и ту не разглядишь, - меланхолично прозвучало в ответ.

Землекоп протиснулся в отверстие и встал во весь рост. Затем с большим интересом осмотрел тюремную публику, поочередно приближая тлеющий огонек лампадки к лицам опухших от голода людей. Потом произнес следующую сакраментальную фразу:

- Вообще-то, я искал здесь графа Роберта Гендальфа Майелского, по прозвищу Гроза Мамелюков. Есть здесь такой уважаемый сэръ?

- Откуда в такой обстановке взяться сэрам, - вполне резонно ответил ему Рубин. Он многозначительно обвел рукой обширный каменный мешок и коротко добавил: - Кроме нормальных узников совести и чужого произвола, тут более никого нет.

- Восемнадцать лет... - глубоко вздохнул землекоп. - Целых восемнадцать лет и три долгих месяца кряду, я рыл сюда тоннель, в надежде узреть и спасти своего дорогого хозяина. И вот такие новости - вместо почтенного сэра Роберта Гендальфа Майелского я вижу пред собою жалкую кучу оборванцев и одного откровенного идиота!

Рубин недовольно нахмурился.

- Я не виноват в том, что время рождает одних и тех же героев... - с обидой в голосе отозвался он. - Хотя, не скрою, по мне, так лучше быть откровенным идиотом, с благоразумной искоркой в глазах, чем серьезным господином с безупречным сумасшествием в голове.

- Так-то оно так... - сердито буркнул землекоп, недовольный тем, что ему столь ловко перечат. - Но мне бы не хотелось встречаться ни с благоразумными идиотами, ни безупречными сумасшедшими. Мне всего милее нормальные, честные люди, поскольку истинное здравомыслие держится на здоровом образе жизни, а не на пустых пререканиях.

- Странные речи для человека, ползающего под землей в поисках своего господина... - иронично произнес Али Ахман Ваххрейм.

- Ничуть, - мудро ответил подземный житель. - Лучше иметь в голове четкую цель, и стремиться к ней из последних сил, чем праздно сидеть на одном месте.

- Если это все, что ты можешь сказать измученным людям, то ползи отсюда к чертовой матери, - сердито сказал один из арестантов.

- Хватит слов, - решительно обронил Рубин. - Мы все тут жертвы средневековых обстоятельств, а значит, выползая отсюда нам придется всем вместе, руководствуясь общими задачами и соответствующими целями.

- Можно уточнить, - шумно высморкавшись, поинтересовался землекоп, - о каких задачах и целях идет речь?

- Твою ж мать, землекоп, сын потомственного землекопа Эшли Йорика, - Рубин брезгливо поморщился. - Цели и задачи у человека всегда постоянны, как восход солнца над горизонтом...

- Нельзя ли покороче, - снова высморкался землекоп.

- Пожалуйста, - коротко отрезал Рубин. - Свобода, равенство и братство...

Эпизод восемнадцатый

Тут читатель начинает искренне сомневаться в действительности излагаемых событий, но оглянувшись по сторонам, неожиданно понимает, что, вполне вероятно, он и сам сегодня не более чем второстепенный персонаж в сочинениях неизвестного автора.

Тоннель уходил в неизвестность. Узкий, длинный и сырой, как могила удава, он извивался и петлял подобно запутанной дьявольской кишке. Казалось, ему не будет ни конца, ни края. Народ двигался тут практически раком, постоянно натываясь руками и головами в непотребную мякоть соседа. Пахло человеческим потом, плесенью и сырой землей. Тем не менее, никто не роптал, никто не скулил, ибо все стремились наверх - к солнцу, желая вновь увидеть небо над головою, а не могильную тьму.

Во главе отряда, держа лампадку в мозолистых руках, проворно двигался землекоп. Он изредка оглядывался. В глазах у мужика светилось неукротимое пламя жизни.

Таким образом, ползли, карабкались и протискивались вперед вплоть до одурения, ломая ногти и царапая колени. Когда окончательно утратили чувство реальности, стало немного просторнее. Где-то на долю секунды Рубину показалось, что повеяло свежим ветерком. Однако вскоре путь преградила тяжелая каменная плита. После того, как землекоп с кряхтением отодвинул ее в сторону, открылась чудная картина, полная вселенского оптимизма. Люди стояли на возвышении, точнее на куче щебня, с верхней точки которой открывался весьма просторный подвал, скупо освещаемый несколькими светильниками.

Рубин оценил помещение на свой лад. Ему приглянулся затейливый орнамент на грязном полу и широкие увесистые скамьи. Тут же находились пухлые бочки из-под вина и несколько неподъемных книжных шкафов, на полках которых лежали какие-то битые фрагменты мозаики и сотни черепков из-под глиняной посуды. Вдалеке покоилась уродливая груда продавленных тюфяков, валялись ржавые вилы, рогатины и пожухлая масса соломы.

- Можете не удивляться, - деловито изрек землекоп. - Но сейчас мы находимся на самом дне замковой постройки, справа от сливной трубы, что тянется напрямик к покоям его светлости лорда Герриона. По этой весьма обширной трубе он сбрасывает вниз - за пределы поместья - негодную пищу и персональные отходы. Трубу я обнаружил без труда, поскольку даже под землей невозможно скрыть подноготную жизнь настоящего господина. А вот этот чудесный зал попался мне случайно. Я не рвался сюда, но мой чуткий нос оказался не в пример сильнее моих расчетов.

С этими словами, землекоп обвел вспыхнувшими очами батарею бочек, тяжело вдохнул спертый воздух подземелья и сделал печальное лицо.

- Жизнь - невеселая штука, - сказал он. - Её может скрасить только кружка душистого эля, а иначе можно удавиться в ближайшем раскопе...

Выслушав землекопа, Рубин подошел к ближайшей бочке и слегка постучал ладонью по корпусу. Раздался пустой звук.

- Похоже, что здесь когда-то держали вино? - задумчиво произнес он.

- Разумеется, держали, приятель... - самодовольным тоном заявил землекоп. - Однако я опустошил эту жалкую емкость прежде того, как за нею пришли бесовские слуги здешнего хозяина.

Рубин нахмурил высокий лоб.

- Любопытно, - сказал он. - А твой чуткий нос всегда выводит тебя в подобные места?

- Ну... - землекоп нерешительно поскребся в затылке. - Все зависит от условий, требуемых для решения поставленной задачи...

- Скажи-ка нам, друг пивной жизни и нескончаемой болтовни... - Рубин хитро прищурил глаза. - А не смог бы твой замечательный нос вывести нас, к примеру, в район господской кухни?

В подвале стало тихо, как на вечерней молитве. Узники совести живо наострили уши, надеясь услышать положительный ответ.

- Э-э... - землекоп слегка замялся. - Дело в следующем, господа арестанты. Видите ли, при большом желании добраться можно куда угодно, вплоть до жарких египетских земель и даже края мира. Все это так. Однако совать свой нос на чужую кухню без приглашения, я бы не советовал никому из смертных.

Обсуждать эту пагубную тему не стали. Разумеется, памятуя о том, чем закончился подобный заход в прошлый раз.

Дальше двигались молча, как и прежде. После винного погребца путь пролегал прямо по коридору - наверх. Благодаря ровной чередке факелов, расположенных вдоль стен, здесь было относительно светло и просторно. Между делом прихватывали различный скарб, попадавшийся на глаза то тут, то там: топор, вилы, корзину с рыболовными снастями, один сапог, кувшин, брошенный колчан с дюжиной стрел и другие вещи.

Потом очутились на развилке, совсем как в туннелях метро. Один путь вел направо, куда-то еще дальше и выше, а другой уходил налево. Тут же находилась пара рыцарей (манекенов). Один держал в руках обломанный меч. Панцирь другого был сильно продавлен копытами лошадей.

- Крепко досталось, бедняге, - сердобольно молвил кто-то.

- Ерунда... - уверенно заявил землекоп, аккуратно приподнимая железные длани помятого рыцаря кверху. - В бою главное забрало убережет, вместе с харей. А панцирь для того и сделан, чтобы по нему колбасили чем попало.

Рыцарь помалкивал.

- Давай-давай, шевели граблями, чурбан... - подбодрил его землекоп, нетерпеливо ударяя по манекену кулаком.

В ответ рыцарь зазвенел, словно большая кастрюля, затем внутри него звонко тренькнула какая-то тугая пружина, после чего он неохотно склонил голову набок, медленно опустил бронированные ладони на уровень паха и со страшным скрежетом отъехал в сторону.

- Похоже, это еще один подземный ход? - сказал Рубин, с интересом заглядывая в открывшийся проем.

- А то... - с гордым видом произнес землекоп. - Это на поверхности вы можете двигаться куда захотите, а под землей - нет. Здесь, куда ход проложишь, там и окажешься.

- Молодец! - уважительно сказал столпившийся народ. - Хитро придумал!

- А куда деваться, - по-хозяйски донеслось в ответ. - В нашем деле без живой смекалки и здоровой инженерной мысли долго не протянешь...

- Вот-вот... - поддакнул кто-то. - Простой человек нынче как последняя собака на ветру. Ежели вовремя не смекнешь, куда следует заныкаться, то тебя живо обшманает любой феодал.

- Нас именно так и обшманали, - сказали из задних рядов.

- А рыцарей-то, где взял? - с интересом осведомился Рубин, когда комментарии прекратились.

Землекоп расправил плечи.

- Я достал этих ребят в одном богатом склепе, который отрыл случайно. Это было пять лет назад. В тот год центральный ствол шахты залило талой водой. Тогда мне пришлось обходить намеченный путь по широкой дуге, чтобы вновь выйти на главную магистраль подкопа. Именно тогда я наткнулся на захоронение этих древних рыцарей. Сия могила была заполнена старинной утварью и кучей скелетов, источенных временем буквально в труху. Судя по количеству мечей и доспехов, которое сохранилось на останках, то были безупречные христианские воины, возможно, рыцари Круглого Стола, а может кто и покруче.

- Рыцари Круглого стола - это сказка, легенда, место которой в читальне романтической леди, - хмыкнул Али Ахман Ваххрейм. - А в жизни от рыцарей следует держаться как можно дальше, если не хочешь, чтобы они открутили тебе башку.

- Вот-вот... - сызнава поддакнул кто-то. - Рыцари токмо с виду полны пламенных девизов и сказочными речами о благородных поступках, а на деле - алчные пройдохи, готовые вытряхнуть из тебя всю душу.

- Из нас именно так все и вытряхнули, - сказали из задних рядов.

- Подтверждаю, братья... - проговорил Дафни из Нидерландов. - Рыцарем может назваться кто угодно. Это легко. Куда труднее оставаться простым нормальным человеком.

- Толково сказано, - произнес землекоп.

- Увы... - мрачно подытожил Рубин. - Нам выпала нелегкая планида, мы появились на божий свет под тяжким бременем тяжеловооруженных хамов. Но скажите мне, товарищи христиане, разве когда-нибудь было по-другому?! А?!

- Вроде нет... - неуверенно промычал кто-то.

- Правильно! - твердо возвысил голос землекоп. - Такого еще не бывало!

- Так что же делать?

- Шевелить копытами, - сурово прозвучало в ответ. - И не дожидайтесь милостей от тех, кто из века в век считает вас своими холопами...

- А как же тогда Небо? - раздался вполне справедливый вопрос. - Ведь Господь Бог велел терпеть и не заноситься?!

- А причем здесь Небо?! - решительно отрезал Рубин. - Разве оттуда сказали вам, чтобы вы сидели тихо, пока из вас делают котлету?!

- Вроде нет, - вновь неуверенно промычал кто-то.

- Тогда вперед, орлы!

Таким образом, землекоп поднял свой масляный светильник выше прежнего, а затем повел людей дальше, сквозь тьму очередного прохода. Он походил на Моисея, увлекшего толпу евреев в арабийскую пустыню.

Шли долго. Одного пришлось тащить силой, другой пал от изнеможения (пал замертво). Его положили в подходящую нишу и аккуратно заложили камнями, предварительно сняв с него часть приличной одежки, а также чеботы. Остальные стиснули зубы и продолжили упорный путь наверх. Потом погас светильник, и стало совсем невмоготу. Люди двигались на ощупь, хрипло втягивая воздух. Большинство уже не рассчитывало выбраться наружу. Так прошел час или два, а может быть и целая вечность. В конце концов, закончилась и сама вечность. Казалось, время совершенно остановилось, чего нельзя было сказать о землекопе.

- Давайте, давайте, господа арестанты! - то и дело подзадоривал он копошащихся во мраке людей. - Не падайте духом! Свобода уже близко...

Никто не заметил, когда успели выбраться наружу. Стояла тихая беспросветная ночь. Сдуру, ничего не соображая, умудрились пройти не менее мили, прежде чем уперлись в огромное английское дерево.

- Похоже, перед нами дуб, - тотчас же заметил кто.

- Если это дуб, - устало выдохнул Дафни из Нидерландов, силясь обхватить предмет заскорузлыми ладонями, - то Господь Бог сделал его громадным...

Остальные медленно, туго шевеля мозгами, ощупали препятствие и сделали аналогичные выводы.

- Да мы же в лесу, братцы!.. - уверенно сказали из задних рядов.

- Ну что же... - устало выдохнул Рубин. - Тому, кто долго плутал в чащобе человеческой жизни, никакой лес не страшен...

- Аминь, - умиротворенно заключил Дафни из Нидерландов...

Эпизод девятнадцатый

"Кому в лесу жить хорошо?"

Спозаранку, едва распахнули очи, как заморосил дождь. К счастью, дуб оказался действительно громадным. Он возвышался посреди поляны основательно, как древний исполин, под кроной кото-

рого люди чувствовали себя вполне сносно. Однако, невзирая ни мирное ощущение тепла и покоя, кое-кто начал жаловаться на застарелый ревматизм и хроническую подагру.

- Что за люди пошли, прости меня Господи, - недовольным голосом изрек землекоп. - Не люди, а твари слабохарактерные. Ни дня без нытья прожить не могут. С такими прогнившими людьми только помирать хорошо, а жить по-человечески невозможно никоим образом.

- Я жрать хочу, - сердито отрезал ему Дафни из Нидерландов. - Мне кушать потребно, а проповедь я тебе и сам могу прочитать.

- Для приличного кушанья нужна приличная жратва, - деловито подметил Али Ахман Ваххрейм.

- На охоту идти надобно, - мрачным басом произнес кто-то. - Или грабежом заняться, пока силы есть.

- Возражаю, - Рубин мигом встрепенулся. - Мы никого грабить не будем! Ведь если мы начнем грабить своих собратьев и сестер, то рано или поздно нас тоже кто-нибудь обязательно и всесторонне ограбит!

- А нас-то за что?! - сразу же раздалось несколько возмущенных голосов.

- И это говорят люди, которые еще недавно горбатились на веслах! - Рубин выразительно сплюнул на землю. - Совесть у вас есть или нет?!

- Чего?.. - удивленно спросил кто-то.

- Вот-вот... - ехидно подхватил выживший поляк. - А как же тогда совесть тех, кто довел нас до нашего скотского состояния?

Рубин нахмурился и решительно заявил, что если тебя раздели до последней нитки, то это вовсе не повод, чтобы самому превращаться в подонка.

- Это ты вельможам нашим скажи, - заявил поляк.

- Все вельможи, рано или поздно, получают по заслугам! - отрезал Рубин. - Не сомневайтесь, товарищи христиане, всем казнокрадам и чиновникам-феодалам обязательно будет крышка!

- Истинно так, - заключил Дафни из Нидерландов.

- Но вооружиться-то хотя бы можно?

- Увы... - неохотно проговорил Рубин. - Учитывая средневековый быт и нравы, обзавестись оружием следует в первую очередь.

- Согласен... - развел руками Дафни из Нидерландов. - Тут и сам Господь не стал бы возражать...

Таким образом, деловито разбрелись окрест, а когда собрались вновь, то большинство держало в руках узловатые рогатины и самодельные дубинки.

Более того, тихий японец притащил откуда-то подходящую корягу, форма которой напоминала натуральный боевой лук.

Что характерно, в ладонях подобный лук лежал как влитой. Рубин нарочно оставил ему горбатые неровности, причудливый изгиб и корявые сучки.

Тетиву для лука сладили из старой задубевшей кожи, капитально растерзав ради подобного дела чью-то куртку, а заодно и рубаху.

- Рубаху-то зачем изорвали, а, суки подколодные?! - недовольным тоном заявил по такому поводу хозяин отобранных вещей, безнадежно ковыряться в остатках изуродованной одежды.

- Угомонись, брат! - уверенно ответил ему народ. - Сам посудите: что для тебя сейчас важнее - кусок хорошего мяса или твое драное барахло?

- Мясо важнее, - рассудительно донеслось в ответ.

- Ответ правильный, - коротко подытожили гребцы.

- Такому орудию нужно имя, - сказал кто-то, когда лук был готов.

- Предлагаю назвать его Дальнобойным Аттилой, - сказал Али Ахман Ваххрейм.

- Серьезное имя, - мелко крестясь, обронил Дафни из Нидерландов. - С таким именем один коренастый гунн умудрился совершить немало сомнительных завоеваний.

Действительно, Дальнобойный Аттила внушал ужас. А уж дюжина стрел, притащенных из подземелья замка лорда Герриона, только прибавляла ему угрожающий вес. Подобными предметами орудовать было небезопасно, однако иного оружия под руками не имелось.

В конце концов, вооружившись кто чем мог, вышли на охоту (благо дождь прекратился). То есть вытянулись в цепочку - и поперлись в самую глушь чащобы. Шагали беспечно, никого не таясь, затем смекнули, что живностью вокруг совершенно не пахнет.

- Все, братья христиане! - мрачным голосом изрек кто-то. - Потопали на большую дорогу, покуда ноги не протянули! Лучше уж грабеж, чем верная смерть от пустого желудка!

- Ага! - единодушно подхватил отчаявшийся народ. - Плевать на совесть, когда жрать нечего!

- Ну нет! - резко оборвал их Рубин. - Пока мое место с вами, я никому не позволю встать на путь греха!

Никто не перечил. Напротив, Рубину дали ясно понять, что если он не болтун, а настоящий мужик, то за свои слова нужно отвечать.

- Это как? - поинтересовался Рубин.

- А это уже ты сам должен решить, - хмыкнул кто-то. - А Дальнобойный Аттила тебе в помощь.

- Короче, без добычи не появляйся, умник, - дружелюбно напутствовала его компания голодранцев.

- Это как-то бесчеловечно, - возразил им Рубин. - Друзья так не поступают.

- А ты докажи сперва, как можно прожить без греха там, где все полно дьявольских соблазнов?

- Вот тогда мы и посмотрим, какой ты нам друг, - буркнул поляк.

Рубин нерешительно затоптался, чувствуя себя абсолютным кретином. Однако к нему без лишних слов присоединились Али Ахман Ваххрейм, Дафни из Нидерландов, а также узкоглазый японец Такеда.

- Вы со мной? - с большой надеждой спросил у них Рубин.

- Глупый вопрос, - отрезал улыбчивый мавританец.

- Своих не бросаем, - елейно изрек богомолец.

Японец кивнул.

Более вопросов не возникало.

Таким образом, плутали аж до самого полудня. Затем умудрились повстречать одного хамоватого егеря* и небольшое стадо оленей, среди которых был красивый жирный вожак.

- Пошли вон! - лаконично сказал им егерь.

- А то что?

- А то появится шериф и вздернет вас на первом же суку...

Пришлось дать наглему в зубы, чтобы вел себя вежливо. А вот жирного вожака, напротив, "загасили" с двух метких выстрелов из Дальнобойного Аттилы. Лес при этом буквально содрогнулся от гулкого звука тетивы. ("Просто песня", - подумал Рубин.) Кроме того, на обратном пути к исполинскому дубу, вышли на дикого кабана. Кабан был молодой, упитанный и совершенно не разбирался в людях.

- Это вепрь, - невозмутимо произнес Дафни из Нидерландов. - Его можно встретить где угодно, включая Англию и прочие места. Вепрь - это лесной поросёнок. По сути свинья. Он любит жёлуди, а людей нет. Мясо у него жесткое, но вкусное. Оно прекрасно утоляет голод.

Услыхав про свинью, вепрь медленно сузил свои красные от злобы гляделки и первым бросился на людей. Однако люди оказались куда проворнее. Они мигом шарахнулись в разные стороны, а затем живо сомкнули свои ряды и методично заколбасили разъяренного зверя увесистыми дубинками.

С грузом на плечах, практически на последнем дыхании, едва дотянули до знакомой поляны.

- Мясо прибыло! - воскликнул один из голодранцев, чуть только завидел компанию измученных охотников.

- Господь милостив, - выдохнул Дафни из Нидерландов, когда сборище голодных товарищей обступило их со всех сторон. - Он был сегодня на нашей стороне...

- Аминь, - прозвучало в ответ, после чего принялись за разделку добычи.

Тут же, поблизости, уже вовсю полыхал веселый костер, щедро обложенный толстыми сучьями. Рядом валялся приготовленный вертел, и сушилась чья-то вдрызг изношенная обувь.

На радостях, с хохотом и прибаутками обувь вконец затоптали, а освежеванные туши аккуратно насадили на вертел и поспешно запихнули в жаркое пламя костра. Вся операция заняла не более получаса. Даже землекоп несколько раз подбросил в огонь хвороста, а затем долго ковырял палкой в угольях костра.

Разумеется, насытились быстро и народ вновь потянуло в сон.

Рубин от народа не отставал. Он расслабленно откинулся в траву и, ковыряясь сосновой иголкой в зубах, подумал о том, что лес слишком щедр к человеку, ибо человек - это хапуга, варвар. Он превращает окружающую среду в дрова и убивает животных сотнями, хотя должен быть защитником и другом всего сущего на свете.

---

*Егерь (не путать с нигером) - он же лесник, самый опасный зверь в лесу, узаконенный браконьер. К сожалению, задача егеря ничуть не изменилась с тех давних пор, как человек начал охотиться. Егерь по-прежнему служит своим хозяевам и готов разорвать любого, кто посягнет на хозяйское добро.

Эпизод двадцатый,

сочинять который не хотелось, но пришлось...

Наевшись до отвала, опять погрузились в сон. Так повторялось три дня и три ночи. Люди поднимались лишь затем, чтобы пожрать и активно облеγχиться. Только землекоп практически не ложился. Он безмолвно возился возле костра, следя за тем, чтобы пламя не угасло. Видимо, жизнь под землей - в сырости и тьме совсем доконала бедолагу, и человек непроизвольно тянулся к теплу и свету.

"Странный землекоп... - подумал Рубин, когда в очередной раз бегал по нужде. - И говорит занятно, как пришелец из будущего. Местные так не калякают. Здешняя публика вообще с большим трудом понимает нормальный человеческий язык".

Рубин еще раз пристально оглядел землекопа, после чего твердо решил, что этому горемыке он точно выдал бы лицензию на путешествия во времени.

Землекоп таинственно ухмыльнулся, но загадку свою все же оставил при себе. Вместо разгадки он старательно подкинул в костер свежую порцию дровишек, отправляя в ночное небо ослепительный фейерверк огненной мошкары.

"Ничего-ничего... - Рубин широко зевнул. - Время - это не более чем мусоропровод, где каждому из нас уготован свой мусорный контейнер. Если, конечно, мы не желаем жить честно".

Окончательно пришли в норму только на четвертые сутки, в районе обедни, когда услышали, как где-то далеко-далеко прозвонили колокола. Вослед колоколам раздался залиvistый лай собак. Рубин беспокойно осмотрелся - все ли спутники на месте.

Слава богу, народ был здесь. Люди живо поднимались на ноги, усиленно протирая глаза. Только землекопа нигде не наблюдалось. Зато прекрасно слышался топот копыт и громкие голоса. Вскоре появились вооруженные люди и свора худосочных собак. Впереди двигалась парочка рыцарей, упакowanych в сверкающие латы. За ними ташилась дюжина латников и чей-то персональный шут.

При виде сборища голодранцев свора шавок подняла душераздирающий лай, а шут заржал как ненормальный и плюхнулся на землю.

- Ого-ого... - жизнерадостно воскликнул паяц, стараясь, что есть мочи забросить левую ногу к себе за шиворот.

...Этот лес не для народа,
этот лес для короля!..
А народ пусть ходит в поле,
чтоб работать, тру-ля-ля!..

Это живописное сборище привел никто иной, как знакомый егерь, которому третьего дня крепко врезали по зубам.

- Ну что разбойники!.. - наглым тоном заявил он. - Дождались кары небесной!

- А в чем дело? - поинтересовался кто-то.

- Как в чем! Разве я не говорил вам, чтобы вы катились отсюда к чертовой матери?

- Хороший человек должен слушать Бога в сердце своем, - дружелюбно молвил Дафни из Нидерландов. - А тебя, убогого, слушать, только время понапрасну терять.

- Ну раз так, уроды, то сейчас вы точно узнаете, какова истинная стоимость английской оленины в здешних краях!

После трех дней превосходного отдыха на природе, после всех мытарств на море, на суше и даже под землей, Рубин не сдержался. Он вновь, от всей души, крепко врезал егерю в оскаленную пасть, а затем решительно поднял Дальнобойного Аттилу с земли. С убийственным орудием в руках Рубин смотрелся достаточно грозно. Он выглядел как новоявленный Одиссей, возвратившийся, наконец, в родную Итаку.

Рыцари уразумели его без лишних слов. Это был явный вызов.

В лесу повисла тишина, ибо посреди поляны, под сенью громадного дуба, стояли две колоритные группы. С одной стороны - типичные изгои общества, испытывавшие на себе долгие месяцы рабского

существования, а с другой - пара местных аристократов, за спинами которых толпилась орава типичных средневековых "чоповцев*".

Вчерашние невольники сурово нахмурились, затем стали медленно подбирать увесистые дубинки и рогатины. Было видно, что долгий отдых пошел людям только на пользу. Они слегка отъелись, пришли в себя, и более не желали терпеть ярмо и гнет безжалостных хозяев. По правую руку от Рубина молча застыл Али Ахман Ваххрейм, слева незаметно выдвинулся маленький узкоглазый японец. В спину напряженно задышала остальная вольница и голытьба.

Дальнобойный Аттила произвел атаку первым. Тетива прозвучала с такой убийственной и мягкой нотой, что вся округа замерла в тихом ужасе. Потом замерли все остальные.

"Такого позора я явно не переживу, - болезненно охнув, подумал про себя первый рыцарь, прежде чем рухнуть под копыта лошади. Из его стального панциря торчала натуральная боевая стрела, явственно символизируя итог любого военного похода.

Второй рыцарь не привык обращать внимание на подобные пустяки. Он мельком взглянул на поверженного соратника, проворно достал из ножен меч, и устремился на врага, не ведая ни страха, ни упрёка. Однако Дальнобойный Аттила не подвел и на сей раз, наполнив округу гулкой песней тетивы.

"Святой Маврикий** , что это было?" - успел подумать второй рыцарь, прежде чем рухнуть под копыта лошади. Из стального панциря удивленного господина, чуть пониже пуповины, торчала тяжелая стрела. Она пробила бронированный доспех сэра рыцаря с легкостью необычайной, словно здоровенную консервную банку.

Рубин не хотел подобного финала. Но в данном случае за него говорил сам Дальнобойный Аттила, а также острое чувство собственного достоинства.

- Сами напросились, - заметил один из беглых арестантов.

- А разве у нас был выбор? - сказал еще кто-то. - Либо они нас, либо мы их...

Сделав правильные выводы, лес заново ожил. За ним ожила свора худосочных озлобленных собак и, как не в чем небывало, облаяла голодранцев с ног до головы.

Последним очухался клоун. Он перестал кривляться, а затем лицо его приобрело черты вполне благоразумного человека. В следующее миг он выказал весьма похвальную сообразительность.

- Ну вот... - коротко молвил он. - Я же говорил сэру Гаю Чопперу и сэру Гаю Кентерберийскому, что с голодным человеком нужно разговаривать по-иному, не бряцая оружием. Его к стенке припирать опасно, он ведь может и сдачи дать.

Средневековые "чоповцы" поняли слова клоуна буквально. Лишенные руководства, они не желали биться просто так, на дармовщинку, ради собственной прихоти. Мысль о том, что пора валить, медленно, но верно пробиралась в их чугунные головы. Это требовало некоторых усилий, но служивые люди блестяще справились с этой задачей.

- Благослови вас Господь, - умиротворенно сказал им напоследок Дафни из Нидерландов, благожелательно наблюдая за тем, как "чоповцы" аккуратно уносят своих подраненных хозяев.

- А иначе вас благословят наши дубинки, - сурово добавил кто-то, смачно сплевывая на землю.

Эпизод двадцать первый

Нельзя сказать, чтобы очень оптимистический, но зато крайне реалистический.

- Долго нам в лесу не отсидеться, - рассудительно изрек Рубин, поочередно оглядывая каждого из присутствующих. - Поверьте мне, я знаю, как действуют органы власти, когда желают усмирить очаги народного сопротивления.

- Мы не вчера родились, чтобы ты нам сказки рассказывал, - буркнул поляк.

- Тогда обсудим, если у нас шансы на выживание в атмосфере мрачного средневековья. Вам ясна моя мысль?!

Рубин сделал многозначительную паузу и вновь поочередно осмотрел каждого товарища. Люди слушали его с нескрываемым интересом, поэтому он продолжил:

---

* ЧОП - Частное Охранное Предприятие. Состоит из набора опустившихся интеллигентов, бывшей шпаны, алкашей и тунаядцев. Коэффициент полезного действия минимальный. Однако, ЧОПовцы 80 уровня могут выказывать чудеса храбрости, когда, вдруг, полагают, что защищают не хозяйское добро, а собственный склад продовольствия или пивной завод.

** Святой Маврикий - еще один вольнодумец, отказал начальству в наказании своих единоверцев. Естественно, был казнен, ибо начальство в принципе не любит, когда ему перечат по пустякам.

- Друзья мои! - отеческим голосом сказал Рубин. - Мы жертвы антигуманных исторических обстоятельств. Разве не так?!

- Так, - невнятно прозвучало в ответ.

- Более того, нас лишили будущего, отняли честь и достоинство! Я правильно говорю?!

- Вроде правильно, - нестройным хором отозвался народ.

- Мой лорд даже жену у меня отобрал, сука! - гневно добавил кто-то.

- Следовательно, у нас нет иного выбора, как встать на путь борьбы за мир во всем мире, не говоря уже о собственной свободе, правах и обязанностях!

Наступила тишина. Даже лес притих, пытаясь уяснить непривычные речи.

- Как вы себе это представляете, сударь?! - мелко перекрестившись, поинтересовался Дафни из Нидерландов.

- Тут надо подумать, - суровым тоном обронил Рубин, - поскольку, борясь с алчными драконами во власти, люди, порой, сами превращаются в драконов.

- Ну, этого с нами никогда не случится... Мы не такие...

- Все так говорят, пока не займут кресла чиновников, - уверенно заявил Рубин.

- Это точно, - молвил один из гребцов, нервно сглатывая слюну. - Вот взять хотя бы моего соседа, Томаса Вислоухого. Мы с ним с детства дружили. Был Том нормальным человеком, а как назначили его управляющим в господском хлеву, так сразу перестал со мной здороваться.

- Тогда какой прок бороться за мир во всем мире, если все мы падки на предательство и высокомерие? - дребезжащим голосом поинтересовался Дафни из Нидерландов.

- Гм... если так рассуждать, то лучше сразу сдохнуть, - возразил Рубин.

- Ну, сдохнуть мы всегда успеем... - высказал свое мнение Али Ахман Ваххрейм. - А до тех пор я не хотел бы видеть, как мои друзья превращаются в ублюдочную знать.

- Сударь, - тоном обеспокоенного человека сказал один из голодранцев. - Скажите, наконец, толком, к чему вы клоните и что нам делать?

- Прежде чем нас повесят, - словоохотливо добавил поляк.

Рубин нахмурил чело.

- Во-первых, товарищи атеисты, католики, мусульмане и буддисты, мы должны перестать бояться, - наконец сказал он. - На страхе народа, а также его невежестве, держится любая власть.

- А по мне лучше жить в страхе и невежестве, чем болтаться на виселице, - опять молвил кто-то.

- Вот-вот, - задумчиво произнес Рубин. - С такими мыслями нас ждут целые века трусливого раболепия и скотских унижений. Информация стопроцентная...

- Сударь, - тревожно молвил Дафни из Нидерландов, - когда вы говорите, такое впечатление, что вы бредите...

- Нет, - отрезал Рубин. - Это вы находитесь в бредовом историческом положении, а я говорю чистую правду.

- Да кому нужна твоя правда, пся крев, - сердито обронил поляк, - если у нас своей правоты полны карманы...

Народ приумолк. Вокруг стояла дивная ночь. Над головой сияли звезды, внизу беспечно трещал костерок, а между этими двумя романтическими вещами жарилась свежая оленина. Это было словно во сне, в котором никто никуда не двигался.

- Итак, я резюмирую, - Рубин сделал строгое лицо. - Кто за правду и светлые перспективы, поднимите руки. Остальные могут быть свободны.

Все как один подняли руки, включая недовольного поляка.

- Да уж, любезный... - чуть заикнувшись, выдохнул один из голодранцев. - Лучше смотреть в эту вашу п-перспективу, какая бы она не была на самом деле, чем трястись от страха всю оставшуюся жизнь.

Фраза оказалась основополагающей. Вслед затем довольно долго обсуждался один наболевший вопрос: "Что такое перспектива в частности и надежда в целом?"

Выяснилось, что идеальная перспектива - это, в сущности, трудный путь в край всеобъемлющего человеческого счастья и справедливости. А поскольку человеческое счастье и справедливость - вещи практически эфемерные и не поддаются никакому здравому разумению, то эту задачу оставили решать будущим поколениям.

- У нас на базаре в Париже тоже один ученый ходил, - важно сказал кто-то. - У него книжка была про систему мира по Птолемею. Толстая, с картинками. А сам он любил говорить, что через тысячу

лет на земле не будет ни богатых ни бедных. Все станут как боги. А тех, что не станут, отправят на перековку.

- Ну и чо?

- Как чо! Повесили его, чтоб еретизмом не занимался.

Следом затронули тему "Надежды", зная наперед, что надежда умирает последней.

Спорили шумно и долго, не жалея сил ради истины. Препирались вплоть до белой горячки, до личных оскорблений и крепких зуботычин, однако предмет обсуждения остался открытым. В конце концов, рассудили так: что проще объяснить, что такое Конец Света, чем причудливые свойства пресловутой Надежды.

- О надежде говорить, словно воду молотить, - толково заметил Дафни из Нидерландов.

- Молоти не молоти, но, как видно, без горя счастья не найти, - уставшими от перепалки голосами подытожили шестеро незадачливых торговцев верблюжьей шерстью с азиатского востока*.

Словом, пришли к выводу, что нормальным, здоровым людям грешно прогибаться под господское ярмо. Свободный человек не должен кормить и обслуживать тех, кто воспринимает мир не иначе как бездонную кормушку для своих бесконечных потребностей и ублюдочных страстей.

- Уж лучше отойти в мир иной с чистой совестью и простодушными идеалами, чем жить по законам раболепия и приспособленческих уловок! - вполне доходчиво пояснил Дафни из Нидерландов.

- А пойдёте к саксам?! - неожиданно предложил кто-то.

- А что - можно и к саксам! - охотно согласился народ - Какая, собственно, разница, куда податься, лишь бы люди хорошие навстречу попались!

- А кто такие саксы и где они живут? - вежливо справился Али Ахман Ваххрейм.

- Саксы - это древнейшие племена Англии, - голосом грамотея, сообщил Дафни из Нидерландов. - Саксы - это гордые и свободолюбивые люди. Водятся саксы, где придется, где есть корм для скота и работающие бабы. Однако наиболее густо осели в северо-западной части британских островов и выкорчевать их оттуда - непростая задача. Что характерно, большинство исконных саксов обладают крепкой родовой привязанностью и совершенно не любят королевских прихвостней. Помимо того, каждый приличный сакс - лютей враг любого норманна-завоевателя. Среди саксов нам будет пригодно и хорошо!..

- А нет ли в здешней Англии других каких симпатичных людишек, кроме этих самых чертовых саксов? - осмотрительно осведомились несколько бывалых человек. - Уж больно выбор невелик!

- Ага... - живо поддакнул чей-то голос. - С подобным выбором мы можем оказаться в еще худшем положении, чем сейчас, потому как там, где иному саксу раздольно, там другому человеку может быть совершенно погано.

- Погано может быть где угодно, включая дворцы и поместья, - мудро заметил Дафни из Нидерландов. - Ибо не место красит человека, а его добрые дела.

- Аминь... - коротко заключил Рубин.

Эпизод двадцать второй,

бытовой, исполненный состраданием к ближнему своему и последующим мордобитием.

К саксам решили отправиться немедленно, пока не передумали.

- Если не пойдём сейчас, - произнес Дафни из Нидерландов, с кряхтением подымаясь с места, - то обязательно дождемся прихода свежих рыцарей. А такие молодцы не самая лучшая компания для беглых рабов и арестантов...

- Тогда вперед, - сказал Али Ахман Ваххрейм, сплюнув через левое плечо. - В светлую перспективу.

Где искать стопроцентных саксов - никто не ведал. Однако шагали все больше на северо-запад. По пути били дичь, разговаривали о войне и всерьез полагали, что справедливости и равенства ни-

---

*Шестеро незадачливых торговцев верблюжьей шерстью с азиатского востока, возникли во втором эпизоде предоставленного сочинения. Хотя умный читатель по собственному опыту знает, что в реальной жизни лучше всего сидеть тихо и лишний раз не возникать.

** А кто такие саксы?

И где они живут?

А вдруг они все плаксы?

А вдруг они не пьют? (Строки их старинной шотландской песни.)

где не существует, разве что на кладбище. Ночи коротали, где придется, согреваясь костром и жаренной олениной.

На третий день забрели в небольшую деревушку. Остановились на центральной площади и начали с интересом осматриваться по сторонам. Деревушка выглядела неказисто, но, тем не менее, имела постоянный двор, надпись на столбе "Welcome in Гринпис" и высокую красивую виселицу, на которой покачивался повешенный карлик. Табличка на груди несчастного крайне скупо сообщала о том, что коротышка попался за активное прелюбодеяние и пагубную страсть к золотой церковной утвари.

Возле виселицы находился деревянный помост, окруженный толпой молчаливых вилланов. Лица вилланов недовольно хмурились. Они глядели на помост, где стоял человек весьма почтенного вида. Он был тучен, одет в дорожные одежды и глядел на мир глазами истинного подателя королевских требований. Вельможу сопровождал небольшой отряд конных и пеших воинов. Они не пренебрегали своими обязанностями, всячески демонстрируя публике крепкие мускулы и живейшую готовность к активным побоям.

- По велению его светлости лорда Герриона!.. - зычным басом известил человек на помосте. - Я оглашаю список тех предметов, каковые вам надлежит собрать как можно скорее и без лишних препирательств!

Сказано было грубым тоном. Сказано было так, чтобы услышал даже глухой. Человек развернул длинный свиток и начал зачитывать его слева направо. Он зачитывал его громко и торжественно, вкладывая в слова избыток чувств и максимум здоровой энергии.

На фоне повешенного карлика речь тучного человека звучала более чем убедительно. Он требовал от собравшихся крестьян двадцать пять мешков зерна, три бочки пива, емкостью в полтораста ведер, десяток курдючных овец и двух коров. При особом желании со стороны крестьян, живность можно было оставить себе, а взамен выставить пятнадцать бочек пива и несколько молодых симпатичных девок.

Вилланы слушали напряженно, чутко шевеля ушами. Потом усиленно зачесались в затылках и с тоской поглядели на небо. Небо, как всегда, помалкивало. Настроение у народа однозначно пошло на убыль, кроме, пожалуй, одного здоровенного детины. Его открытая физиономия, обильно покрытая веснушками, вызывала всяческую симпатию. Руки парня достигали самой земли, ноги походили на пару дубовых бревен, а шея казалась отлитой из жерла крупнокалиберного орудия. Он первым поднял свой трубный глас в защиту раннехристианских прав человека. Он так и сказал, что если кто-то хочет получить от него целых двух коров, двадцать пять мешков зерна и три бочки отменного пива, емкостью в полтораста ведер, то он - либо откровенный подлец, либо несомненный жулик. Потому что безнаказанно брать чужое добро может только тот, кто отродясь не делал ничего путного, кроме беспримерного разбоя и воровства.

Рубину детина понравился. Парень говорил прямолинейно и четко, словно проламывал кувалдой высоченную крепостную стену. Однако тучный человек на помосте имел по сему поводу иное мнение.

- Тебя как кличут, остолоп?! - проревел он на всю деревню.

- Я Маленький Джон!.. - не менее громко отозвался остолоп. - Я смиренный слуга Господа нашего всеблагого и вольный житель британских островов, а что?!

- По велению его светлости лорда Герриона! - оглушительно начал человек на помосте. - А также за еретические речи и несправедный образ мыслей, смиренный виллан по прозвищу Маленький Джон из Гринписа лишается всего имущества и, конечно же, свободы!.. Без имущества она тебе все равно более не понадобится! - лаконично заключил он.

Небольшой отряд пеших и конных вояк тотчас направился к Маленькому Джону, желая лишить его имущества и свободы в кратчайшие сроки.

- Ну, раз так... - спокойно сказал здоровяк, безмятежно закатывая рукава рубахи. - Если в этом мире не осталось более ничего хорошего, кроме алчущих сборщиков податей, то у всякого праведного мужчины нет иного выхода, как отложить свои дела в сторонку и проучить негодяев самым подобающим образом.

Вслед за тем, к небу с ужасающим треском взлетели как конные, так и пешие воины. За ними со страшными матюгами взметнулись подвернувшиеся вилланы, кусок деревенской ограды, случайная телега и помост с тучным человеком. Ржали лошади, дико голосили испуганные люди, с лязганьем сыпались на землю вояки, мечи, шапки, ремни, кольца и сбруи. Потом, посреди поднятой пыли и суматошных криков, задрожала и медленно покривилась виселица с повешенным карликом. Казалось,

покойник слегка ухмыльнулся, довольный тем, что этот гребанный мир прощается с ним с таким оглушительным треском.

Досталось многим - и наглým воякам, и мирянам.

Рубину с компанией бывших гребцов также не поздоровилось.

- А мы-то здесь причем, курва?! - с негодованием проорал возмущенный поляк, прежде чем отправиться на крышу ближайшего сарая.

- А чтобы не хлопали глазами направо и налево! - грозно проревел великан, разгоняя компанию Рубина к чертовой матери. - Тому, кто не принимает участия в справедливых и богоугодных деяниях, следует получать по заслугам не менее прочих ротозеев!

- Так мы же свои, брат! Мы тоже за свободу! За сытый харч, за справедливость и против богачей! - тоненьким голосом крикнул ему Дафни из Нидерландов.

- Свобода, мать вашу... - ворчливым тоном донеслось в ответ. - А на кой хрен она мне сдалась - эта ваша свобода, если всякая именитая скотина, с мордой недоделанного полководца на плечах, норовит раздеть тебя вплоть до последней нитки, наделив при этом пожизненной повинностью и каторжным ярмом...

Эпизод двадцать третий.

Здесь решается простой вопрос: что лучше - честный разбой или бесперспективный труд на благо хозяина?

- Послушай, Маленький Джон, - изрек Рубин, после того как деревенское побоище навсегда осело в анналах описываемых событий. - Ты мне нравишься. И хотя я не уважаю насилие над личностью ни при каких условиях, твое искусство вести беседу чересчур убедительно, чтобы не обращать на него внимания.

- Насилие никому не нравится? - буркнул какой-то пришибленный виллан, проходя мимо. - Разве что откровенным бугаям и святой инквизиции.

Рубин нахмурился и, провожая виллана недовольным взглядом, продолжил:

- Маленький Джон, что главное в любом разговоре?

Здоровяк нахмурился, пытаясь сообразить, чего от него требуется.

- Главное в любом разговоре... - с умным видом заключил Рубин, - это умение делать правильные выводы.

Маленький Джон скептически хмыкнул:

- Всякая болтовня сама по себе докучлива, если болтать не о чем, - кратко выразился он.

- Вот видишь, - отозвался Рубин, - твой вывод можно считать образцом для подражания.

- И что с того, - насмешливо прозвучало в ответ. - Теперь ты поставишь мне храм во дворе?

Бывшие гребцы тихо заржали.

Рубин сделал вид, что насмешки ему побарабану.

- Дело в следующем, приятель, - после некоторой паузы сказал он. - Ты конечно здоров, как бык, и твоему здоровью могут позавидовать сами боги. Однако тебе не хватает главного, а именно: у тебя нет добротной интеллектуальной поддержки и взвешенного понимания исторической ситуации. Но с этими пустяками я постараюсь помочь тебе без особых трудностей...

Произнеся подобный спич, Рубин отхлебнул эля и сделал крайне благожелательное лицо.

Маленький Джон почесал в затылке. Причудливые слова незнакомца заставили его не на шутку поднапрячь мозги.

Разговор шел на постоялом дворе. Народ расселся вокруг столов, где находились блюда и миски с ароматными кусками пищи. За едой говорили о трусливом бегстве сборщика налогов и, конечно, о том, что лорд Геррион этого так просто не оставит, а значит, надобно ожидать наихудшего поворота событий. Кое-кто рассуждал о крутом характере Маленького Джона, косо поглядывая на богатыря. Иные осторожно потирали ушибленные места, тихонько охали, осторожно ощупывая побитые морды и толковали о лекаре. Отовсюду раздавались возбужденные речи, усердное чавканье и нецензурная брань. Даже хозяин заведения находился в приподнятом настроении духа. Физиономия его лоснилась от пота. Он был усерден и расторопен, как трудолюбивая пчела, ведь общество сумело заплатить ему изрядным количеством звонких монет, разумеется, из числа тех, что удалось собрать из грузных кошелей королевских прихвостней.

Рубин и компания расположились на самом видном месте - в центре зала. Справа от Рубина уселся Али Ахман Ваххрейм. Он отхлебнул изрядный глоток эля и ненавязчиво поделился с Маленьким Джоном своим видением мира. Мавр был немногословен, уроженец Африки откровенно полагал, что прогрессивно мыслящим людям необходимо быть вместе.

- А как же иначе... - уверенно произнес он, дружески подливая здоровяку вина. - Хороший человек не должен быть один. Это нехорошо. Поскольку даже могучий дуб, выросший посреди озлобленных лесных карликов и растительной плесени, рано или поздно, но валится под натиском топов.

- Хорошо наточенный топор вообще кого угодно может свалить! - сиплым голосом проговорил какой-то тщедушный пьяненький виллан, приподнимая голову из-под стола.

- Даже голову короля? - спросил его Маленький Джон.

- Да кого угодно, громила... - выдохнул виллан и снова упал под стол. - Ели, конечно, иной король не сумеет воспользоваться ею подобающим образом...

Дафни из Нидерландов с охотой поддержал дерзостные речи пьяного вольнодумца. Правда, его образные сравнения были несколько мягче. Они касались исключительно духовных аспектов человеческого существования и только частично затрагивали изъяны и глубочайшие несовершенства людского образа жизни.

- Друг мой... - молвил он проникновенным голосом, обращаясь к Маленькому Джону с той толикой отеческой заботы, которая изредка встречается в обществе людей духовного звания. - Спроси себя, кто ты есть на сём белом свете? Кто ты и с кем ты, если мир наполнен овцами и волками под самую завязку? Сделай свой выбор, человек. Сделай его вдумчиво и правильно, как велит тебе твоя совесть...

Маленький Джон насупил брови, пытаясь понять, о чем идет речь.

- Но принимая свое решение, ты должен помнить о главном... - убаюкивающим тоном продолжил Дафни из Нидерландов. - А именно: что все люди на земле - братья. Мы одна большая семья, хоть и разделенная на господ и простолюдинов по нашей собственной глупости...

- Ага... - ядовито обронил Али Ахман Ваххрейм. - Глупость, жадность, трусость, властолюбие и корысть живут среди нас душа в душу! С такими крепкими семейными узами мы рано или поздно выкопаем себя огромную братскую могилу!..

- Однако, как бы там ни было... - Дафни из Нидерландов недовольно глянул на мавра. - У нас есть общие интересы, ибо все мы нуждаемся в ласковом поводеyre и справедливом разделе пищевых запасов...

- Ага... - снова заметил Али Ахман Ваххрейм. - Нас стало чересчур много на земле и потребности наши увеличиваются с каждым днем... Еще немного - и мы начнем жрать друг друга, вместо того, чтобы решать свои сраные проблемы всем миром...

- Сын мой, - миролюбиво заметил Дафни из Нидерландов. - Позволь мне договорить...

- Про поводеyre и ослов? - ухмыльнулся мавр.

- Конечно...

- Валяй...

- Так вот... - продолжил тщедушный богомолец. - Беда в том, что один-единственный ласковый поводеyre, о котором я знаю, находится где-то в облаках, а все остальные, кто называют себя его помазанниками, расселились по нашей земле, как ненасытная саранча. Эта орава мировых оглоедов не знает удержу в гастрономии и, если доведется, сама с превеликой охотой позовет тебя на свою собственную кухню, дабы положит твое брненное тело на стол в качестве бесплатного угощения и дармовой закуски.

Маленький Джон слушал внимательно. Было видно, что ему еще никто не вешал на уши подобной заковыристой ереси.

- Продолжай, святой отец, - подбодрил он Дафни из Нидерландов, слегка хлопнув набожного человека по плечу.

Дафни из Нидерландов едва не слетел с лавки, но все же удержался и, потирая ушибленное плечо, постарался сохранить осанку истинного священнослужителя.

- Отсюда следует, Маленький Джон, - изрядно поморщившись, сказал он, - что жизнь наша не сахар. Более того, в таких скверных условиях существования, каковые окружают нас повсеместно, иной волк может обернуться вдруг родным братом, а большинство невинных овец с небывалой легкостью перегрызут тебе глотку.

- Точно-точно! - охотно подтвердил кто-то.

Монах перевел дыхание и сделал следующее умозаключение.

- Маленький Джон, в сущности, твой выбор невелик. Тебе не к лицу ни овечья шкура, ни волчьи клыки. Ты, в самом деле, похож на дерево, Маленький Джон. Ты большой кряжистый ясень, а может и впрямь дуб. Твое место в лесу, Маленький Джон, посреди вольных птиц и жирных оленей. Пойдем с нами, сын божий, ибо хороший справный дуб не может расти в чужом огороде. Ему должно быть тесно между грядками раздобревшей капусты и зеленого лука. Хотя с другой стороны ты, конечно, имеешь полное право склонить свою крупную голову пред распахнутым зевом хозяйской кормушки и провести остаток жизни там, где пахнет кнутом надсмотрщика и крепкими батогами.

Прослушав столь обстоятельную речь, Маленький Джон призадумался. Его крупная физиономия сделалась вдруг необычайно просветленной, а высоченный лоб избородили глубокие морщины.

- А ты поменьше мозги напрягай, увалень! - любезно посоветовал ему Али Ахман Ваххрейм и звучно треснул кружкой по столу.

- Ага... - шутливо обронил выпивоха за соседним столом. - Башкой надо думать, когда жену выбираешь, а потом уже думать будет поздно! Тоска охватить!

- А с тоской на свете жить, что мечом по жопе бить! - бойко добавил кто-то.

Сказано было столько доходчиво и убедительно, что постоянный двор грохнул от смеха.

- Ну, хорошо... - медленно ответил Маленький Джон, когда смех немного поутих. - Я согласен присоединиться к вам. Но вначале вы должны доказать мне, что являетесь истинными поборниками богоугодных дел, а не пособниками дьявола.

- А чем твои поборники отличаются от нормальных людей? - серьезно спросил Рубин.

Маленький Джон сурово сдвинул брови, затем изрек:

- Ну, по крайней мере, тем, что не разбойничают на дорогах, и не обворовывают свой народ, как высокородные господа.

- Вот наши доказательства!.. - сразу же заорали бывшие гребцы, показывая Маленькому Джону ужасающее обилие узловатых шрамов и синяков, оставленных плетями и палками обходительных рабовладельцев.

- Да... - кратко резюмировал Маленький Джон. - Эти страшные раны говорят сами за себя. А тот, кто любит украшать народные тела столь дьявольскими увечьями, обязательно будет иметь дело со мною...

- Аминь...

Эпизод двадцать четвертый,

в котором неожиданно выясняется, что жить без искусства не может ни одна личность на свете, а жить без положенной аудитории не может даже само искусство.

Ночь скоротали в деревне.

Утром, едва проснулись, щедро сыпанули хозяину порцию серебра, и хорошенько натрескались положенной снедью. Затем шумной гурьбой высыпали на улицу, и смело потопали навстречу собственной судьбе. Впереди шагали Маленький Джон и Рубин. Оба тащили на себе по бочонку пива. За ними шагали Али Ахман Ваххрейм и Дафни из Нидерландов, далее семенили остальные бедолаги, неся в котомках трехдневный запас провианта.

Вначале двигались по дороге. Прочитали на указательном столбике про славный город Ноттингэм и решили заглянуть в тамошние края. Тем более что большая табличка ясно сообщала о доброте и несказанной щедрости его прекрасных жителях.

- Если верить этой писанине... - молвил Дафни из Нидерландов, стуча по столбику палкой, - то Ноттингэмом правит необычайно справедливый шериф, чье радушие превосходит милости самого Господа Бога.

- Тогда плевать на саксов! - категоричным тоном обронил кто-то. - Хрен-то с ними! Тем более что саксы теперь кругом! Мир не без добрых людей! Глядишь, именно в славном городе Ноттингэме найдется всё то, о чем может мечтать каждый здравомыслящий человек!

Слегка посоветовавшись, пришли к нехитрому умозаключению, что резон в этом есть. И пошагали дальше.

Таким образом, ближе к полудню очутились в глухом лесу, посреди хорошо протоптанной колеи. Справа и слева качались высоченные лиственницы. Над ними, где-то высоко-высоко в небесах мед-

ленно плыли белоснежные облака. Потом прокуковала кукушка. Она куковала долго, без перерыва, пока завод не кончился. Однако заниматься ее утомительной арифметикой никто ни стал, тем более что считать по-человечески практически никто не умел, разве что Рубин, черножопый мавр и Дафни из Нидерландов.

Ноттингэмом поблизости не пахло, зато до слез воняло здоровенной кучей медвежьего помёта и столь же навороченной россыпью конского навоза. Обойдя это непотребное место по широкой дуге, вышли на поляну.

Поляна народу приглянулась, посему, недолго думая, устроились тут на привал. Разожгли уютный костерок, вкусили поровну запасов пищи и с превеликим удовольствием завалились в тенек. Сон сморил народ почти мгновенно. Рубину снилась красивая дама с белокурыми волосами. Она подошла к нему из-за угла и тихо промолвила, что ситуация вокруг складываться темная. Но ситуация здесь не причем, просто время теперь такое.

"Хотя время, в сущности, не имеет никакого значения... - строго добавила она. - Поскольку имеют значение твои возможности, а не время".

"Но у времени возможностей гораздо больше", - справедливо возразил Рубин.

"Без твоих поступков - возможности времени ничего не значат", - ловко отрезала женщина. - Ибо время - это всего лишь хроника человеческих свершений".

"Какая бы ни была моя личная хроника, но хроники, что сидят на Небе и хроническое состояние самой вечности - подомнут любого!" - воскликнул Рубин.

"Капля воды в сравнении с тобою - ничтожна, - убежденным тоном сказала хитроумная особа. - Она совсем невидна, но множество капель способны источить даже горы!"

"Так что же мне делать?!"

"Выбор за тобою..."

Закончив такую речь, женщина повернулась к Рубину задом, крепким как спелый арбуз, и начала стремительно уменьшаться. Сократившись до размеров миниатюрной куклы, женщина закружилась на месте, схватила за голову и театрально упала на пол. Почти тотчас же где-то лопнули неведомые канализационные трубы, и на полу образовался огромный бурлящий водоворот. Этот водоворот шумел, как неисправный унитаз, постепенно наполняясь тонущими кораблями, плотами и бочками, на которых сидело множество орущих людей. Через полчаса водоворот потянул за собой корабли, белокурую женщину и большую часть колеблющегося пространства, после чего Рубин перевернулся на другой бок и мирно засопел в две дырочки.

Проснулись неожиданно, от звуков струнного инструмента.

Возле тлеющего костра находился какой-то всклокоченный незнакомец. Он сидел с обшарпанной балалайкой на коленях и чрезвычайно старательно доедал остатки общей кормежки.

- Ты кто такой? - спросил его народ.

Мгновенно выяснилось, что незнакомец является самым настоящим глименом*, при котором была старинная лютя и куча мелодраматических песен.

Народ отнесся к глимену с необычайным почтением, позволив ему употребить значительную часть оставшегося провианта. В качестве ответной любезности глимен тотчас же исполнил короткую средневековую композицию, предварив её краткой историей из жизни страшно одинокого виллана по имени Вилли. Музыка Рубину понравилась. Эдакая непритязательная мелодия, выводимая на трех струнах при помощи грязных ногтей и низкого горлового пения.

(Ниже приводится дословный текст песни про страшно одинокого виллана Вилли.)

Жил честный пахарь Вилли вдали от суеты,
Примерно в полумиле от хлеба и воды.
Он ничего не кушал, он пищу отвергал,
Он только небо слушал и радостно моргал.

Потом случайно помер наш Вилли дорогой,
Но умер не от горя, а с чистою душой.
Теперь на небе Вилли, ногами вниз сидит,

---

*Глимен - странствующий музыкант. Глимены ходили по городам и весям, наподобие современных музыкантов, но не просили за свою лабуду тех немислимых денег, что просят нынешние, прости Господи, "звезды". У них не было ни хитрожопых продюсеров, ни "фанеры", зато с избытком хватало как житейских наблюдений, так и художественного сострадания.

Он умер как счастливец и счастливо молчит.

Молчит он, как святоша, он как немой молчит,
Он думает о чем-то, вздыхает и сопит.
В его молчании слышен набатный гул вдали
И плети многих лордов с утра и до зари.

Но все же - отчего же - наш Вилли нем и глух?
Ведь Вилли только с виду чуточку протух!
Спросите у полей вы, спросите там и тут,
Почем теперь на свете простой крестьянский труд?..

И вам леса ответят, и поле, и овин,
Кто нынче раб до смерти, кто нынче господин...
А у крестьян от пота хватает только сил,
Чтоб молча улыбаться, чтоб молча ждать седин...

Песня "О молчаливом пахаре Вилли" сумела оказать на слушателей неизгладимое впечатление. Едва смолкли звуки последнего куплета, как потребовали немедленного продолжения. Глимен не отказывался, только пожелал употребить новую кружку пива и немного аппетитной закуски. Перед ним без лишних затей поставили и то и другое. Тогда прозвучала следующая вещь.

У Вилли была дочка, по прозвищу Дин-дон,
Она была как бочка, как самый страшный сон.
Но все её любили - за добрый нрав, за грудь,
Одни в сених любили, другие где-нибудь.

Дин-дон росла с приветом,
Дин-дон росла одна,
И как-то ранним летом
С приветом померла.

Теперь на небе дочка с папашею сидит,
Папаша гладит дочку и радостно молчит.
И в их молчании слышен простой удар гвоздя,
Забитый в крышку гроба кому не попадя.

Дин-дон стучат гвоздочки,
Дин-дон стучат они,
Мы хорошо забиты,
Как жизнь, как мир, как ты...

Но все же - отчего же - отец и дочь молчат,
Ведь оба же от смеха едва не закричат?
Всему виной работа, простой крестьянский труд,
Вплоть до седьмого пота, где кони тихо мрут...

Дин-дон - мрут тихо кони,
Дин-дон - мрем тихо мы,
От нас немного вони.
Мы с детства все немые...

Когда последние строчки "О молчунах и терпиллах всего мира" окончательно осели в головах од-
нозначно потрясенной компании, в лесу вновь раздалось множество самых похвальных отзывов.
Тогда Глимен принял на грудь еще один знатный жбан пива, заел его медовым пирогом и совер-

шенно неожиданно запел грустную песню про "Ё-ё, моё". Он спел её в несколько иной тональности, чем привычный строй английских баллад, но никто не позволил ему перечесть.

Истины нет, и лжив белый свет - грустно,
Человек - это храм, но без Бога там - пусто.
Пусто везде и каждый в узде - не до смеха,
Правда, вот был - конюх-дружок - уехал...

Ой, ё-ё!..
Ой, ё-ё!..
Ой, ё-ё!..
Ой, ё-ё!..

Запил мой лорд и пьет как урод - в срачку,
И с надеждой беда - на дно отошла - в качку.
И небо молчит, что душа отлетит - едва ли,
Так зачем же нас тут - под небом - собрали?..

Ой, ё-ё!..
Ой, ё-ё!..
Ой, ё-ё!..
Ой, ё-ё!..

Скорей бы война, пошел бы тогда - сразился,
Чего б не добыл, все бы пропил - да забылся.
К вечеру сзывают все тоскливей и тише,
Сейчас со всей мочи завою - никто не услышит...

Ой, ё!..
Ой, ё!..
Ой, ё!..
Ой, ё!..*

Народное творчество затронуло душу и сердце буквально каждого. Некоторые всплакнули. Иные уползли в сторонку и уткнулись носами в землю. Уткнулись от горя и тоски, потому как у каждого человека имеется в запасе своя маленькая история о своей собственной крохотной жизни, где есть многое из того, чего не снилось пахарю Вилли при всем к нему уважении.

Но все же, все же, все же... - глубокомысленно протянул глимен.
Кто ропщет на судьбу,
Тому и жить негоже,
Как жалкому рабу...

Ибо,

Господь нам всем насыпал -
В карманы доброты.
И никому не тыкал,
И не сжигал мосты...

Увы,

Мы сами зла набрали,
Набрали, как могли.

---

*Ой, ё!.. - стародавняя народная песня, адаптированная практически к любой исторической ситуации самым душевным образом. Её исполняли и исполняют истинные глимены всякого темного времени.

Кто сколько вместе взяли -
И сами понесли...

На следующем эпохальном сочинении "О беспросветных буднях простой крестьянской жизни", малоизвестный английский поэт сломался окончательно. Тогда ему опять и опять наполнили чашу золотистым нектаром, чтобы даровитому человеку малость полегчало. Налили от души, до самых краев, однако добавочная порция крепкого национального напитка только усугубила положение. В таком несколько усугубленном положении музыкально-одаренная личность рухнула пьяной рожей в тлеющие угли костра и характерно задымилась. Тогда, ее, не мешкая, схватили за ноги и шумно оттащили в пышные кусты вереска.

- Покой - это главное, что ему сейчас потребно... - весомо изрек Али Ахман Ваххрейм, поднимая указующий перст кверху.

Из пышных кустов вереска донесся зычный храп. В кусты мигом швырнули старинный щипковый инструмент и чьи-то обглоданные кости. Глимен не роптал. Он был счастлив. На симпатичном лице бродячего исполнителя играла загадочная улыбка Джоконды. С этой улыбкой он выглядел самым везучим человеком на свете, ибо редкий художник может получить за свое народное искусство столь искреннее внимание и столь благодарных слушателей.

После душевных песен средневекового артиста народ напился вдрызг. Особое рвение проявили Маленький Джон, Али Ахман Ваххрейм и кто-то еще. Наверное, большая часть Англии слышала их бесподобный ор. Им вторили голоса тех, кто прошел все тяготы жизни, начиная карьеру рабом на галерах и кончая вонючим феодальным казематом. Последним, кто пожелал продемонстрировать публике свои небывалые музыкальные способности, оказался Дафни из Нидерландов. Слух у него полностью отсутствовал, но, похоже, это его ничуть не волновало. Он запел тоненьким дребезжащим тенорком о далеких райских куцах. Он выводил корявую мелодию про червивые яблочки познания, про душевное человеческое тепло и повсеместное бегство к черту на кулички:

Бабоньки на снегу, - чуть ли не со слезами на глазах, припевал Дафни из Нидерландов.
Розовые на белом...
Нужно быть с ними смелым,
Нужно, да не могу...

припев

Ба-абоньки на снегу...*

"Ну, нет... - силась собрать нетрезвые думы в кучу, подумал Рубин... - Так дело не пойдет... Назавтра нужно будет обязательно покончить с алкоголем раз и навсегда..."

Эпизод двадцать пятый

Лаконичнее и короче которого может быть только счастье человеческое.

Утром, едва рассвело, Рубин устроил собрание. Он произнес яростную речь "О вреде алкоголя" и чрезмерном употреблении закуски. Тема собрания диктовалась простыми вещами, а именно: либо алкогольная зависимость и кранты, либо здоровое тело, светлые мысли и духовная чистота. Тем же, кому по душе бесконечные попойки, тем, кто не в силах оторвать себя от бадьи с элем - тому прямая дорога обратно к веслам.

- Именно там - на хорошем скандинавском драккаре! - громогласно заявил Рубин на весь лес, - вас обязательно обучат трезвому образу жизни, скудному пайку и многочасовой работе! Вы будете вновь и вновь активно загребать в океанском просторе соленую морскую воду и делать вид, что двигатель внутреннего сгорания по сравнению с вашей экологически чистой энергией - является абсолютной ахинеей!

Публика не перечила.

---

*Очаровательная, но малоизвестная композиция "Бабоньки на снегу". Исполнялась еще на заре времен, когда по земле ходили ненасытные феодалы и гигантские воюющие рати. (Ни те, ни другие покамест не вымерли, но, если это произойдет, человечество неизбежно вступит в новую эру сосуществования.)

- Нам нужна ясная цель на пути, а не сивушный запах изо всех дыр! - твердо отчеканил Рубин, с трудом сдерживая желание опохмелиться.

Народ внимал Рубину почтительно, стараясь, по возможности, не дышать друг на друга. На лицах отображалось непритворное понимание и чистосердечное раскаянье.

Тогда Рубин продолжил свою гневную проповедь.

- Мир - это не пьяный балаган! - решительно сказал он. - Мир делится на две группы: на тех ослов, кого судьба имеет куда захочет, а также на тех, кто сам имеет всё, что ему, так или иначе, приглянулось! Я понятно говорю?!

- Понятно... - нестройно промычал народ.

- Тогда у нас нет выбора... - подытожил Рубин. - Если мы хотим жить как люди, а не свиньи, то с разгильдяйством придется покончить раз и навсегда. Иначе хана!

Слово "разгильдяйство" и значение прекрасного слово "хана" - никто не понял, поскольку с точки зрения нормального средневекового человека Рубин изъяснялся как сумасшедший. Он произносил, иной раз, такие заковыристые речи, уразуметь которые могли только лишь самые продвинутые люди на свете.

- Легче сойти с ума и потерять рассудок, чем понять тебя, белый брат, - сказал как-то Али Ахман Ваххрейм Рубину, когда они пытались обсудить разницу между мусульманством и христианскими ценностями.

С ума сходить, понятное дело, никто не собирался, тем паче, что ума на всех явно не хватало. Поэтому поняли, что могли. Причем поняли прекрасно.

- Мы тоже хотим иметь все, что нам понравится! - дружным хором произнес собравшийся народ. - Мы также не желаем, чтобы судьба имела нас, куда захочет!

После такого серьезного заявления стало необычайно тихо.

Здесь начиналось рождение нового человека, способного на вполне осознанные деяния и вполне осмысленные поступки. Это был переломный момент в судьбе компании. Такие вещи требовали от общества минуты скорбного молчания и суровых обетов по отношению к себе и своим товарищам.

Когда, наконец, закончили поминать прежний образ жизни, теплые лучи солнца ярко позолотили верхушки деревьев. Лес давно ожил и заставлял шевелить копытами, а не языками.

Эпизод двадцать шестой

Где истина, брат?

- Однако без хорошего вожака нам не обойтись... - произнес в этом месте Али Ахман Ваххрейм.

- Да... - охотно поддакнул Дафни из Нидерландов. - Без грамотного поводыря мы попросту стадо баранов.

- Ну вот, опять начался базар о власти, - недовольно буркнул кто-то. - Только одно ярмо на шею скинули, как другое готовы напялить.

- Да кому ты нужен со своей шеей, - сердито заявил Али Ахман Ваххрейм, прежде чем плюнуть через левое плечо.

- Да... - вздохнув, молвил Давни из Нидерландов. - Сколько не сетуйте, братья, но всякая власть - это не только привилегии, но и большая ответственность перед народом.

Никто более не прекословил. Посему обдумывали проблему недолго, поскольку лучшего вожака, чем Рубин в ближайших окрестностях не наблюдалось. Правда, был еще Маленький Джон и Дафни из Нидерландов, но они сами по себе взяли самоотвод.

- Какой из меня вожак, - сурово обронил Маленький Джон. - Я человек безответственный, к тому же мавр...

- А мое дело усердная молитва и посильный пост, - скромно обмолвился Дафни из Нидерландов. - Мне бы келью свободную где сыскать, чтоб колени приклонить перед ликом Святым. А судьбами человеческими управлять мне не по силам. Я ж не сумасшедший...

Такого оборота событий Рубин не ожидал. Одно дело быть как все, то есть повиноваться общим правилам поведения, и следовать туда, куда влачит тебя твой жалкий жребий. А другое дело идти наперекор фортуне, да еще вести за собою самых натуральных изгоев общества. Это и впрямь немалая ответственность, ибо люди - они, порой, словно дети, поскольку нуждаются не только в прятках и руководящей опеке, но и в крепких розгах.

Ситуацию следовало хорошенько обдумать. Однако шевелить мозгами без спиртного совершенно не хотелось, тем более, после принятой программы "О Сухом Законе". Вместо дум компания ту-по уставилась на глимена. Обнаружив, что народ глядит на него во все глаза, глимен оскалил рот до ушей, затем с готовностью схватился за обшарпанную лютню и легонько притронулся к струнам. Весь его приободренный облик демонстрировал несомненное желание продолжить вчерашний концерт. Причем продолжить от души, любой ценой, чтобы разогнать по жилам слегка протухшую кровь и вволю оттянуться. Соблазн был велик, но, как известно, делу - время, потехе - час.

- Понимаю... - сказал по сему поводу расстроенный музыкант.

Соображалка у него работала идеально, хотя славный репертуар про незлобивого и праведного пахаря Вилли требовал выхода. Увы, момент сложился неподходящий. Такой момент нуждался в серьезности, а серьезность - без трезвой головы - никак невозможна. Покамест Рубин собирался с мыслями и пытался усвоить свежий взгляд на вещи, с дороги послышался топот лошадиных копыт и разговор двух всадников. Ватага мигом подобралась. Звуки человеческой речи действовали на людей весьма благотворно, доказывая тем самым, что страсть человека к подслушиванию сильнее любого цивилизованного воспитания.

Что характерно, по дороге, окруженной густым английским лесом, действительно ехала парочка всадников. Они, безмятежно покачиваясь на двух крепконогих лошадках, внимая друг другу с неподдельной чуткостью. Один был рыцарем-тамплиером, воителем до мозга костей, другой выглядел слугой божьим, невольником духовного идеала. Рыцарь смотрелся более чем мужественно и грозно. Его вытянутая физиономия, покрытая узловатым пучком шрамов, изобличала истинный образец героизма. При себе рыцарь имел длинный меч и большой щит с нарисованным красным крестом.

Что касается священнослужителя, то, казалось, он весил ничуть не менее четверти тонны и сиял так, как может сиять только самая полная луна на небесах. Оба непринужденно рассуждали о религиозном влиянии церкви на неокрепшие христианские умы.

- А причем здесь, собственно, христианские умы?! - громоподобно заявил рыцарь-тамплиер на всю округу. - На мой взгляд, содержимое черепных коробок большинства иноверцев наполнено куда более опасными мыслями, чем наши европейские головы. Но, к сожалению, при дворах наших государей это понимание не в чести. Вместо него пользуются спросом льстивые замечания, ложные наветы, выдумки и тайный сговор. Посему нам приходится доказывать опасность распространения османского влияния денно и нощно, вместо того, чтобы раз и навсегда положить этому конец.

- Как вы себе это представляете, сэр рыцарь?.. - миролюбивым тоном отозвался откормленный сын церкви.

- Нет ничего проще... - обстоятельным тоном отрезал воинствующий собеседник, с достоинством поправляя меч на боку. - Все дело в людях, в их делах и поступках...

- О да... - понимающе кивнул монах. - Паства Божья далека от совершенства...

- Возьмем, к примеру, Папу Урбана II*... - продолжил тем временем рыцарь. - У этого человека был высокий сан и полно привилегий, однако это не помешало ему совершить ошибку достойную осла. Если бы он действовал, как должно действовать и думать всякому благочестивому служителю церкви, то, заглядывая вперед, ему не следовало собирать Первый Крестовый Поход из толпы голодранцев и босяков. Нет, он должен был сделать все возможное, чтобы послать в земли Иерусалима всю вооруженную Европу, дабы гордые европейские мужи отвоевали там все неисчислимым богатства, а не только гроб Господень и тонны золота.

- Вы слишком категоричны, брат мой Хуго Костильский?

- Что вы... - снисходительно раздалось в ответ. - Категоричен не я, а те, кто отправляют людей на бессмысленные войны. Мой же облик и мои слова всегда чисты и прямодушны, как светлый образ Бога в глазах истинного поборника христианских ценностей. Я гляжу на линию горизонта с позиции здравого смысла, держа наготове оружие. Я готов превратить любого врага моей церкви в покойника, но, однако я не желаю умирать за чужую глупость, где бы то ни было...

- В подобных условиях, - рассудительно заметил упитанный монах, утвердительно кивая, - хуже всего то, что мы не даем бедным сарацинам возможности одуматься. Они, словно умалишенные дети бескрайних пустынь, ничего не ведают о нашей вере. Они видят только наши мечи и копья, вместо того, чтобы прислушаться к голосу истины и признать всеблагое единство христианских ценно-

---

* Папа Урбан II. Об этом Папе неизвестно ничего хорошего. Активный поборник Первого Крестового Похода. Обещал людям рай и освобождение "Гроба Господня". А на самом деле, попросту утилизировал избыток народных масс за счет религиозной войны между Европой и далекими землями Средиземноморья. Такой был Папа.

стей. А ведь наша вера крепче гранита и выше всяческих идеалов. Она не нуждается в таких немислимых кровопролитиях, каковые мы производим повсеместно. Более того, с нашей исключительной верой мы давно могли бы покорить весь мир, однако, день за днем, дети нашего святого Распятыя складывают головы у высоких стен Иерусалима, да и в иных местах, где надобно слово божье, а не каленое железо...

- Святые слова! - немедленно согласился рыцарь, снова аккуратно поправляя смертоубийственное орудие на боку. - Скажу даже больше, что нет, и не было на свете ничего более внушительного и крепкого, чем наша могучая вера!

- Не говорите так, благочестивый брат мой Хуго Костильский, - скорбным тоном произнес тучный священнослужитель. - Иначе наша могучая вера может подвергнуться сомнению за вашу гордыню. Увы, нужно признать, что вера сарацинов не менее крепка, чем наша. Они так же, как и мы, веруют в добро и справедливость. Более того, они очень искренне полагают, что имеют на это полное право... Одно нехорошо: они верят в это по-своему, а мы именно так, как нужно. Наши веры практически не пересекаются, разве что на полях сражений. В этом вся суть. Ведь наша вера, да простит мне Господь мои греховные суждения, это в своем роде, мирская надежда в лучшую Жизнь после греховного существования. А вера сарацинская, это в своем роде житейский или воинский устав, благодаря которому человек живет не так, как ему хочется, а в строгом соответствии с правилами и законами высшего руководства.

- Как бы там ни было... - веско произнес благочестивый брат Хуго Костильский, - истинная вера всегда идет рука об руку с правом сильного!.. Кто силен, тот и прав! А кто прав, тот и в Вере!.. Разве не так?!

Беседа звучала занимательно. Некоторое время ватага Рубина шагала за всадниками и с большим интересом прислушивалась к ученой беседе двух почтенных собеседников. Потом слово взял Маленький Джон. Он подошел сзади, неспешно ухватился за распущенные лошадиные хвосты и разом осадил обоих иноходцев.

Всадники не ожидали такого поворота событий и тут же грохнулись на землю.

- Нам нужна большая часть ваших материальных ценностей и христианское благословение... - смиренно молвил Рубин, после того, как ученые путники пришли в себя.

- И побыстрее... - скромно подытожил сынов божьих Дафни из Нидерландов.

- А по какому, собственно, праву?! - возмущенно воскликнул рыцарь-тамплиер.

- По праву сильного, разумеется, - кротким тоном изрек Маленький Джон. При этом его огромный кулак как бы ненароком коснулся носа вояки, словно подтверждая вышеозначенные рассуждения о силе и правде самым наглядным образом.

Вслед затем удалая ватага молодцов обогатилась двумя туго набитыми кошельями.

- Золото не поможет вам избежать божьего суда, - сказал тучный монах, в голосе которого звучало явное пренебрежение.

- Ваше святейшество, - заметил Рубин. - Если бы Господь Бог занимался судами, то ваша святая церковь, готовая отпустить любые грехи за звонкую мзду и коммерческие подаяния, первая пала бы от его руки.

Эпизод двадцать седьмой

Его следовало бы пропустить, но разве можно пропустить собственную жизнь...

Совершив противозаконное мероприятие, ватага смело потопала по дороге в Ноттингэм. Шли в хорошем темпе, как солдаты на марше, чутко прислушиваясь к малейшим колебаниям ветра. Ветер не приносил ничего тревожного, поэтому удвоили скорость шага и пошустрили к заветному городу со скоростью древнегреческих марафонцев.

Под гулкой топот молчаливых попутчиков Рубин искренне переживал о содеянном проступке: "Увы... - невесело думал он про себя. - Что не говори, но все же грабить случайных путников могут только совершенно пропащие люди". Он хмурился и вздыхал как малое дитя, стащившее чужое подношение возле каменного алтаря предков. Потом немного отлегло. А когда вышли на столбовой перекресток между двумя развороченными колеями на Дерби и Стаффордшир, то все переживания мигом улетучились, ибо тут повстречали еще одного благородного рыцаря. Рыцарь гнал перед собою изможденного оборванца, тыкал ему в зад копьём и костерил несчастного на все лады. Само

собой разумеется, рыцаря в один миг раздели до нитки, а истыканному вдоль и поперек нищему отсыпали внушительную горсть монет и отпустили на все четыре стороны.

Не ожидавший столь королевской милости, бедолага расторопно рухнул на колени и довольно долго бился головой в пыли.

- Тебя как звать-то, а? - ласково спросил бедолагу Рубин.

- Византиец Махулин! - поспешно отозвался Византиец Махулин.

- Живи долго и будь счастлив, брат во Христе... - тепло сказали Византийцу Махулину товарищи Рубина.

- Да прибудет с вами благодать божья! - в откровенном экстазе заявил Византиец Махулин, после того как собрал частыми поклонами всю возможную пыль и грязь на дороге.

Чуть позже напоролись на состоятельного торговца. Его сопровождала рабелепная орава челяди и несколькими довольно симпатичных кухарок. Торговец восседал на повозке с товаром, запряженной четверкой лошадок, и лениво созерцал проплывающие мимо окрестности. За повозкой неспешно двигалась охрана из десяти превосходно вооруженных мужчин. Естественно, охранников смели в первую очередь. Затем буквально подчистую смели все остальное, включая симпатичных кухарок. Кухарки не возражали, после чего их осыпали щедрыми дарами, как и Византийца Махулина.

Ближе к полудню повстречали трех святых отцов, одинаково упитанных и розовощеких, словно рождественские поросята, приготовленные к праздничному столу. Они клятвенно побожились, что у них нет не единого пенни. Маленький Джон проверил. Сразу же выяснилось, что святость и ложь находятся в максимальной близости друг от друга.

За служителями церкви последовал огромный норманнский барон, в седельной сумке которого нашлось немало звонкого золота и серебра. За активное сопротивление и отборную светскую брань, его разукрасили так, что самим стало тошно.

Потом потопали дальше, покамест не вышли на стоянку молодых улыбчивых парней. То были здоровенные английские рекруты. Они жарили мясо и прислушивались к сказочным речам одного бравого служака, который довольно бойко рассказывал публике о том, как ему довелось насиловать нескольких пышнотелых красоток возле малоизвестного арабского города Аль-габейда. Рекруты слушали жадно, буквально разинув рты от изумления.

- Это же наглядное растление нашей молодежи, - перекрестившись, сказал по сему поводу Дафни из Нидерландов, после чего мясо у рекрутов отобрали без излишних хлопот, а bravому служаке посоветовали держать язык за зубами. Дескать, свежим кандидатам в покойники добрая еда ни к чему, а тебе, мол, сволочь обозная, и подавно...

Чуть погодя навстречу выехал целый караван с провизией, ни шатко, ни валко громыхающий по дороге в славное графство Йоркшир. Его обчистили шустро, не моргнув глазом, оглашая окрестности воинственными криками. К вечеру, нагруженные чужим барахлом сверх всякой меры, вышли на берег небольшого озера, в котором плавали утки, и стояла одноногая цапля с ободранным хвостом.

Дичи хватало с избытком, и выглядела она превосходно, чего нельзя было сказать об отряде Рубина. Люди и впрямь едва держались на ногах, однако никто не бросил добычу. Рубин оценил этот факт вдумчиво и по достоинству.

"Народ завсегда крепче, чем кажется на самом деле", - подумал он, утирая соленые капли пота на лбу. - А уж за свое добро (пусть и незаконно нажитое), он станет бороться вплоть до последней капли крови".

Когда сделали привал и подсчитали общее количество добытых предметов, пришли к выводу, что купцы совсем озверели, а знатные господа не знают удержу в собственных аппетитах. Этому нужно было срочно положить конец. Но как?.. Немедленно решили, что лучшего средства, чем активное перераспределение материальных ценностей между трудовым населением и повсеместной беднотой - все равно не сыскать.

- Беднота - это значительная сила! - сурово молвил Маленький Джон. - Но эта сила дремлет!.. Она спит до поры до времени, словно сказочный великан... Этой силе надобно только дать надежду на лучшую долю, а правильное всего - колья да вилы, а уж остальное она добудет сама...

- Боюсь, что истинная беднота уже не верует в справедливость на Земле, - с ухмылкой произнес Али Ахман Ваххрейм и привычно сплюнул.

- Почти не верует... - кротко выразил свое мнение Дафни из Нидерландов. - Однако вполне искренне надеется на праведную дележку хотя бы загробных наделов.

- Ну, загробный надел каждый из нас, рано или поздно, но неизбежно получит, - добавил какой-то малахольный остряк.

- Одно плохо... - задумчивым тоном заключил Рубин. - Нам с вами надобно полагаться на себя, а не на бедноту. Но нас мало. Нас считанные единицы, а нищеты кругом видимо-невидимо. Наши сил недостаточно, чтобы положить конец вездесущему бесправию лордов и баронов. Надобно как можно больше толковых людей, чтобы направить ситуацию в свежее русло новых исторических ношений. Если в самое ближайшее время мы по-прежнему останемся одни, то на прекрасной английской земле весьма скоро появится наша скромная братская могила...

Эпизод двадцать восьмой,

где рассказывается о славном городе Ноттингэме и его необычайно справедливом шерифе.

На следующий день подошли к Ноттингэму. Город открылся тотчас, во всей красе, едва молодцы Рубина показались из леса. Он лежал перед ними, как на ладони. В сущности, славный город Ноттингэм являл собою огромную крепость. Сию могучую цитадель окружал глубокий ров с водою и высокая стена, сложенная из каменных блоков. Картина была до боли знакома. Она напоминала замок лорда Герриона, но только выглядела куда живописнее. Сквозь толстые настенные зубья маячили крыши домиков и тонкий шпиль городской ратуши. На башне зазвонили к обедне, и всем немедленно захотелось перекусить.

Сглотнув набежавшую слюну, направились к распахнутым воротам. Однако на подъемном мосту пришлось задержаться. Их остановили служивые ребята из городской охраны. Рубин насчитал чертову дюжину бездельников. Часть из них откровенно зевала, то и дело поплеывая в мутные воды рва. Другие занимались игрой в кости, и матерились на чем свет стоит, просаживая в тесном кругу товарищей остатки мизерного жалования. Остальные опирались на длинные копыя и делали вид, что в этой беллетристической жизни нет ничего более важного, чем рассматривать всякого встречного человека как самого заклятого врага христианского мира.

Покуда выпрашивали, где находится ближайшая таверна, пока спорили о том, насколько справедлива пошлина за доступ в город, и какова стоимость свежего продукта на местном базаре, миновало не менее получаса.

- Два пенса с носа!.. - долго возмущался Дафни из Нидерландов. - Разве это божеская цена?! Это же чистый воды грабеж среди бела дня!

- Да за такую цену можно пройти в райские кущи! - единогласно подхватили лесные молодцы.

- Вас много! - уверенно возразил один из охранников, явно напрашиваясь на крепкий хук слева. - Да и морды ваши не вызывают особого доверия. А раз так, то и цена на территорию славного города Ноттингэма должна быть на должном уровне.

Рубин не перечил.

"В сущности, охрана права... - хладнокровно подумал он. - Нужно быть откровенным дураком, чтобы пропустить в зажиточное поселение столь колоритное сборище чужаков".

Рубин попытался взглянуть на своих товарищей глазами стороннего наблюдателя. Зрелище ему не понравилось, ибо наружность двух десятков подозрительных лиц, обвешанных дорогими шмотками, не вызвала никаких положительных настроений. Более того, на месте любой охраны, подобную ватагу проходимцев, следовало бы отогнать от города на расстояние не менее трех сотен миль, а может быть и сразу отправить на тот свет.

Маленький Джон рассудил иначе. Он решительно заявил, что побор за так называемый свободный доступ на территорию славного города Ноттингэма выглядит излишне раздутым. А наглые морды стражников при этом вообще не влезают ни в какие ворота.

Разумеется, после столь серьезной тирады разговор мгновенно перешел за рамки любезностей и продолжался уже на повышенных тонах. Слова посыпались прытко, как из рога изобилия, каждое оскорбительнее предыдущего, так что кровь закипала в жилах. Первыми, однако, вскипели ребята из местной охраны. Вскипели так, что глаза вылезли на лоб, а щеки покраснели, словно помидоры на грядках. Уже в следующий миг у ворот славного города Ноттингэма разгорелась жаркая потасовка. В сражении участвовали все кому не лень, от постороннего смерда, до проезжающего мимо сеньора. Узловатые дубинки с треском ударялись о мечи, копыя и приподнятые щиты. Люди хрипели, орали и страшно сквернословили. Большинство намеревалось порвать друг друга в клочья. Постепенно битва переместилась к воротам, но потом вновь откатилась на мост и даже перекинулась на дорогу. Пыль поднялась столбом, однако Рубин заблаговременно отступил назад и прикрыл нос тряпицей.

- Правильно, сударь... - сказал ему Дафни из Нидерландов, так же наблюдая за дракой со стороны. - Здоровым людям ни к чему соваться в самую гущу озлобленных мужчин.

- Ага, - проговорил какой-то прохожий. - Благоразумного человека красят иные вещи.

Едва отдышавшись, Рубин обнаружил большой отряд всадников. Они окружили побоище со всех сторон и преспокойно ожидали развязки событий.

Развязка наступила внезапно. Когда осели поднятые клубы пыли, открылась следующая картина: посреди оравы уложенных копейщиков, измочаленных вратарей* и поколоченных мечников, шумно отдуваясь, стояла устрашающая куча победителей и нагло пялилась на посрамленных противников. Впрочем, отряд тяжеловооруженных всадников вытоптал эту "кучу" в два счета.

Рубин стиснул зубы от обиды. Ему не нужно было разъяснять, что такое полное поражение. Это выглядело скверно, поскольку праздная публика разбегалась в разные стороны, а те, что остались, получили подобающую награду за свое противозаконное выступление.

- А все потому, что против всадника пеший человек нипочем не устоит, - вполне резонно пояснил все тот же всеведущий прохожий.

- Если конечно, у него нет за спиною надежной крепости, - добавил другой.

Даже Маленький Джон, чья стать являлась образцом мужской силы - и тот не смог противостоять столь могучему конному натиску. Ему с ужасной силой врезали булавой промеж глаз, после чего богатырь потерял сознание и рухнул на землю, как подрубленный дуб. Вслед за ним попадали все остальные, теряя дубинки, нажитое добро и боевой задор.

Когда стихли последние крики о пощаде, когда иссякла непотребная хула и жуткие проклятия, оказалось, что истинные неприятности только начинаются. Рубина схватили за волосы и старательно избили до полусмерти. Тоже проделали с остальными драчунами. Затем разбойников добросовестно перевязали крепкими ремнями и поволокли на центральную площадь города, где торчали уродливые глаголи**, и стояла плаха с топором.

Прослышав новости о казни, народ начал расторопно стекаться на площадь, пока не заполнил ее до отказа. Тут сошлись ремесленники, вилланы, почтенные матроны, случайные зеваки и малая детвора. Некоторые откровенно посмеивались, от души потешаясь над неожиданными несчастиями тех, кто попал в столь незавидный переплет. Другие глядели на разукрашенные морды бывших гребцов со страхом и осуждением, чистосердечно полагая, что внешний мир за стенами Ноттингэма - это сплошная выжженная пустыня, наполненная конокрадами, гнусными мошенниками и убийцами. Кое-кто помалкивал, воспринимая предстоящую казнь как должное. Кто-то набожно крестился. Кто-то равнодушно зевал, тягая сухарики из мозолистой ладони. Пожалуй, только дети чувствовали себя естественно и беззаботно, как обыкновенно ведет себя всякая детвора во все времена, не подозревая об истинных трудностях человеческого существования. Ребятя поглядывала на арестантов как на игрушки, с любопытством ковыряясь в носах. Прочий люд, из числа тех, кто без усталости стоял и стоит на страже своих высоких покровителей, весьма расторопно приготавливал места для судей и палача.

Кругом бурлила подлинная средневековая жизнь. Она вываливалась из возков и телег целыми охапками душистого сена. Она щебетала птицами и зеленела листвой. Она покоилась в тучных мешках с зерном. Она смотрела на мир глазами ротозеев, бродяг и богатых сквалыг. Она заявляла о себе громким лаем дворовых собак и близким стуком кузнечного молота. Жизнь была там и тут, где курлыкали жирные сизари, кудахтали куры, и гулко мычала сытая скотина, вторя человеческим голосам на все лады.

Проклиная дикую боль под ребрами, и неприятную тяжесть в затылке, Рубин приподнял голову и заприметил превеликое множество бочек, аккуратно расставленных возле крупного строения. Яркая вывеска, прибитая над входом, явственно извещала, что здесь располагается питейное заведение "Старого ветерана из города Бостон". Хозяин дома торчал тут же, около крыльца. Он без особого интереса взирал на приготовления к экзекуции и лицо его помаленьку мрачнело.

Рубин рассмотрел бы куда больше, но ему мешал дым от костра, который разожгли под самым носом у людей. Этот едкий дымок упорно лез в глаза и не давал дышать. Над костром располагался огромный котел. Он булькал и смердел наваристой смоляной кашей. Рядом валялось самопальное вооружение лесных молодцов, включая Дальнобойного Аттилу.

---

* Вратарь - тот, кто отмыкает и замыкает ворота на ключ. С развитием технологий превратился в дырявого вратаря.

** Глаголь - попросту виселица. Символ подлинной демократии человечества, ибо на ней могут одинаково висеть, как смерды, так и короли.

"Вот и все... - с философским спокойствием подумал Рубин, меланхолично взирая на возок с золотистой соломой, остановившийся неподалеку. - Увы, но когда-нибудь мы все скончаемся, однако мир останется прежним. Он снова и снова будет требовать от своих безумных обитателей все новых и новых жертв, невзирая на чью-то очаровательную самобытность, заготовленное оружие и горячую пульсацию вен*..."

На возке находился какой-то придурковатый смерд. Он восседал поверх соломы в позе лотоса и напряжено хмурил кустистые брови. Его очумелая физиономия вселяла надежду, что в мучительных попытках понять мироздание люди рано или поздно, но все-таки сумеют докопаться до причин собственной глупости и познают безграничные таинства Вселенной.

Потом появился шериф славного города Ноттингэма и кто-то из толпы немедленно выкрикнул, что его светлость, Ральф Мурдах появился на площади, дабы свершить правосудие во имя Господа Всеблагого...

Этого человека нельзя было не заметить, он вырядился в дорогие одежды и вышагивал неспешной походкой истинного вершителя человеческих судеб. Его лицо, обрамленное редкими пучками седых волос, выглядело строгим и надменным, словно портрет обожаемого владыки, навечно прибитый в центральной палате у покоренного народа. Оно светилось множеством тайных пороков и столь же явной склонностью к законопочитанию. Вероятно, он прошел огни и воды, прежде чем заработал столь противоречивый облик.

- Старый сморщенный перец, - кратко отозвался о нем Рубин. - Такой знатный вельможа способен на любую подлость. Он не задумываясь закопает живьем родную мать и собственных детей, лишь бы его проклятый "Закон" не понес бы где убытки.

Маленький Джон охотно согласился с такой оценкой. За ним согласился мавританец и узкоглазый японец Такеда, безмолвие которого, наконец-таки, превзошло все допустимые пределы. Что касается Дафни из Нидерландов, то тщедушный богомолец осторожно заметил, что с таким специфическим выражением лица действительно ходят на погребение, когда отпевают очень близких и дорогих родственников. Остальные держали рты на замке, не в силах пошевелить не то что языками, но даже кончиками пальцев.

- В чем обвиняются эти люди? - задал свой первый и единственный вопрос шериф славного города Ноттингэма.

- Ваша светлость!.. - громогласно выкрикнул один из судей (явно начальник местной канцелярии), - эти бродяги обвиняются в мелком и крупном разбое на дорогах Англии и браконьерстве. Кроме того, мы вынуждены с прискорбием отметить их несомненные воровские умения и, конечно же, откровенное создание незаконного вооруженного формирования на территории чудесного графства Ноттингэмшир! Помимо указанных злодеяний, этим людям вменяется в вину попытка тщательно-запланированного государственного переворота и преднамеренное покушение на Вашу личную жизнь!

- Ну что же, сэра Персиваль... - казенным тоном провозгласил шериф. - Лично у меня нет никаких оснований, чтобы не доверять вашему обвинительному слову. Вы все очень внятно изложили. Более того, ваше выступление наглядно удостоверяет, что земля наша по-прежнему полна дьявольского греха и грешниками, коих, увы, не становится меньше. Посему я предлагаю повесить этих людей со всей возможной быстротой, дабы убедить оставшихся праведников в том, что божий суд на английской земле не дремлет.

"Так вот он какой, славный город Ноттингэм... - с небывалой грустью подумал Рубин. - Похоже, здесь лишают жизни с такой невероятной легкостью, будто человек - это чурка стоеросовая, и место его в адской топке. А ведь мне и моим товарищам всего лишь хотелось немного человеческого тепла и уюта..."

О чем подумали остальные бродяги, осталось на совести каждого из них.

Эпизод двадцать девятый.

Очень незначительный, как незначительны, бывают, порой, любопытные взгляды и задушевные беседы.

---

* Перемен! Требуют наши сердца!

Перемен! Требуют наши глаза!

Из сочинения одного корейского трубадура, хотя, вообще-то, никто ничего не требует, все только хотят иметь различные блага и материальные ценности. (Случайная констатация факта.)

Когда петля ловко опустилась на шею Рубина, холодный пот прошиб его вплоть до мозга костей. Палач - высокий жирный ублюдок, усердно затянул узел потуже, и, желая подбодрить несчастного человека близким свиданием с ангелами, дружески похлопал его по плечу. Физиономию палача скрывал мешок из багровой ткани с двумя дырками на месте глаз. Сквозь отверстия злодей взирал на дело рук своих и старался не упустить какую-либо мелочь.

- Готов? - спросил он Рубина.

- Всегда готов... - хрипло прозвучало в ответ.

Выполнив положенные формальности, экзекутор, виляя необъятной задницей, неспешным шагом направился к следующему кандидату в покойники. Им оказался Маленький Джон. Он ожидал положенного часа храбро, с истинным смирением на лице. Великана не смущало, что его собираются отправить в необъятные чертоги всемогущих небожителей намного раньше предначертанного срока. Напротив, его крупный честный образ выражал искреннее недоумение. Он никак не мог взять в толк: за что, собственно, и по какому праву его лишают такой простой вещи, как жизнь?

Палач играючи набросил на могучую шею Маленького Джона зловещую петлю и, виляя широким задом пуще прежнего, перешел к следующему молодцу. Именно в этот драматический момент на площади показалась громоздкая карета, расписанная позолоченными кренделями. Ее окружали несколько рыцарей и оруженосцев. Без церемоний кавалькада устремилась к судейскому столу. Она прошла сквозь толпу практически непринужденно, словно флотилия великолепных кораблей сквозь кучу мелких рыбацких лодок.

Остановившись напротив помоста с осужденными, карета покосилась набок и замерла на месте. Спустя мгновение хлопнула дверка, и наружу выбрались две молодые особы. Обе явные красавицы. Обе низко поклонились шерифу, выказывая ноттингэмскому администратору всяческое почтение. Старый прощельга безотлагательно приподнял худосочный зад и, отдавая дань взаимной вежливости, пожелал дамам всего самого наилучшего. Затем обратился к гостям с такими словами:

- Приветствую вас, господа и дамы! Приветствую вас, дорогой сэръ Гай Гизборн!

- Как поживает ваша светлость?! - в самой изысканной манере отозвался названный господин.

- Вашими неустанными молитвами, дорогой сэръ! - с напускной сердечностью откликнулся шериф. - Вашей неукоснительной преданностью и посильной помощью!

- Моя посильная помощь и преданность не входит ни в какое сравнение с вашими милостями и вашей безупречной службой на благо всеобщего порядка, - весьма учтиво заметил сэръ Гай Гизборн. Он огляделся и как бы ненароком обратил внимание на толпу осужденных бродяг. - О, я вижу, что вы не дремлете, ваша светлость! Похоже, что в ваши силки снова попала свежая порция преступников. Судя по физиономии этого чересчур нахального молодчика... - он указал кнутом на Рубина, - ему полагается всыпать дюжину хороших плетей! А этому верзиле... - кнут переместился в сторону Маленького Джона... - пошел бы впрок усиленный пост и поденная работа в течение, по крайней мере, полугода!..

Сэръ Гай Гизборн приблизился к Рубину и, оглядев его с ног до головы, подтвердил, что таким людям, как Рубин лучше всего вообще не появляться на божий свет, ибо божий свет создан не для того, чтобы его оскверняли своим присутствием подобные лица.

Выслушав столь заносчивый комментарий, Рубин, как мог, развернул плечи, гордо поднял голову, слегка прочистил пересохшую глотку, и без излишних рассусоливаний бросил в лицо надменному аристократу следующую фразу:

- Сэръ! Мне чрезвычайно трудно взять на себя роль человека, способного решать, кто из нас заслуживает того, чтобы появляться на этот божий свет, а кто нет. Но зато я знаю совершенно точно, что приличная одежда и хорошие манеры никогда не скроют от наметанного глаза личину гнусного мерзавца, стопроцентного хама и, само собой разумеется, законченного негодяя!..

Когда смолкло последнее слово, на площади повисла могильная тишина. Простой средневековый народ сходу понял, что одного из присутствующих сэров поставили в глупое положение. Может быть благодаря этому положению, Рубин увидел самое прекрасное лицо в своей жизни. Оно принадлежало молодой даме, которая вышла из кареты первой и доселе даже не смотрела в сторону осужденных. Теперь же она с неподдельным любопытством уставилась на Рубина. Вероятно, ей еще ни разу в жизни не приходилось слышать ничего подобного. Это была краткая секунда счастья, мимолетная искорка угасающего света, брошенная умирающему герою в последний час его трагикомического существования. За подобные взгляды иные граждане могли бы отдать последнюю каплю крови, последний глоток дыхания или последний ломоть хлеба, а может быть и гораздо больше,

включая бессмертную душу. Но, к сожалению, миг счастья истек быстротечно. Он закончился чудовищным ударом по голове и столь же справным ударом под ребра. Жирный палач из Ноттингэма произвел оба удара с отдышкой, наотмашь, но вполне профессионально. Видно было сразу, что ему не впервой свершать таковые вразумляющие действия. Рубин едва не потерял сознание, когда почувствовал на собственной шкуре разницу между возвышенными чувствами и до жути скотской реальностью.

- Ваша светлость!.. - палач склонился в подобострастном поклоне перед шерифом, - если вы желаете, то я мог бы проучить этого болтливого молодчика иным способом, кроме милосердного повешения. Стандартная дыба, гаррота, раскаленные прутья на живот, железная дева, и, разумеется, испанские сапоги* способствуют правильному изменению взглядов у любого самого закоренелого преступника.

- Что скажете, дорогой сэра Гай Гизборн?.. - шериф Ральф Мурдах казался сущим воплощением гостеприимства и великодушия.

- Я полагаю... - холодные глаза Гая Гизборна сузились до размеров самого тонкого китайского прищура. - ...Я полагаю, что испанские сапоги и железная дева подошли бы ему в самый раз, однако мне представляется, что нет никакого смысла оттягивать неизбежный конец.

- Благоразумная речь и вполне компетентное знание жизни... - довольным голосом подхватил шериф.

- Я ничуть не сомневаюсь... - чисто машинально обронил Рубин, - что когда-нибудь эти испанские сапоги и железная дева придутся впору каждому из вас...

- Гм... - насмешливым тоном заключил сэра Гай Гизборн. - Но прежде мы уступим дорогу иной публике, подготовленной к подобным примеркам едва ли не с колыбели.

После чего заплечных дел мастера, не теряя ни единого момента, приступили к повешению...

Эпизод тридцатый

Здесь описывается простая средневековая казнь, хотя при особом желании тут можно описать все что угодно.

Первым приготовился познакомиться со смертью Маленький Джон. Ему грубо тыкали в спину и в жопу пиками, чтобы он двигался по возможности живее и не задерживал продвижение на тот свет, однако Маленький Джон будто не замечал колючих понуканий. Он вдохнул полной грудью, а затем от самого чистого сердца и незлопамятной души, громогласно послал собравшееся общество ко всем чертям собачьим.

Народ на площади рьяно поддержал его криками. Публика не привыкла к подобной смелости и восторженно приняла выступление гиганта.

- Давай-давай, смельчак! - орала из дальних и ближних рядов. - Скажи еще что-нибудь! Скажи! Не жалея сил, парень, ибо больше они тебе не понадобятся!

- Ха-ха-ха!

- Обрубите парню конечности, иначе с его весом он никогда не поднимется на облака!..

- Передавай наши приветы созданиям небесным, если увидишь их удивленные лица! - неистово вопила прочая гольтьба. - Им наверняка будет интересно узнать, как ты очутился на небесах, а не в аду!

- Ха-ха-ха!

Маленький Джон свирепо бычился в ответ. Потом жирный палач из Ноттингэма выбил скамейку из-под ног здорового англичанина, и огромные говнодавы великана повисли между небом и землей.

Это был ужасный момент. Физиономия Маленького Джона страшно побагровела. Он дернулся несколько раз, словно могучий кабан, подвешенный над жгучим пламенем бесовской жаровни, и попытался в последнем усилии разорвать тугие кожаные ремни, перетянувшие его большое тело крепкими узлами.

---

* Стандартная дыба, гаррота, раскаленные прутья, железная дева, испанские сапоги - орудия древней варварской пытки. Активно использовались в публичных наказаниях. Дыбой - растягивали. Гарротой - удушали. Раскаленными прутьями - выжигали. Железной девой - тискали и зажимали, а испанскими сапогами - ущемляли и сдавливали. О прочих орудиях средневековых пыток лучше не упоминать, поскольку в нашем сугубо цивилизованном обществе до сих пор, с большой охотой, правящая верхушка готова растягивать, удушать, выжигать, тискать, зажимать, ущемлять и сдавливать свой народ до полной потери пульса.

"Это конец", - подумал Рубин.

Но это был не конец, ибо первыми не выдержали мучительной пытки глаголь и веревка: сначала покосилась виселица, она заваливалась медленно и тихо, словно в сказочном сне, преисполненном высочайшими вердиктами о помиловании. Затем, негромко, но явственно затрещала веревка, готовая лопнуть от непомерного напряжения.

"Похоже, полтора центнера натурального английского мяса не так просто отправить на тот свет", - обрадовано подумал Рубин.

Тогда засуетился палач из Ноттингэма. Извергу не пришло в голову ничего путного как подпереть виселицу собственным задом. Однако задница у злодея оказалась сродни знаменитому английскому пудингу. Как ни старался мучитель, но громадный корпус Маленького Джона с невероятной силой повлекло обратно на грешную землю.

Толпа буквально обмерла на месте. В наступившей тишине громкое падение рухнувшего глаголя показалось Рубину адским взрывом. Бухнувшись набок, виселица с дьявольским грохотом проломилась дощатый помост и застыла вывернутыми останками наружу.

Следующий казус произошел уже с помостом. Под тяжестью осужденных, сооружение медленно сместилось на три фута влево, после чего твердо въехало угловой частью в бездонный котел с черной наваристой смолой*. Получив гулкой удар в бок, котел опрокинулся наземь, выплескивая под ноги горожан кипящее варево. Пламя костра тотчас же устремилось вслед за черной жижей.

Разобравшись в чем дело, публика сыпанула кто куда. В суматохе никто не заметил, как ярко вспыхнул возок с золотистой соломой. С возка пламя смело перекинулось на бочонки, аккуратно расставленные возле таверны "Старого ветерана из города Бостон", потом бойко охватило само питьевое заведение и шустро ринулось дальше, расползаясь по улицам и дворам с необычайной охотой.

Что творилось на местах для почетных гостей славного города Ноттингэм, Рубин не удосужился рассмотреть. Едкая дымовая завеса, пепел и гарь поднялись к самому поднебесью, накрывая крыши домов сплошным беспросветным саваном. Через миг, кругом уже бушевал огонь, тоскливо выли собаки, жутко редела скотина, испуганно голосили бабы и ребятя. Затем, Рубин почувствовал, как чьи-то быстрые руки ощупывают его со всех сторон, а потом из копоты, дымы и грязи прозвучал один единственный вопрос:

- Жить желаете, сударь?!

- Желаю! - коротко отрезал Рубин.

- А зачем? - вполне резонно прозвучало следом.

- Чтобы мстить угнетателям всех стран за свои пустые карманы и обворованную жизнь! - скороговоркой выпалил Рубин.

Ответ являлся образцом для подражания. После такого ясного отклика нормальные люди обычно дополнительных вопросов не задают. Спаситель Рубина оказался вполне нормальным человеком. Не прошло и минуты, как бывшие гребцы снова были свободны. Последним, кто вновь почувствовал избыток воли, оказался Маленький Джон. Когда его большие мозолистые ладони содрали петлю на шее, над площадью славного города Ноттингэма прогремел его громогласный голос:

- Будь ты проклят, шериф ноттингэмский! Вместе с твоим собачьим выводком!

Гигант не на шутку разошелся, однако отвечать за поступки Ральфа Мурдаха пришлось жирному палачу из трижды гребанного города Ноттингэма. Валяясь в полуобморочном состоянии, он даже не понял, за что его так истово пинают в тучную область раздобрившего брюха и необъятной задницы.

Когда содрали багровый колпак палача с головы ноттингэмского злодея, тотчас выяснилось, что сей обожравшийся экзекутор имеет вполне приятную наружность. Именно за столь прискорбный факт, ему еще и еще разок хорошенько врезали промеж глаз и только после этого резко взяли себя в руки.

- Мы же не звери... - шумно выдохнул Маленький Джон, с невыразимым удовольствием пиная палача в раскоряченный зад.

- Мы - нет! - веско присовокупил Али Ахман Ваххрейм, шумно всаживая свой грязный башмак в поясницу опухшего изверга. - Но око за око, а зуб за зуб, иначе нас будут вешать бесконечно!

---

* Смолою законопачивали щели (например, в лодках). Также покрывали основания столбов, прикапывая их в землю. Таким образом, добротнo просмоленные столбы могли простоять долгие годы, и даже целые века. Помимо того, смолу поливали со стен крепостей, на головы атакующих врагов. Высоко оценив прекрасные свойства расплавленной смолы, враги более не лезли в чужой огород как оглашенные, а норовили изобрести иные способы взятия крепостей. Именно так, от простого к сложному, человек учился постигать собственную природу во всей ее уничтожающей красе и прогрессивных намереньях.

Город тем временем охватила паника. Пламя медленно, но верно охватило всю центральную часть Ноттингэма и принялось расползаться в разные стороны с угрожающей скоростью, пока клочущий ураган не поднялся к самым облакам. Из дыма выбегали ополоумевшие люди, собаки, домашняя скотина и протрезвевшая солдатня Ральфа Мурдаха.

Людей и живность, компания Рубина, разумеется, не трогала, а вот солдатне шерифа охотно давала по загривкам.

Потом ринулись к спасительным воротам, повсюду натываясь на брошенные манатки, утварь и почерневшие остовы построек. В общей давке Рубин вспомнил о своем дальнбойном луке и почти мимоходом подхватил его на руки. Остальные похватили то, что попало под руку.

Пока искали выход, пламя разгоралось все больше и больше, разбираясь с городом бесцеремонно и жестоко. В такой обстановке двигались скопом, плотной группой, не шаря глазами по сторонам. Ловили каждый глоток живительного воздуха. Впереди шагал Ангел-Спаситель. В крошечном аду "Ангел" продвигался уверенно, как у себя дома. Не успели оглянуться, как выскочили напрямик к выходному отверстию из чумового города. Однако тут находилась несметная толпа стражи, так что пришлось отступить обратно в дым.

- Все за мной! - прокричал Ангел-Спаситель и повёл людей в самое пекло, то и дело подбадривая бывших висельников красноречивыми народными матюгами.

Таким образом, умудрились воротиться к обгоревшему помосту на площади, обходя лобное место с подветренного края, и очутились в дверях таверны "Старого ветерана из города Бостон". Вывеска еще держалась, покачиваясь над обугленной дверью, словно адское лезвие гильотины. Сбоку шумно трещали какие-то догорающие строения, окруженные булькающей смолой, дымил возок с черными останками соломы, ярко горели виселицы.

Не теряя ни секунды, Ангел-Спаситель проник в заведение и шустро рванулся к стойке. За ним, не мешкая, бросились остальные. За стойкой обнаружился вход в смежную комнату. Здесь находилась круглая жаровня и множество разнокалиберных сковородок. Рядом высилась объемистая бадья с приготовленной гороховой похлебкой.

Запах от бадьи буквально валил с ног. Справа на стенке колебался большой дырявый гобелен. На нём был изображен уродливый каменный очаг. Над очагом висел массивный прокопченный котел, под днищем которого чернели головешки. Рисунок явно что-то напоминал, но спаситель даже не взглянул на это рукоделье. Он порывисто отдернул край гобелена и, недолго думая, проник в самое средоточие живописной британской забегаловки.

Рубин поступил аналогичным образом. За гобеленом обнаружилась довольно крутая лестница. Она вела в неизвестность. Вела глубоко, ибо их проводник, охая и причитая, падал в эту самую неизвестность кубарем, так что пятки сверкали.

Рубин едва не расхохотался, увидев такую умиротворяющую картину. Однако в следующий миг уже сам летел по отлогому спуску, путаясь в собственных руках и ногах, словно кукольная марионетка. За ним, понятное дело, свалился очередной ротозей. Увы, он умел смеяться куда громче вожака, прежде чем над ним раздалось "ржание" следующего товарища. В сумраке, казалось, что сверзился не человек, а нечто крупное и гулкое, наподобие пустой цистерны или помойного ведра. Под конец на лестнице появился Маленький Джон. Он вытеснил своим непомерным мамоном* прочих умников, каковые ухитрились удержаться наверху по чистой случайности, после чего вниз обрушились все без разбору, громко сетуя на лепры** нечистой силы и собственную нерадивость.

- Пресвятая Дева Мария! - охнул Дафни из Нидерландов. - Когда же кончатся наши муки?!

- Не иначе, когда померем! - сипло выдохнул кто-то.

Выбравшись из-под груды тел, Рубин блаженно растянулся на полу. Рядом натужено дышал Али Ахман Ваххрейм. Он проворчал по-арабски какое-то длинное затейливое ругательство и с немалым удовольствием широко раскинул руки. Затем очухались Дафни из Нидерландов и Такеда. Оба босяка безо всякого стыда и совести сунули свои грязные башмаки под нос Рубина и стали с кряхтением почесываться.

- Грехи наши тяжкие... - глубоко вздыхая, промолвил богомolec. - Какими путями ходим, такими путями и опадаем, как озимые на грядки...

---

* Мамон (не путать с мамонтом или мормоном) - живот, брюхо, утроба. Может перерабатывать тонны полезных продуктов, не оставляя взамен ничего хорошего, кроме пирамид говна. Способен подавлять разум человека, превращая его в потребительскую корзину.

** Лепры - проказы. А напроказило человечество немало. Интересно, а кто отвечать будет?

Потом кто-то засветил лампаду и склонился над копошащимися людьми. Это был все тот же Ангел-Спаситель. Где-то над его головой, окруженной слабеньким нимбом, покачивался крупный телячий окорок. Он легонько ударял Ангела-Спасителя по кумполу, отчего небесный служитель только сладко жмурился, словно матерый уличный кот, в одночасье угодивший на кухню богатого горожанина.

- Ты кто? - коротко спросил у него Рубин.

- Я Махулин, - еще короче пояснил Махулин. - Византиец Махулин.

- Тоже сэръ или как?

- Да нет... - Византиец Махулин шмыгнул носом. - Какие мы сэры... Я простой нормальный человек, я в сэры не лезу...

- Где-то я тебя видел, Махулин... - задумчиво произнес Рубин, пристально вглядываясь в черты простого нормального человека. Потом взгляд Рубина неспешно переместился влево. Только сейчас он разглядел за спиной Махулина обширный каменный подвал. Его, вероятно, использовали в качестве обыкновенного средневекового холодильника. Куда ни глянь, повсюду висели и лежали телячьи и свиные туши, оглушительно тянуло свежим сыром и копченой колбасой, пахло творогом, репой, пивом, вяленой рыбой, квашеной капустой, хлебом и чесноком. Здесь также находилась масса пузатых бочонков, расположенных вдоль правой стены. В центре комнаты помещался длинный деревянный стол для разделки туш и несколько добротных лавок. Сам хозяин склада восседал в дальнем конце стола и рассматривал Рубина спокойно и вдумчиво, словно непогрешимый судья, готовый вынести справедливый вердикт в пользу заблудшего сына. Большой резерв мясопродуктов весьма наглядно свидетельствовал, что этот человек далеко не так прост, как, например, Византиец Махулин, поскольку быть владельцем столь богатых питательных запасов может только воистину справный торговец.

- Откушать не желаете? - как-то вдруг тепло по-домашнему поинтересовался хозяин подземных закров.

- А то!

- Тогда садитесь за стол, а чесать языками в другой раз будем...

- Да пребудет с нами всевышняя сила, - облегчено молвил Дафни из Нидерландов. - Есть все-таки на свете Господь Бог. Есть...

Перекрестившись, поднялись на ноги и вполне цивилизованно приступили к трапезе.

Наверху горел славный город Ноттингэм. Там расплзалась зловонная смоляная жижа, бурлили кипятком лужи, курился помост с рухнувшими виселицами, иступленно голосили люди, и носился не востребуемый дух чьей-то отлетающей на хрен жизни. А в каменном подвале старого ветерана из города Бостон, затоваренном продуктами питания сверх всякой меры, было прохладно и уютно. Тут вполне вольготно расположилось около десятка беззаботных молодцов. Недавние висельники с дьявольским аппетитом поглощали многочисленные мясные блюда и вяленую рыбешку. Болтали исключительно о том, что мир гораздо радужнее, чем кажется на самом деле, ибо вокруг полным-полно не только палачей, подонков и негодяев, но и самых добросердечных людей, готовых угостить тебя душистым пивом, щедрым ломтем хлеба и копченой колбасой...

Спасибо за внимание. Ознакомительная часть закончена...